

У $\frac{56}{321}$

ТОМПСОНЪ СЕТОНЪ.

ИЗЪ ЖИЗНИ
ГОНИМЫХЪ.

Handwritten text in the top left corner, possibly a date or page number.

A series of small, faint handwritten marks or characters arranged in a slightly curved line.

A small, isolated handwritten mark or character at the bottom right of the page.

2/56
321
Эрнестъ Сэтонъ Томпсонъ.

ИЗЪ ЖИЗНИ ГОНИМЫХЪ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО
Е. ЛАШКЕВИЧЪ.

Издание В. М. Саблина.

Москва. — 1910.

2007097477

ТИПОГРАФІЯ В. М. САБЛИНА.
Москва, Петровка, д. Обидиной.
Телефонъ 131-34.

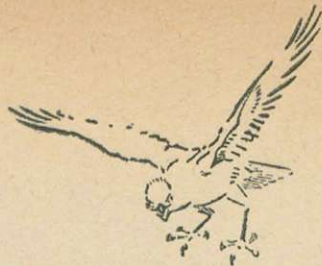

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Крэгъ	3
Уличный трубадуръ	113
Медвѣжонокъ Джонни	149
Путешествіе дикой утки	199
Приключенія щенка	219
Кенгуровая крыса	241

ИЗЪ ЖИЗНИ ГОНИМЫХЪ.

КРЭГЪ.

Крэгъ.

Представьте себѣ огромную, широкую атласную ткань, всю въ бѣлыхъ пере-ливахъ, съ разбросанными по ней продолговатыми пучками и стелющимися лиловатыми, почти бѣлыми гирляндами — цвѣтовъ вистеріи — висячими, блестящими и такъ мягко сливающимися съ блѣднымъ шелковистымъ фономъ, что ткань все-таки остается бѣлой; тамъ и сямъ протянулись по ней, то исчезая, то вновь появляясь, двѣ тонкія, переплетающіяся цѣпи золотой нити.

I.

Я вижу уголокъ высокаго плоскогорья на далекомъ сѣверо-западѣ. Его сѣрня и

Крэгъ.

красноватя скалы испещрены богатыми красками теплыхъ тоновъ, новорожденными красками горной весны, самой величаво-весенней поры въ мѣрѣ; ибо, гдѣ нѣтъ зимы, не можетъ быть и весны. Мракъ мѣрило свѣта. Такъ, въ этомъ царствѣ безконечной зимней ночи, гдѣ природа скупится на ласки въ продолженіе шести суровыхъ мѣсяцевъ, а потомъ вдругъ вспоминаетъ о своихъ обязанностяхъ и сразу расплывается съ долгами, весна побѣднымъ шествіемъ своимъ какъ бы стремится наверстать утерянное. За шестимѣсячное отсутствіе радостей она теперь щедрою рукой изливаетъ свои дары. Конецъ мая послѣдній срокъ платежа. И тогда величавая, пышная, безмѣрно щедрая весна ликуетъ на каждой вершинѣ.

Свѣтлѣетъ немного даже хмурый Гендерпикъ, пронизывающій сѣверную часть хребта. Плоскогорье сияетъ всѣми цвѣтами, которые могли произрасти въ эти шесть бесплодно протекавшихъ мѣсяцевъ; но мы

Крэгъ.

видимъ всего одинъ. Здѣсь, у самыхъ нашихъ ногъ, дальше, справа, слѣва, очень далеко впереди, огромными, широкими грядами, цѣлыми десятинами, разстилается пурпурный волчій бобъ. Поблизости неровные, оторванные, разбросанные клочки, дальше — все шире и гуще, а на отдаленныхъ склонахъ они легли длинными, извивающимися полосами, какъ застывшія пурпуровыя облака.

Но, несмотря на конецъ мая, вѣтеръ холодный; судя по лужамъ, ночью былъ морозъ. Дуетъ «бѣлый вѣтеръ». Надвигаются большія тучи, и снѣгъ спускается на остроконечныя скалы, на вершины, на горные хребты. Мѣстность пріобрѣтаетъ сѣдой, сѣрый и бѣлый оттѣнки; цвѣты линяютъ одинъ за другимъ. Но волчій бобъ на своемъ высококомъ крѣпкомъ стеблѣ можетъ выдержать долгую борьбу со снѣгомъ: онъ подъ его тяжестью склоняетъ свою побѣлѣвшую головку; потомъ, благодаря вѣтру же, отряхивается и вызывающе

Крэгъ.

выпрямляется. Когда же снѣгъ перестаетъ итти, такъ же внезапно, какъ начался, облака проносятся, и голубое небо смотритъ на плоскогорье, сверкающее бѣлизной, испещренное полосами и усыпанное стрѣлами прелестнаго алаго цвѣта.

Взадъ и впередъ, вдоль и поперекъ шли, извиваясь длинной полосой, два слѣда.

II.

Поздній снѣгъ очень благопріятенъ для охоты по слѣдамъ; Скотти Макъ-Дугаль взялъ свою винтовку и началъ взбираться по открытымъ холмамъ позади своей хижины на Тобако-Крикъ по направленію къ хорошо ему извѣстной цѣпи Горныхъ Овецъ. Скотти довольно равнодушно смотрѣлъ на обширное бѣлое плоскогорье съ красными полосами цвѣтовъ волчьяго боба, пока его вниманіе не привлекъ двойной слѣдъ на свѣжемъ снѣгу. Онъ однимъ взглядомъ опредѣлилъ его—двѣ взрослыхъ

Крэгъ.

горныхъ овцы бродили тамъ и сямъ по этой мѣстности, держа носъ по вѣтру. Скотти шелъ по слѣдамъ нѣкоторое время и убѣдился, что овцы безпокойны, но не напуганы и опередили его менѣе, чѣмъ на часъ. Онѣ бродили отъ одного защищеннаго мѣста къ другому; разъ или два онѣ прилегли, но потомъ вскакивали и двигались дальше, повидимому не нуждаясь въ пищѣ, такъ какъ обильный кормъ остался нетронутымъ. Скотти осторожно пробирался впередъ, изучая разстояніе и обходя слѣдъ, но не спускалъ съ него глазъ. Обойдя скалистый утесъ, онъ увидалъ ложбинку, поросшую волчьими бобами, изъ которой вдругъ выскочили обѣ овцы.

Онъ вскинулъ винтовку, и въ ту же минуту одна изъ нихъ или даже обѣ навѣрное пали бы, но, передъ тѣмъ какъ спустить курокъ, Скотти увидѣлъ двухъ крошечныхъ новорожденныхъ ягнятъ, которые встали на свои длинныя подкашивающіяся ноги и

на мгновеніе оставались въ сомнѣніи, итти ли имъ къ пришельцу или слѣдовать за матерями.

Старья овцы испустили тревожное, пронзительное блеяніе и повернули назадъ. Мгновенная нерѣшительность ягнятъ пропала; они почувствовали, что долгъ повелѣвалъ имъ слѣдовать за существами, которыя были похожи на нихъ и такъ же пахли, какъ они — поэтому они спокойно направили къ матерямъ свои нетвердые шаги. Конечно, Скотти могъ убить любого или даже всѣхъ, такъ какъ находилъ въ двадцати ярдахъ отъ самой дальней овцы; но въ чловѣкѣ таится безотчетное стремленіе, дикое желаніе «поймать живымъ», не думая о томъ, что онъ будетъ дѣлать впослѣдствіи съ добычей. Виля, что ими легко овладѣть, Скотти спряталъ ружье въ укромное мѣсто и побѣждалъ за ягнятами. Тѣмъ временемъ испуганныя матери уже успѣли сообщить тревогу малышамъ, и тѣ не сомнѣвались въ томъ, что

Крэгъ.

должны спастись отъ незнакомца; и, когда онъ бросился впередъ, эта погоня была послѣднимъ предостереженіемъ — въ первый разъ въ своей короткой жизни они поняли опасность и инстинктивно стали искать спасенья. Жили они на свѣтѣ меньше часа, но природа даровала имъ драгоценныя инстинкты. И, хотя у ягнать были слабыя ноги сравнительно съ человѣкомъ, они выказали поразительную изворотливость. Скотти не удалось ихъ поймать — какъ онъ этого ни хотѣлъ.

Между тѣмъ, матери кружились около, жалобнымъ блеяніемъ побуждая крошекъ спастись. Скотти, шныряя кругомъ, пугалъ ихъ все болѣе и болѣе, такъ что они напрягали всѣ силы своихъ слабыхъ членовъ въ стремленіи найти матерей.

Скользящему и карабкающему чловѣку не удавалось ихъ поймать, хотя онъ не разъ доставалъ ихъ рукой. Вскорѣ эта серьезная игра въ пятнашки была искусно направлена трепетавшими въ страхѣ matka-

Крэгъ.

ми въ противоположную сторону отъ росшихъ въ этомъ мѣстѣ волчьихъ бобовъ. Почувствовавъ подъ собою болѣе ровную, твердую почву, ягнята сразу приобрѣли бодрость, которая смѣнила начавшую было овладѣвать ими усталость; а Скотти, упорно гоняясь за ягнятами по всѣмъ направленіямъ, былъ далекъ отъ мысли, что вся эта игра велась старшими овцами, пока онѣ не достигли нижней вершины Гендерпика, зубчатаго, остроконечнаго скалистаго утеса, на который онѣ вскочили. Тутъ ягнята набрались новыхъ силъ, какъ утята въ первый разъ погруженные въ воду. Ихъ маленькія черныя упругія копыта впились въ скользкій утесъ, недоступный человѣческой ногѣ, и словно на крыльяхъ понеслись они наверхъ и вдаль, подъ предводительствомъ матерей, пока совсѣмъ не скрылись изъ виду. Для нихъ было, конечно, большимъ счастіемъ, что Скотти бросилъ винтовку, такъ какъ на разстояніи ста ярдовъ онъ убивалъ овцу безъ промаха. Онъ было пустился

Крэгъ.

назадъ за своимъ оружіемъ, но, раньше чѣмъ онъ успѣлъ имъ повредить, густая завѣса тумана спустилась съ Пика и стала между ними стѣной. Тотъ же самый Бѣлый Вѣтеръ, который принесъ съ собой предательскій снѣгъ, выдавшій ихъ смертельному врагу, нагналъ туманъ, скрывшій ихъ теперь отъ его глазъ.

Такимъ образомъ Скотти могъ только окинуть взоромъ высокій утесъ и пробормотать про себя:

«Экіе чертенята, экіе черенята! — вѣдь перехитрили меня, даромъ что родились часъ тому назадъ».

Тутъ онъ, наконецъ, вполне понялъ причину неувѣренной поступи старыхъ овецъ, которую онъ угадалъ по ихъ слѣдамъ.

Остатокъ дня онъ провелъ въ безуспѣшной охотѣ и вечеромъ пришелъ домой голодный и поужиналъ добрымъ кускомъ свиного сала.

III.

Зубчатые утесы служатъ не любимымъ мѣстопробываніемъ, а скорѣй вѣрнѣйшимъ и послѣднимъ убѣжищемъ горныхъ овецъ. Тутъ матери уже не чувствовали страха и съ этого времени въ послѣдующія недѣли старались не уходить пастись далеко отъ надежнаго пріюта въ скалахъ.

Ягнята были крѣпкой породы и росли такъ быстро, что черезъ недѣлю уже не отставали отъ матерей, когда внезапное появленіе горнаго льва обращало ихъ въ бѣгство, и они должны были спасти свою жизнь.

Снѣгъ, выпавшій въ день рожденія ягнятъ, лежалъ всего нѣсколько часовъ, и всѣ холмы опять покрылись травой и цвѣтами. Обильный кормъ, которымъ пользовались матери, онѣ передавали малышамъ въ молоко, которымъ тѣ наслаждались, помахивая хвостиками. Одинъ изъ ягнятъ, отли-

Крэгъ.

чавшійся ярко-бѣлымъ носомъ, былъ крѣпко сложенъ; а у его товарища, который былъ нѣсколько выше и изящнѣе его, черезъ нѣсколько дней послѣ появленія на свѣтъ обозначились уже рожки.

Они очень подходили другъ къ другу, рѣзвились, бѣгали взапуски около своихъ матерей и боролись между собой цѣлый день. Одинъ ударялъ лбомъ другого—тогда тотъ старался боднуть его сзади. Если они замѣчали какую-нибудь привлекательную кочку, то тотчасъ же начинали старую, какъ мѣръ, общеизвѣстную игру въ короли. Одинъ изъ нихъ взбирался на кочку и не давалъ другому подойти. Топая ногами и потрясая своей маленькой круглой головкой, онъ этимъ самымъ давалъ понять, что онъ хозяинъ дворца; затѣмъ они прижимали свои хорошенькія розовыя ушки, ударялись пушистыми головками и вращали добродушными черными глазками, усиливаясь принять самый свирѣпый видъ; дрались и боролись, пока

Крэгъ.

одинъ изъ нихъ, поставленный на колѣни, не уклонялся и не становился на дыбы, какъ будто говоря: «Я и не думалъ отнимать у тебя твоего стараго дворца», но тотчасъ же, отказываясь отъ своихъ словъ, выскивалъ себѣ другую подходящую кочку и, ставъ на нее, начиналъ брыкаться и трясти головой, какъ бы дѣлая вызовъ, и тогда борьба возобновлялась.

Въ этихъ стычкахъ всегда бралъ верхъ Бѣлоносикъ, такъ какъ онъ былъ коренастѣе; но, когда они бѣгали взапуски, Рогачъ обгонялъ своего товарища. Онъ не зналъ усталости; съ утра до вечера онъ былъ готовъ прыгать и скакать.

Ночью они спали, прижавшись къ матерямъ въ какомъ-нибудь укромномъ уголкѣ, откуда они могли видѣть или, скорѣе, чувствовать восходъ солнца, что для нихъ было важнѣе; и Рогачъ, по живости своего характера, просыпался первымъ. Бѣлоносикъ былъ по характеру склоненъ къ лѣни и лежалъ, свернувшись клубочкомъ,

Крэгъ.

пока не поднималась вся семья и не начиналась обычная жизнь. Его бѣлоснѣжному носу соотвѣтствовало такое же бѣлое пятно сзади, какъ у всѣхъ большерогихъ горныхъ овецъ, только нѣсколько шире и ярче обыкновеннаго. Эта отмѣтина представляла такое искушеніе для Рогача, что онъ не пропускалъ случая боднуть его. Онъ былъ въ восторгѣ, если утромъ ему удавалось разбудить своего маленькаго друга основательнымъ, какъ ему казалось, толчкомъ въ красивую бѣлую отмѣтину.

Горныя овцы обыкновенно ходятъ стадами; чѣмъ ихъ больше, тѣмъ больше зоркихъ глазъ. Но охотники не дремали въ Кутенейской мѣстности; особенно неумолимъ былъ Скотти. Крыша его хижины была устлана отборными бараньими рогами, а внутри наполовину заполнена овечьими шкурами, ожидавшими хорошаго покупателя. Благодаря ему, отъ стадъ большерогихъ горныхъ барановъ осталось лишь нѣсколько разсѣянныхъ группъ, изъ которыхъ

Крэгъ.

въ самой большой было меньше тридцати, а въ нѣкоторыхъ, какъ та, о которой я говорю, не больше трехъ-четырехъ головъ. Въ теченіе первой половины іюня старый Скотти раза два прошелся по цѣпи Овечьихъ горъ съ ружьемъ наготовѣ, потому что дичь являлась для него желанной во всякое время; но всякій разъ той или другой изъ бдительныхъ матерей удавалось увидать его издалека, и она или быстро всѣхъ уводила, или, вбирая воздухъ ноздрями особымъ отрывистымъ звукомъ, похожимъ на сопѣніе, давала товаркамъ знать, чтобы онѣ не шевелились; тогда онѣ всѣ стояли какъ изваянія и такимъ путемъ спасались, когда малѣйшее движеніе могло стоить имъ жизни. Какъ только врагъ скрывался изъ вида, онѣ немедленно перекочевывали въ другую часть возвышенности.

Однажды, когда онѣ огибали опушку сосноваго лѣса, онѣ почували незнакомый запахъ. Онѣ остановились въ недоумѣніи,

Крэгъ.

стараясь понять, въ чемъ дѣло — вдругъ съ высоты утеса прыгнуло огромное темнаго цвѣта животное и свалило съ ногъ мать Бѣлоносика.

Рогачъ съ матерью въ ужасѣ бросились бѣжать, а врагъ, оказавшійся росомахой, сразу прикончилъ свою жертву; но передъ тѣмъ, какъ начать пировать, росомаха бросилась на стоявшаго въ оцѣпенѣннн Бѣлоносика и съ сострадательной безпощадностью уложила его на мѣстѣ рядомъ съ матерью.

IV.

Мать Рогача была средней величины и изящнаго сложенія. Рога ея были длиннѣе и острѣе, чѣмъ у обыкновенныхъ горныхъ овецъ, и она въ достаточной мѣрѣ обладала здравымъ овечьимъ смысломъ. Мѣстность надъ Тоббако-Крикомъ съ каждымъ мѣсяцемъ становилась все опаснѣе, въ особенности благодаря усердію Скотти, — а тра-

Крэгъ.

гическое утреннее происшествіе еще болѣе укрѣпило въ матери Рогача намѣреніе покинуть эту мѣстность.

Она неслась во всю прыть по склону Гѣндерпика; останавливаясь при каждомъ подъемѣ, она тщательно озиралась, глядѣла назадъ и впередъ и на нѣсколько мгновеній оставалась неподвижной какъ утесъ, покрытый мхомъ, присматриваясь къ соседнимъ высотамъ.

Въ одну изъ такихъ минутъ она увидала позади себя двигавшуюся по хребту горъ темную фигуру. Это былъ старикъ Скотти. Она была совсѣмъ на виду, но застыла на мѣстѣ и такимъ образомъ избѣгла опасности, оставшись незамѣченной; а когда человекъ скрылся за скалами, она пустилась вскачь еще быстрѣе, такъ что маленькій Рогачъ выбивался изъ силъ, чтобы за ней поспѣть. Каждую вершину она старательно оглядывала; но, не видя болѣе ни враговъ ни друзей, весь день спокойно продолжала путь, замедляя шагъ по мѣрѣ того, какъ

Крэгъ.

она оставляла позади себя опасныя мѣста.

Къ вечеру, взбираясь на хребетъ, Якъинъ-и-какъ, расположенный между двумя водными бассейнами, она усмотрѣла на возвышенности контуры какихъ-то двигавшихся фигуръ. Послѣ долгихъ наблюдений, она признала въ нихъ горныхъ овецъ—сѣрыхя, съ бѣлой полоской на ногахъ и бѣлыми пятнами на мордѣ и сзади около хвоста. Онѣ шли по вѣтру. Стараясь не быть замѣченной, она пошла за ними и, отыскавъ ихъ слѣдъ, убѣдилась, что догадка ея была правильна; кромѣ того, было ясно, что здѣсь прошли два крупныхъ барана, принадлежавшихъ къ породѣ, большерогихъ. Согласно обычаю горныхъ овецъ, бараны составляютъ отдѣльное отъ овецъ и ягнятъ общество. Они не смѣютъ смѣшиваться или искать общества другъ друга, за исключеніемъ начала зимы, праздничныхъ мѣсяцевъ поры любви, когда наступаетъ время обзаводиться семьями.

Крэгъ.

Мать Рогача — будемъ называть ее Спейкердо — бросила слѣдъ и отправилась черезъ хребетъ, обрадованная тѣмъ, что открыла мѣстопребываніе горныхъ овецъ. Ночь она провела въ ложбинкѣ и на другое утро пошла дальше, кормясь по пути. Вдругъ она почувяла запахъ, заставившій ее остановиться. Она тотчасъ же свернула въ ту сторону. Слѣды соединились и перекрещивались, и она болѣе не сомнѣвалась, что напала на слѣдъ цѣлой компаніи овецъ и ягнятъ, и довѣрилась ему уже безъ колебаній.

Маленькій Рогачъ скакалъ рядомъ, тоскуя о потерянномъ товарищѣ и работая ногами съ удвоеннымъ усердіемъ.

Черезъ нѣсколько минутъ она могла разглядѣть все стадо—не болѣе дюжины головъ — ея собственной породы. Верхняя часть ея головы приходилась какъ разъ надъ скалой, такъ что она первая увидала ихъ; но Рогачъ тоже высунулъ свою круглую головку, чтобы посмотрѣть; это легкое

Крэгъ.

движеніе не укрылось отъ бдительнаго ока одной изъ матерей въ стадѣ. Она подала знакъ, превратившій все стадо въ группу статуй, обращенныхъ головами въ ихъ сторону. Теперь настала очередь Спейкердо. Она выступила впередъ и стала на виду. Стадо поскакало черезъ холмъ и расположилось за нимъ слѣва, а Рогачъ съ матерью отошли вправо.

Такимъ образомъ по отношенію къ вѣтру они теперь заняли обратное положеніе.

Раньше она могла обнюхивать ихъ, теперь—они ее; и, издали опредѣливъ, кто она, овцы были увѣрены, что ея вѣрительная грамота въ порядкѣ. Она осторожно приближалась къ нимъ. Одна изъ предводительствующихъ овецъ пошла ей навстрѣчу. Онѣ фыркнули и смѣрили другъ друга глазами. Предводительница топнула ногой, а Спейкердо приготовилась дать отпоръ. Онѣ сошлись и ударились лбами! И во время борьбы Спейкердо такъ стиснула свою противницу, что одинъ изъ ея острыхъ роговъ

Крэгъ.

пришелся той по уху. Прикосновеніе рога становилось очень неприятнымъ: почувствовавъ, что слабѣтъ, овца фыркнула, повернула спину и, мотая головой, присоединилась къ своимъ подругамъ. Спейкердо послѣдовала за ней, а озадаченный маленькій Рогачъ ни на шагъ не отставалъ отъ матери. Стадо повернулось и побѣжало, но, описавъ кругъ, вернулось обратно и, видя, что Спейкердо сумѣла постоять за себя, окружило ее и такимъ образомъ приняло въ свою среду. Вся эта церемонія относилась исключительно къ матери Рогача. Ему же пришлось особо завоевывать себѣ положеніе. Въ стадѣ было семь-восемь ягнятъ. Многіе изъ нихъ были старше и крупнѣе его и, подобно нѣкоторымъ другимъ животнымъ, всегда готовы преслѣдовать незнакомца только потому, что онъ былъ незнакомецъ.

Рогачу пришлось впервые въ этомъ убѣдиться, когда онъ неожиданно сзади получилъ тумака. Ему всегда казалось очень забавнымъ устраивать такой сюрпризъ Бѣло-

Крэгъ.

носику, но въ данномъ случаѣ ему было совсѣмъ не смѣшно, а просто досадно. А когда онъ обернулся, чтобы отразить врага, другой набросился на него съ другой стороны; и, куда бы онъ ни повернулся, всюду онъ натыкался на ягненка, готовившагося его боднуть, и бѣдный Рогачъ принужденъ былъ всякій разъ искать защиты у своей матери. Конечно, она могла защищать его, но не могъ же онъ постоянно оставаться возлѣ нея. Остатокъ дня, проведеннаго среди стада, ему показался грустнымъ, зато другимъ ягнямъ было очень весело. Онъ былъ такъ испуганъ ихъ многочисленностью, неожиданностью всего происшедшаго, что не зналъ, что дѣлать. Его живость мало ему помогала! Было ясно, что на слѣдующее утро они опять собираются надъ нимъ издѣваться. Между ними выдѣлялся самый большой, коренастый барашекъ. Пока у него не было еще роговъ, но, когда они выросли, то оказались такими же, какъ онъ самъ: плотно сидящими,

Крэгъ.

неправильно загнутыми и шероховатыми, такъ что, забѣгая впередъ, мы можемъ именовать его «Кринкль-Горномъ» (извилистый рогъ). Онъ подкрался къ Рогачу, какъ разъ когда тотъ поднимался съ земли, ставъ, какъ всѣ овцы, сначала на заднія ноги, и изо всей силы ударилъ его. Рогачъ растянулся, но тотчасъ же вскочилъ и съ сердцемъ бросился на забіяку. Ихъ головки столкнулись безшумно какъ два шерстяныхъ клубка — но ни тотъ ни другой не хотѣлъ уступить. Рогачъ былъ въ большемъ возбужденіи и наступалъ на противника. Наклонивъ головы въ уровень съ плечами, они отчаянно боролись. Сначала Рогачу пришлось отступить; но вскорѣ диковинные отростки его роговъ сослужили ему службу, и, получивъ два-три хорошихъ пинка въ ребра, забіяка обратился въ бѣгство. Окружившіе ихъ зрители убѣдились въ томъ, что вновь прибывшій оказался достойнымъ соперникомъ, котораго можно допустить въ свое общество,

Крэгъ.

и съ этой минуты издѣвательства надъ маленькимъ Рогачомъ прекратились.

V.

Часто приходится слышать, что условности и общественныя правила являются смѣшной, нелѣпой, придуманной людьми тираніей. Но на самомъ дѣлѣ они имѣютъ очень важное значеніе и, подобно закону тяготѣнія, существовали до образованія человѣческаго общества, послуживъ ему даже образцомъ при его появленіи.

У всѣхъ дикихъ животныхъ мы замѣчаемъ развитіе этихъ законовъ вмѣстѣ съ умственнымъ ростомъ ихъ рода.

Когда новая курица или корова появляется на птичьемъ или на скотномъ дворѣ, она должна стать на извѣстную ногу и занять опредѣленное мѣсто, соотвѣтствующее ея дарованіямъ. Всѣ находящіеся тамъ уже давно распредѣлены на лѣстницѣ старшинства и достоинства; никакой смѣльчакъ не

Крэгъ.

дерзнетъ по ней взобратся, минуя тѣхъ, кому о томъ вѣдать надлежитъ, и не сразившись съ ними. Гдѣ-нибудь на этой лѣстницѣ должно найтись мѣсто для пришельца, но, пока оно строго не установлено, ему предстоитъ постоянная борьба. Безъ сомнѣнія, сила, храбрость и ловкость въ большинствѣ случаевъ имѣютъ рѣшающее значеніе, но случается, что благоразуміе и проницательность играютъ еще большую роль. Кто обыкновенно бываетъ вожакомъ стада дикихъ животныхъ? Не всегда самое сильное и свирѣпое. Оно можетъ гнать его, но не вести.

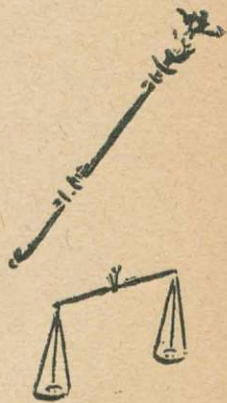
Руководитель не намѣчается официально, какъ у людей, но выбирается молчаливо, такъ что та особь, которая умѣетъ внушить остальнымъ, что за ней полезно слѣдовать, становится вожакомъ—и правительство находится въ полномъ согласіи съ управляемыми.

Избраніе всегда единодушно. Ибо, если въ стадѣ есть нежелающіе слѣдовать за

Крэгъ.

другими, имъ предоставляется полная свобода итти въ другую сторону. У многихъ животныхъ, держащихся стадами, главарь, храбрость и доблесть котораго были много разъ испытаны и который внушилъ остальнымъ безусловную вѣру въ силу своей мудрости, по большей части не самый сильный самецъ, а немолодая самка, какъ мы могли въ этомъ убѣдиться изъ наблюдений надъ ланями, буйволами и лѣтными стадами горныхъ овецъ.

Стадо горныхъ овецъ съ Гѣндерпика состояло изъ шести или семи матерей съ ягнятами, трехъ или четырехъ годовиковъ и молодого подрастающаго двухгодовалого барана, начинавшаго гордиться своими рогами, въ порѣ такъ называемаго «Каменнаго Козла». Онъ былъ самымъ крупнымъ экземпляромъ всего стада — но далеко не самымъ значительнымъ. Вожакомъ была старая, мудрая овца; не та, которая вступила въ единоборство со Спейкердо, а поменьше, съ короткими, грубоватыми рогами,

и не кто иная, какъ мать маленькаго забіяки, Кривого Рога.

Горныя овцы смотрятъ на вожака, какъ на главаря, которому нѣтъ необходимости повиноваться, но за которымъ безопасно слѣдовать, такъ какъ онъ всегда благо-разумно поступаетъ; и, хотя онѣ не даютъ другъ другу названій, но мысль ихъ именно такова. Поэтому мы и будемъ звать ее «Мудрой Овцой».

Спейкердо была очень дѣятельной овцой, въ первой порѣ молодости; обладая хладнокровіемъ, проницательностью и остротой зрѣнія, обонянія и слуха, она постоянно находилась насторожѣ. По крайней мѣрѣ, черезъ каждыя три шага она озиралась и, если замѣчала что-нибудь необычное или двужущееся, не переставала смотрѣть, пока не выясняла себѣ, въ чемъ дѣло, и тогда или опять принималась щипать траву или, во-бравъ воздухъ въ ноздри, издавала звукъ, заставлявшій овецъ застыть на мѣстѣ. Конечно, она дѣлала только то, что дѣлали

К р э г ъ .

другія, но дѣлала это лучше другихъ. Тѣмъ не менѣе Мудрая Овца рѣдко отъ нея отставала, нѣкоторые тревожные признаки усматривала раньше ея и имѣла еще то преимущество, что хорошо знала мѣстность. Но природа такъ поровну распредѣлила имъ свои дары, что Мудрая Овца вскорѣ сообразила, что она имѣетъ въ Спейкер-до соперницу въ искусствѣ предводительства.

Стадо имѣло свои странности. Напримѣръ, у одной молодой овцы была дѣшная привычка пастись, согнувъ переднія ноги (колѣни). Другія не брали съ нея примѣра, смутно сознавая, что такъ не хорошо дѣлать. Послѣдствіемъ этого оригинальнаго способа щипанія травы было появленіе мозолистой затвердѣлости на каждомъ колѣнѣ (собственно, кисти). Затѣмъ это постепенно увеличивавшееся затвердѣніе и неправильное пользованіе передними ногами понемногу лишило миссъ Нипадсъ («подушка на колѣняхъ») природной гибкости. Она

Крэгъ.

уже не могла достаточно быстро прыгать въ сторону и назадъ, какъ другія. Обыкновенно это искусство не имѣетъ особаго значенія, но приходитъ время, когда оно оказываетъ существенную пользу. Всѣ животныя, которымъ приходится спастись бѣгствомъ, развили въ себѣ искусство прыгать зигзагами. Это лучшая защита залегшаго зайца отъ нападенія лисицы или гончей собаки, единственное прибѣжище спящаго кролика отъ преслѣдованія дикой кошки; это пріемъ, которымъ пользуется отдыхающая лань, чтобы ввести въ заблужденіе подстерегающаго ее волка; такъ же дѣйствуетъ и куликъ, чтобы отвести глаза искусному охотнику и быстрокрылому ястребу, увертливыми прыжками изъ стороны въ сторону ускользаетъ онъ изъ болота, пока не почувствуетъ себя въ полной безопасности.

Другой странностью отличалась молодая нервная овца. Вообще она слушалась старшей, но не всегда. Когда раздавался ко-

Крэгъ.

роткій, отрывистый звукъ, призывавшій овецъ окаменѣть на мѣстѣ, она не могла оставаться неподвижной и начинала суетиться, вмѣсто того, чтобы послѣдовать вѣ-время поданному Мудрой Овцой сигналу «застыть».

VI.

Нѣсколько недѣль прошло въ частыхъ тревогахъ и спасаніи жизни бѣгствомъ. Пока все шло благополучно, такъ какъ сторожевая служба была удачно налажена. По мѣрѣ того какъ приближалось лѣто, овцами стало овладѣвать какое-то особенное, лихорадочное безпокойство. Онѣ стояли неподвижно нѣсколько минутъ сряду, не щипали травы, оставляли жвачку. У нихъ появились признаки плохого пищеваренія, онѣ не ложились, какъ будто чего-то ища,—сами не зная, чего. Какъ только Мудрая Овца сама почувствовала недомоганіе и отсутствіе аппетита—она сумѣла стать на высотѣ положенія. Она

Крэгъ.

повела стадо внизъ, черезъ строевой лѣсъ, и спустилась еще ниже.

Куда она шла? Большинству изъ нихъ дорога была совсѣмъ незнакома. Спейкердо была преисполнена недовѣрія. Ей не нравились эти непривѣтливья низины. Но предводительница спокойно шествовала впередъ. Если бы кто-нибудь изъ стада выказалъ намѣреніе вернуться, она, конечно, не преминула бы улизнуть. Но всѣ слѣдовали за ней, не разсуждая, такъ какъ ея спокойная увѣренность сообщалась остальнымъ. Теперь онѣ находились далеко отъ безопасныхъ мѣстъ. Вскорѣ она наострила уши и стала смотрѣть впередъ. Окружающія ее также повеселѣли. Онѣ не испытывали ни голода ни жажды, но желудки ихъ властно требовали чего-то, къ чему онѣ приближались. Впереди показался широкій откосъ съ бѣлой полосой внизу. Къ верхней части этой полосы Мудрая Овца повела все стадо. Имъ нечего было объяснять; насыпь и все кругомъ было покрыто чѣмъ-

Крэгъ.

то бѣлымъ, что онѣ принялись лизать съ жадностью. Ахъ, это было вкуснѣе всего, что онѣ когда-либо пробовали! Казалось, онѣ не могли достаточно насладиться; и по мѣрѣ того, какъ онѣ лизали, гортань ихъ освѣжалась, воспаленное состояніе глазъ и ушей проходило, головѣ стало легче, лихорадочный зудъ во всемъ тѣлѣ прошелъ, желудокъ пришелъ въ порядокъ, недомоганія какъ не бывало, и весь организмъ обновился. Имъ въ этомъ чудилось сладостное, дарующее жизнь, укрѣпляющее питье — на самомъ же дѣлѣ это была только обыкновенная соль.

Такъ вотъ что имъ было такъ нужно — цѣлебный соленый глотокъ; и къ нему привела ихъ мудрая предводительница.

VII.

Для молодого животного послушаніе есть самое цѣнное качество. Повиновеніе матери позволяетъ ему пользоваться всѣми выго-

Крэгъ.

дами материнской опытности, безъ риска самому подвергнуться тяжелымъ испытаніямъ. Храбрость хороша; быстрота и сила тоже очень хороши; но наивысшая степень его храбрости, силы и быстроты все-таки всегда будутъ стоять ниже тѣхъ же свойствъ его матери, которыя всегда цѣликомъ къ его услугамъ, лишь бы дитя слушалось. Умъ всемогущъ, но, по крайней мѣрѣ, что касается очень молодыхъ горныхъ овецъ, принадлежащихъ къ породѣ большерогихъ, то послушный глупецъ всегда дастъ нѣсколько очковъ впередъ самому умному ягненку.

Пробывъ тутъ часокъ-другой, когда все въдоволь насытились солью, Мудрая Овца стала собираться въ обратный путь, въ родныя горы. Трава въ долину была необыкновенно хороша, сочная, густая, обильная, и ягнята только что вошли во вкусъ этого изысканнаго, чудеснаго пастбища; но нельзя было долго оставаться внизу: въ строевомъ лѣсу ихъ на каждомъ шагу

Крэгъ.

ждала скрытая опасность. Мудрая Овца и Спейкердо хотѣли вернуться домой, на болѣе надежный подножный кормъ. Первая показала примѣръ, и остальные, хотя не совсѣмъ охотно, но послѣдовали бы за ней, не будь маленькій Кринкльгорнъ чрезмѣрно поглощенъ сочной ѣдой. Онъ замѣшкался. Мать его хватилась, и, когда онъ заблеялъ, она къ нему вернулась. Онъ не то, чтобы совсѣмъ отказывался итти, но такъ медлилъ, что задержалъ мать и всѣхъ другихъ, поощряя ихъ не спѣшить. А когда наступила ночь, стадо еще не выбралось изъ строевого лѣса и принуждено было тутъ заночевать.

Горный левъ не производитъ шума, когда крадется за своей добычей; онъ скользитъ какъ тѣнь. Ни одинаго звука не произвелъ большой голодный левъ съ высотъ Якъ-ин-и-кака, пока случайно задѣтый его бархатной лапой камешекъ не покатился съ откоса. Это былъ чуть-чуть слышный шорохъ, но онъ не укрылся отъ Спейкер-

Крэгъ.

до—и, протрубивъ обычный звукъ—«снугу-фъ», она позвала маленькаго Рогача и, не смотря на темноту, бросилась вверхъ черезъ скалы къ родной землѣ. Всѣ вскочили на ноги, но левъ былъ уже между ними. Мудрая Овца взвилась, дѣлая знакъ Кринкльгорну слѣдовать за нею. Она тоже искала спасенія—и спаслась было; но ея ягненокъ, будучи своевольнымъ, захотѣлъ сдѣлать по-своему, спасаясь въ другую сторону, и, очутившись одинъ, жалобно позвалъ мать; та, забывъ собственную опасность, бросилась опять внизъ, и левъ свалилъ ее. Пронеслась еще овца, за ней другая и третья въ смятеніи беспорядочнаго бѣгства. На каждую изъ нихъ левъ кидался по очереди, но всѣ онѣ отражали его нападеніе удивительными, внезапными прыжками изъ стороны въ сторону—и такимъ образомъ спаслись. Последней шла бѣдная Нипадсъ, стремившаяся перепрыгнуть скалы; когда левъ на нее бросился, она не сумѣла прибѣгнуть къ

Крэгъ.

единственно возможной ловкѣ. Той силы гибкости, которая могла ее спасти, она давно лишилась и должна была пасть.

Овцы неслись вскачь по высокому плоскогорью за своей предводительницей. Когда она замедлила шаги, онѣ взобрались одна за другой и только тогда увидали, что ихъ вела Спейкердо. Мудрую Овцу имъ не суждено было больше увидеть — онѣ рѣшили, что она пала.

Когда всѣ были въ сборѣ и оглянулись назадъ, то услышали издалека доносившееся снизу слабое бляеніе ягненка. Всѣ наострили уши и ждали. Неблагоразумно отвѣчать сразу; это, можетъ быть, коварный крикъ врага. Но бляеніе повторилось — знакомое «бэ-э-э» ихъ собственного стада; Спейкердо отвѣтила, и тотчасъ же послышался грохотъ камней, карабканье по откосу, еще бляеніе, все ближе и ближе, затѣмъ показался маленькій Кринкльгорнъ — отнынѣ сирота.

Пока онъ еще сознавалъ это не болѣе,

Крэгъ.

чѣмъ другіе. Но, по мѣрѣ того какъ день склонялся къ вечеру, мать не отвѣчала на его жалобный зовъ, и его крошечный желудокъ сталъ требовать еще чего-то, кромѣ травы и воды; онъ постигъ всю глубину своего несчастья и заблеялъ еще жалобнѣе.

Наступившая ночь застала его холоднымъ и голоднымъ. Ему оставалось прижаться къ кому-нибудь или замерзнуть. Никто не обращалъ на него вниманія, только Спейкердо, повидимому, новая руководительница, разъ или два отвѣтила на его зовъ. Онъ почти случайно очутился около нея, когда она ложилась, и пригрѣлся къ ней вмѣстѣ съ маленькимъ Рогачомъ, своимъ бывшимъ врагомъ.

Утромъ Спейкердо до нѣкоторой степени уже считала его своимъ. Потеревшись о Рогача, онъ заимствовалъ его запахъ. И, когда Рогачъ вмѣсто завтрака принялся за теплое молоко, несчастный голодный Кринкльгорнъ взялъ на себя смѣлость

Крэгъ.

присоединиться къ нему съ другой стороны. Такимъ образомъ Рогачъ очутился носъ съ носомъ съ своимъ бывшимъ врагомъ, съ которымъ ему пришлось дѣлать право на первородство. Но ни онъ ни его мать не протестовали, и Кринкльгорнъ былъ усыновленъ соперницей своей матери.

VIII.

Никто не могъ превзойти Спейкердо въ проникательности. Она теперь хорошо ознакомилась со всей цѣпью горъ, и само собой разумѣлось, что она сдѣлалась предводительницей. Скоро прывыкли и къ тому, что Кринкльгорнъ, наравнѣ съ маленькимъ Рогачомъ, ея ягненокъ. Во многихъ отношеніяхъ они были какъ братья. Но Кринкльгорнъ не питалъ чувства благодарности къ своей приѣмной матери и таилъ въ себѣ былую вражду къ Рогачу. Съ тѣхъ поръ какъ они ежедневно пили одно и то же молоко, онъ смотрѣлъ на Рогача

Крэгъ.

какъ на соперника и новой попыткой одержать надъ нимъ верхъ обнаружилъ свои истинныя чувства. Но Рогачъ теперь болѣе чѣмъ когда-либо могъ постоять за себя. Кринкльгорнъ получилъ только нѣсколько солидныхъ тумачковъ за свои труды, и затѣмъ ихъ взаимныя отношенія твердо установились.

Конецъ лѣта они росли бокъ-о-бокъ: Кринкльгорнъ сердитымъ крѣпышомъ съ быстро растущими, но толстыми рогами; и Рогачъ — но перестанемъ, наконецъ, его такъ звать — рога его стали длинными и быстро росли — съ этой поры мы будемъ называть его Крэгъ, имя, которое нѣсколькими годами позднѣе онъ приобрѣлъ въ окрестностяхъ Гендерпарка и которое потомъ сдѣлалось историческимъ. Лѣтомъ Крэгъ и Кринкльгорнъ преуспѣвали въ ростѣ и разумѣ. Они изучили правила жизненнаго обихода большерогихъ овецъ. Они умѣли издавать предостерегающій звукъ (фырканье), когда что-нибудь за-

Крэгъ.

мѣчали, и другой (храпъ), когда опасность была налицо. Имъ были извѣстны всѣ тропинки, и они могли безъ посторонняго указанія найти близлежащія соляные источники, если бы почувствовали въ нихъ надобность.

Они усвоили прыжки зигзагами, которые сбиваютъ съ толку врага, и выучились судорожнымъ скачкамъ, благодаря которымъ могли брать приступомъ гладкіе, скользкіе откосы.

Крэгъ превзошелъ даже свою мать въ этомъ искусствѣ. Они были прекрасно подготовлены къ самостоятельной жизни, ѣли траву, такъ что давно наступило время отнять ихъ отъ груди, тѣмъ болѣе, что Спейкердо должна была начать копить жиръ, чтобы зимой было тепло. Молодежь не особенно торопилась отказываться отъ вкуснаго завтрака, но запасъ сталъ истощаться, рога ягнятъ росли въ ущербъ материнскому удобству, и она твердо и рѣшительно прекратила кормленіе. Задолго

Крэгъ.

до того, какъ первый снѣгъ покрылъ вершины плоскогорья, она уже не заботилась объ ихъ ежедневномъ пропитаніи.

IX.

Среди тѣхъ овецъ, которыхъ въ это лѣто постигла смертная участь, находился и двухгодовалый баранъ. Онъ не нашелъ себѣ товарища по возрасту и полу, а сознание своего превосходства развило въ немъ самоувѣренность, имѣвшую послѣдствіемъ присоединеніе его шкуры къ большой грудѣ, наполнявшей хижину Скотти.

Съ первымъ снѣгомъ всѣ ягнята были отняты отъ груди и предоставлены собственнымъ силамъ, а овцы жирѣли и находились въ цвѣтущемъ состояніи. Будучи освобождены отъ материнскихъ заботъ, ихъ мысли стали принимать другой оборотъ. Съ ранними морозами и бодрящимъ воздухомъ наступало время обзаводиться новыми семьями, и, воодушевленные жела-

Крэгъ.

ниемъ найти себѣ товарищей, овцы стали ихъ высматривать по холмамъ. Разъ или два въ теченіе лѣта онѣ видѣли въ отдаленіи двухъ большихъ барановъ, но обмѣнъ сигналами выяснилъ ихъ взаимное отношеніе, и они избѣгали другъ друга. Теперь же, когда въ виду показались два большихъ барана, обычные условные знаки не вызвали желанія уклониться отъ встрѣчи. Когда два высокихъ незнакомца приблизились, ихъ большой ростъ, величественны сложеніе и широкіе вѣтвистые рога не оставляли сомнѣнія относительно ихъ пола; гордые сознаниемъ своего величія и мощи, они важно выступили впередъ. Но рѣшимость Спейкердо и всего ея стада вдругъ уступила мѣсто застѣнчивости. Онѣ повернули, какъ бы избѣгая вновь прибывшихъ. Такое поведеніе повлекло за собой преслѣдованіе и различные маневры, пока баранамъ не позволено было присоединиться къ стаду. Тогда началось неизбѣжное препирательство. До этой минуты они

Крэгъ.

состояли въ дружбѣ—очевидно были друзьями дѣтства; но дружба и соперничество въ любви не уживаются. Это была старая, всегдашняя исторія—муки ревности, исканіе предлога для ссоры, вызовъ и дуэль. Бараны бросились въ атаку; ихъ рога стучали и сплетались, пока не полетѣли осколки; но послѣ нѣсколькихъ схватокъ менѣе сильный изъ нихъ былъ отброшенъ и, вскочивъ на ноги, пытался ускакать прочь. Тотъ гнался за нимъ около четверти мили, но, видя, что соперникъ отказывается отъ дальнѣйшей борьбы, побѣдитель вернулся обратно, гордясь завоеваннымъ званіемъ султана всего стада.

Крэгъ и Кринкльгорнъ остались незамѣченными. Они трепетали передъ большимъ бараномъ, который занялъ первое мѣсто; они сознавали, что имъ безопаснѣе не принимать участія въ общественной жизни стада, пока ихъ положеніе не выяснится окончательно.

Первую половину зимы они находились

Крэгъ.

подъ руководствомъ барана. Это былъ высокій, красивый малый, преданный своей женской свитѣ, но съ примѣсю мужского эгоизма, который побуждалъ его не отказывать себѣ въ лучшей пищѣ и зорко слѣдить за могущей возникнуть опасностью. Пища всегда была обильная, такъ какъ баранъ водилъ ихъ не въ защищенные лощины, гдѣ снѣгъ былъ очень глубокъ, а на самыя открытыя вершины плоскогорья, гдѣ ледяной вѣтеръ оголялъ прошлогоднюю траву; и еще выше, куда врагъ не могъ подкрасться незамѣченнымъ.

Х.

Пришла опять весна съ ея трепетными звуками и ощущеніями. Послушный давнишнему обычаю, баранъ разстался со стадомъ овецъ среди зимы. Охлажденіе наступало постепенно. Овцы уже не съ такой охотой слѣдовали за нимъ, онъ уходилъ отъ нихъ на цѣлые часы. Однажды онъ

Крэгъ.

къ нимъ болѣе не вернулся, и съ той поры онѣ по-старому стали слѣдовать за Спейкердо. Ягнята родились около перваго юня. У многихъ матерей было по два, а у Спейкердо—теперь Мудрой Овцы—по-прежнему одинъ, занявшій въ материнскомъ сердцѣ мѣсто Крэга и поглотившій все ея вниманіе. Онъ даже мѣшалъ ей исполнять обязанности руководительницы. Разъ какъ-то въ то время, какъ она его кормила и наблюдала за радостнымъ помахиваніемъ его хвостика, другая овца дала знать объ опасности. Всѣ застыли, исключая Суетливой овцы. Раздалось отдаленное «крак». Суетливая овца свалилась замертво, а Спейкердо упала съ глухимъ блеяніемъ. Но тутъ же вскочила на ноги; забывая о своей собственной боли и дико озираясь на ягненка, она прыгнула на откосъ, чтобы не отстать отъ другихъ. «Банг!» прозвучала опять винтовка, и старая овца впервые узрѣла врага. Это былъ тотъ самый человѣкъ, который когда-то чуть не

Крэгъ.

поймалъ ягнятъ. Онъ былъ очень далеко, но пуля просвистѣла надъ самымъ ухомъ овцы. Она прыгнула назадъ и перемѣнила направленіе, покидая такимъ образомъ остальныхъ, потомъ понеслась черезъ хребетъ. Она все время жалобно блеяла, чтобы подать голосъ малышу, а также потому, что была тяжело ранена. Стремглавъ спустившись со скалистаго склона, она очутилась снова передъ крутымъ подъемомъ. Тогда она устремилась вдоль выбоины, къ дальнему хребту, все время искусно скрываясь изъ вида, такъ что, хотя Скотти бѣжалъ изо всѣхъ силъ, чтобы достичь края, онъ ея больше не видалъ. Замѣтивъ слѣды крови, онъ загоготалъ; но они скоро прекратились, и, сдѣлавъ бесплодную попытку ихъ найти, онъ долженъ былъ отъ нея отказаться и, проклиная свою неудачу, вернуться къ жертвѣ, находившейся въ его обладаніи.

А Спейкердо съ ягненкомъ все удалялись. Она вела, но онъ былъ впереди. Инстинктъ ей подсказывалъ, что спасеніе

Крэгъ.

было наверху. Ей предстояло дойти до вершины Гендерпика — только бы не обнаружить своего присутствія. Она продолжала путь, несмотря на то, что рана ее нестерпимо жгла. Наконецъ за хребтомъ она остановилась, чтобы оглянуться на окружающія скалы. Не было признака ни друзей ни врага. Она почувствовала, что ранена смертельно. Во что бы то ни стало ей надо было уйти, пока силы не измѣнили ей окончательно. Она опять пустилась бѣглымъ шагомъ вверхъ. Ягненокъ то слѣдовалъ за ней, то опережалъ ее, по своему усмотрѣнію. Они неслись все дальше, пока не достигли линіи строевого лѣса, какъ повелѣвалъ ей инстинктъ. Она перевалила еще разъ черезъ хребетъ и увидела длинную бѣлую полосу, снѣжный сугробъ въ глубокой лощинѣ, куда и устремилась. Она чувствовала жгучую боль въ поясницѣ, и два темныхъ пятна проступали на бокахъ. Она жаждала охлаждающаго прикосновенія и, добредя до

Крэгъ.

бѣлой полосы, легла на бокъ, раной въ снѣгъ.

При такой ранѣ могъ быть только одинъ конецъ: два часа, самое большее три, а потомъ — не все ли равно!

А малютка? Онъ стоялъ въ нѣмомъ созерцаніи. Онъ не понималъ и сознавалъ только, что мать, въ которой для него сосредоточивалось рѣшительно все, питаніе, тепло, руководство, любовь, — была холодна и недвижима!

Онъ не понималъ. Онъ не зналъ, что будетъ дальше. Зато хорошо знаемъ это мы — долгое страданіе и неизбѣжный конецъ, рано или поздно, въ зависимости отъ дарованной ему силы сопротивленія; и воронъ на скалѣ зналъ это и ждалъ. Развѣ не лучше, не благополучнѣе было бы для ягненка, если бы сжалившаяся надъ нимъ винтовка оказала бы ему вмѣстѣ съ матерью ту же дружескую услугу?

XI.

Крэгъ былъ изящный молодой баранъ, выше всѣхъ овецъ, съ длинными рогами, загнутыми въ видѣ турецкихъ сабель. Кринкльгорнъ былъ тоже хорошаго роста, въсилъ столько же, но не былъ такъ высокъ, и рога имѣлъ такіе короткіе, толстые и какъ бы припухлые, что они казались увѣчными. Пришла опять осень, повлекшая за собою соединеніе семействъ, возвращеніе барана и новшество, котораго Крэгъ не предвидѣлъ. Онъ только что началъ сознавать, что онъ баранъ, и интересоваться нѣкоторыми овцами въ стадѣ, когда появился большой баранъ съ завитыми рогами и толстой воловьей шеей; первымъ его дѣломъ было спровадить Крэга. Ему, Кринкльгорну и тремъ-четыремъ ихъ однолѣткамъ пришлось самимъ убраться подобру-поздорову — таковы нравы горныхъ овецъ. Какъ скоро молодые самцы достигаютъ

Крэгъ.

зрѣлости, они должны итти самостоятельно завоевывать себѣ положеніе, въ родѣ того, какъ мальчики покидаютъ домъ, чтобы поступить въ университетъ. Въ послѣдующіе четыре года онъ велъ съ полдюжиной товарищей бродячую холостую жизнь. Онъ сдѣлался предводителемъ, такъ какъ унаслѣдовалъ отъ матери ея умъ, и они ходили въ далекіе края, изучая новыя пастбища, новыя дороги, приобрѣтая мудрый опытъ и готовясь въ послѣдствіи стать отцами многочисленныхъ и преуспѣвающихъ семействъ; таковъ идеалъ всякаго порядочнаго горнаго барана.

Крэгъ не завелъ себѣ подруги не по собственному желанію, а лишь благодаря стеченію обстоятельствъ, съ которыми онъ тщѣтно боролся, и попрежнему онъ оставался въ холостой компаніи.

Такъ было лучше. Подчасъ приходилось тяжело, но лишенія вознаграждались, такъ какъ, благодаря имъ, онъ имѣлъ возможность во всей полнотѣ развить свои блестящія

Крэгъ.

дарованія, не будучи стѣсненъ и отвлеченъ отвѣтственностью и сложными радостями семейнаго очага. Съ каждымъ годомъ холостые бараны становились все красивѣе. Даже суровый Кринкльгорнъ сталъ, если не изящнымъ, то высокимъ и сильнымъ бараномъ. Онъ не могъ побороть въ себѣ старой вражды къ Крэггу. Разъ или два онъ даже пытался сбросить его съ утеса, но такъ жестоко за это поплатился, что съ тѣхъ поръ держался вдалекѣ отъ пріемнаго брата. Крэгъ своимъ видомъ доставлялъ высокое наслажденіе. Когда онъ вскакивалъ на зубчатые утесы, едва касаясь земли своими мягкими копытами, взлетая, какъ птица, смѣясь надъ врагомъ, который дерзнулъ бы преслѣдовать его на собственныхъ ногахъ, а солнечные лучи причудливо играли на его спинѣ, волнуемой гибкими мускулами,—онъ былъ болѣе похожъ на невѣсомый, воздушный призракъ, не знающій страха упасть, чѣмъ на большого барана въ триста фунтовъ вѣсомъ, съ пяти-

Крэгъ.

лѣтними кольцевидными наслоеніями на рогахъ.

А рога! Холостяки, избравшіе его вожакомъ, имѣли рога самой разнообразной формы, отражавшей ихъ образъ жизни и способности: были между ними неправильные полумѣсяцы, толстые, тонкіе. Рога Крэга завивались однимъ большимъ взмахомъ, съ очертаніемъ въ три четверти круга, и пятилѣтнія отмѣтки, начинаясь съ самыхъ зачатковъ, свидѣтельствовали о первомъ годѣ его жизни, когда онъ вырастилъ острые концы, сослужившіе ему такую хорошую службу въ первой борьбѣ; на слѣдующій годъ они стали толще и гораздо длиннѣе; еще черезъ два года они больше выиграли въ силѣ, чѣмъ въ длинѣ; послѣднее кольцо свидѣтельствовало о прекрасномъ питаніи, цвѣтушемъ здоровьѣ и безпримѣрной силѣ роста, такъ какъ хорда дуги, которую образовывали рога, получалась длиннѣе и шире и въ этомъ мѣстѣ глаже, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ. Подъ

Крегъ.

защитой мохнатого навѣса, какъ драгоценные предметы, нуждающіеся въ охранѣ, глубоко сидѣли его прекрасные глаза. Темно-каріе, когда онъ былъ ягненкомъ, съ оттѣнкомъ желтизны черезъ годъ, они теперь, въ пору полного расцвѣта молодости, казались золотыми блестящими шарами или чудными янтарями. Ихъ темная, туманная глубь воспринимала впечатлѣнія свѣтлаго міра и отражала ихъ въ мозгу.

Нѣтъ большей радости для живого существа, какъ радость бытія, какъ чувство, что живешь всѣми силами своего существа. Крэгъ доставляло громадное наслажденіе расправить свои безукоризненные члены въ борьбѣ для забавы съ товарищами. Наслажденіе доставляло ему ставить копыта на край узкаго выступа и проноситься на большое пространство черезъ какую-нибудь страшную пропасть на другой выступъ, величину и разстояніе котораго онъ опредѣлялъ съ точностью. Наслажденіе доставляло ему сбивать съ толку горныхъ

Крэгъ.

львовъ изворотливымъ рикошетомъ съ утеса на утесъ или гнаться за стаей чернохвостыхъ, обращая ихъ въ беспорядочное бѣгство и отгѣсня ихъ обратно, внизъ, въ равнины, ихъ обычное мѣстопребываніе. Онъ находилъ утонченное удовольствіе въ каждомъ своемъ движеніи, былъ гордъ своей удивительной силой, въ которой, конечно, заключается красота. А когда съ наступленіемъ осени такое существо зажглось огнемъ любви, оно представляло изъ себя дѣйствительно благородное зрѣлище. Его необузданная сила и мощь не знали удержа, онъ подпрыгивалъ какъ мячъ, взвивался вверхъ, летѣлъ внизъ по длиннымъ, крутымъ откосамъ, поднимаясь на шесть футовъ отъ земли безъ всякой надобности, единственно для собственнаго удовольствія. Такъ онъ жилъ, чего-то ища, къ чему-то стремясь — къ чему же? Онъ не могъ бы этого опредѣлить, но узналъ, когда нашелъ. Онъ скакалъ во главѣ своихъ товарищей, когда они вдругъ забрели

Крэгъ.

на слѣдъ другого стада. Ведомый инстинктомъ, онъ пошелъ по этому слѣду. Въ разстояніи одной или двухъ миль показалось стадо — это была группа овецъ. Сначала онѣ побѣжали, но на крутомъ выступѣ остановились и послѣ нѣкотораго жеманства позволили баранамъ приблизиться.

Большерогія овцы допускаютъ многоженство. Самый красивый баранъ одинъ предьявляетъ права на всѣхъ овецъ въ стадѣ, и всякій протестъ разрѣшается на мѣстѣ борьбой на жизнь и на смерть. До сей поры между баранами царилъ добродушный товарищескій тонъ, но теперь все рѣзко измѣнилось; и, когда величественный Крэгъ выступилъ впередъ, приглашая остальныхъ принять его вызовъ и оспаривать его право на власть, никто не рѣшился ему противостать, и, странное дѣло, несмотря на множество соперниковъ, битва не состоялась. Прочимъ не оставалось другого исхода, какъ повернуть назадъ, предоставивъ ему пользоваться плодами своей побѣды.

Крэгъ встрѣчаетъ врага. *шося.*

Крэгъ.

Если, какъ говорятъ, красота и сила играютъ главную роль на жизненномъ пути животныхъ, то Крэгъ долженъ былъ быть кумиромъ всего стада. Онъ былъ великолѣпнѣе въ кругу другихъ барановъ, а ужь среди овецъ его сила, обликъ и завитые рога должны были сдѣлать изъ него полубога — къ нему устремлялись всѣ сердца, его чаша была полна до краевъ.

Но послѣ всего проведеннаго дня стадо вдругъ замѣтило появленіе двухъ барановъ, которые, сдѣлавъ нѣсколько эволюцій, подошли довольно близко. Одинъ изъ нихъ оказался великолѣпнымъ крупнымъ животнымъ, одного вѣса съ Крэгомъ, только не съ такими большими рогами, а другой — другой былъ не кто иной, какъ Кринкльгорнъ. Вновь пришедшій баранъ просопѣлъ вызовъ, потомъ ударилъ о землю копытомъ, давая этимъ понять, что я, молъ, буду почище тебя и намѣренъ выбить тебя изъ выгодной позиціи, которую ты занимаешь.

Глаза Крэга загорѣлись. Кожа на его

Крэгъ.

могучей шеѣ собралась складками. Онъ откидывалъ и наклонялъ голову какъ лошадь, закусившая удила, потрясалъ своими огромными рогами, словно они были легкія иглы, потомъ прижалъ уши и пошелъ въ атаку; врагъ также бросился впередъ. Чокъ! Они столкнулись; но чужакъ стоялъ твердо, и первое нападеніе было отражено.

Бараны попятились, измѣряя разстояніе; не спуская глазъ другъ съ друга и стараясь найти твердую опору ногамъ, они остановились на краю большого выступа. Затѣмъ они опять начали сходитья. Кракъ! Полетѣли осколки, результатъ страшнаго столкновенія. Но на этотъ разъ перевѣсъ былъ на сторонѣ Крэга. Онъ тотчасъ же воспользовался своимъ преимуществомъ, снова раздался трескъ, и, прижавъ врага, онъ зацѣпилъ своимъ лѣвымъ рогомъ правый рогъ соперника, когда, къ неопisanному своему ужасу, неожиданно получилъ страшный ударъ въ бокъ отъ новаго противника. Онъ завертѣлся на мѣстѣ и не-

Крэгъ.

минуемо былъ бы сброшенъ со скалы, не застрянь его рогъ въ рогъ перваго врага. Только благодаря этому онъ спасся; ни одинъ баранъ не имѣеть въ задней части своего туловища достаточной силы сопротивленія, чтобы выдержать стремительное нападеніе. Крэгъ съ трудомъ поднялся на ноги какъ разъ во-время, чтобы увидать своего новаго врага, неудержимой силой собственного стремительнаго движенія переброшеннаго черезъ край выступа и летѣвшаго внизъ. Прошло довольно много времени, прежде чѣмъ отдаленный грохотъ далъ знать оставшимся на краю, что Кринкльгорна постигла участь, которую онъ готовилъ своему пріемному брату. Считается, что борьба барановъ должна быть честнымъ поединкомъ. Кринкльгорнъ, потерпѣвъ неудачу въ честномъ бою, прибѣгъ къ обману и самъ себя погубилъ, такъ какъ даже баранъ, принадлежащій къ породѣ большерогихъ, не можетъ остаться живъ, упавъ со скалы съ высоты двухсотъ футовъ.

Крэгъ.

Теперь Крэгъ съ удвоенной яростью на-
кинулся на другого врага. Еще одинъ на-
тискъ, и врагъ былъ сраженъ и разбитъ.
Онъ вскочилъ на ноги и бросился прочь.
Крэгъ преслѣдовалъ его нѣкоторое время,
побуждая его къ дальнѣйшему бѣгству,
какъ поступилъ съ нимъ когда-то Крикль-
горнъ. Затѣмъ вернулся побѣдителемъ-
тріумфаторомъ къ безмятежной жизни въ
кругу своей семьи.

XII.

Скотти покинулъ свое жилище на Го-
бакко-Крикъ въ 1887 г. Дичь была почти
истреблена. Овецъ стало мало, вѣсти о но-
выхъ золотыхъ приискахъ въ Колорадо
увлекли его на югъ, и старая хижина пу-
ствовала. Пять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ,
какъ Крэгъ сдѣлался вожакомъ стада —
пять лѣтъ царствованія добраго генія по-
слѣ исчезновенія злого духа — пять лѣтъ
благоденствія для большерогихъ овецъ.

Крэгъ.

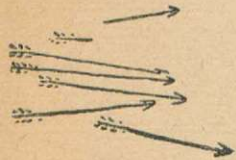
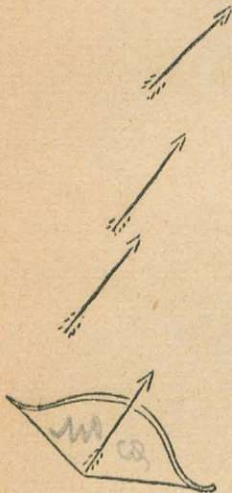
Крэгъ проводилъ въ жизнь добытые опытомъ взгляды своей матери. Онъ заставилъ стадо совершенно отказаться отъ низинъ плоскогорья. Лѣсная чаща всегда таила въ себѣ опасность, и единственное надежное убѣжище представляли собою открытыя, обвѣянная вѣтромъ вершины, къ которымъ ни львы, ни охотники не могли приблизиться незамѣченными. Онъ открылъ наверху нѣсколько соленыхъ источниковъ, которые вполнѣ удовлетворяли ихъ потребности, такъ что опасныя путешествія въ низменности, считавшіяся раньше необходимыми, совсѣмъ прекратились. Онъ научилъ стадо никогда не ходить по самой вершинѣ хребта, а всегда вдоль склона, чтобы смотрѣть въ обѣ стороны и не бросаться въ глаза. Онъ даже могъ похвалиться новой выдумкой, называемой «прятки». Когда охотнику удавалось вплотную подкрасться къ стаду овецъ, прежде чѣмъ онѣ его замѣтили, онѣ спасались стремительно бѣгствомъ, — но этотъ старый

Крэгъ.

пріемъ былъ хорошъ во времена лука и стрѣлъ или даже шомпольнаго ружья; магазинка же совсѣмъ другое оружіе. Крэгъ самъ научился, а потомъ онъ научилъ и свое племя ползти, таиться и лежать недвижимо, если ихъ застигали врасплохъ. Крэгъ во многихъ случаяхъ приходилось наблюдать, что уловка эта, въ девяти случаяхъ изъ десяти, вводила въ обманъ чловѣка.

Появленіе крупной особи въ средѣ какой-нибудь породы всегда имѣетъ на нее благотворное вліяніе. Крэгъ знаменовалъ собою высшую ступень развитія для больше-рогихъ овецъ. Его потомки размножились на Якъ-ин-и-какѣ кругомъ Гендерпики и къ востоку, по крайней мѣрѣ до озера Кинтла. Они были сильнѣе, крѣпче и умнѣе прежнихъ овецъ, и число ихъ постоянно возрастало.

Пять лѣтъ нѣсколько измѣнили наружность Крэга, но тѣло его попрежнему оставалось крѣпкимъ, легкимъ и муску-

Крэгъ.

листымъ; его совершенныя по формѣ ноги не потеряли ни въ силѣ, ни въ красотѣ; голова его была все та же, съ бѣлымъ сердцевиднымъ пятномъ на лбу; его блестящіе глаза горѣли тѣмъ же огнемъ. Зато какъ измѣнились его рога! Раньше они были необыкновенныя; теперь единственныя въ своемъ родѣ. Ихъ массивныя изгибы — запечатлѣнная повѣсть его жизни — въ размѣрѣ цѣлаго круга съ четвертью, свидѣтельствовали о годахъ благоденствія, о годахъ борьбы, а одна узкая темная морщинистая зарубка на рогу свидѣтельствовала о томъ несчастномъ годѣ, когда горы посѣтила эпидемія — когда перемерло множество овецъ и ягнятъ; когда свалило много сильныхъ барановъ; когда самъ Крэгъ былъ тяжело боленъ, но выздоровѣлъ, благодаря крѣпкой натурѣ и природной силѣ, прохворавъ нѣсколько мѣсяцевъ. Отъ болѣзни не осталось слѣда, если не считать отмѣтки на рогахъ. Въ этомъ году, 1889, она едва достигала дюйма ширины; для

Крэгъ.

тѣхъ, кто умѣеть читать эту грамоту, ясный знакъ, что это памятка о несчастномъ годѣ.

XIII.

Наконецъ Скотти вернулся обратно. Какъ всѣ горцы, онъ любилъ странствовать и снова возвратился одинокимъ въ свою хижину на Тобако-Крикѣ. Земляная крыша провалилась, но онъ не спѣшилъ ее поправлять. Прежде всего надлежало осмотрѣться кругомъ. Онъ взялъ винтовку и отправился на знакомое плоскогорье, гдѣ вскорѣ открылъ два большихъ стада горныхъ овецъ. Тутъ онъ уже болѣе не колебался и въ два дня поправилъ хижину. Проклятiе опять повисло надъ Якъ-ин-и-какомъ.

Скотти былъ теперь человѣкомъ среднихъ лѣтъ. Его рука была сильна и тверда, только глаза нѣсколько утратили свою зоркость. Молодымъ человѣкомъ онъ презиралъ вспомогательныя средства, въ настоя-

Крэгъ.

шее же время долженъ былъ носить съ собой подзорную трубу. Въ послѣдующія недѣли онъ въ нее осматрѣлъ тысячи горныхъ выступовъ, и нѣсколько разъ его глаза останавливались на фигурѣ гѣндеровскаго барана. Въ первый разъ, какъ онъ его увидалъ, онъ воскликнулъ: «Боже! какіе рога!» Потомъ пророчески произнесъ: «Они будутъ моими!»—и принялся за выполнение своего плана. Но большерогія овцы, которыхъ онъ зналъ въ дни своей молодости, были крайне неосторожны по сравненію съ этими. Прошло два мѣсяца, а онъ и близко ни разу не видалъ большого барана. А тотъ нѣсколько разъ находился вблизи охотника, но Скотти объ этомъ и не подозрѣвалъ.

Сколько разъ въ подзорную трубу онъ издалека замѣчалъ Крэга на одномъ изъ выступовъ; затѣмъ, послѣ часовыхъ усилій, прокрадывался къ тому мѣсту, но барана уже не было. Иногда онъ, дѣйствительно, уходилъ, но не разъ случалось, что

Крэгъ.

онъ находился тутъ же, спрятавшись, и слѣдилъ за врагомъ.

Однажды у Скотти появился гость-скотоводъ Ли, по природѣ охотникъ и любитель собакъ и лошадей. Лошади не могли ему пригодиться для охоты въ горахъ, зато волкодавы, три великолѣпныхъ русскихъ борзыхъ, были его постоянными спутниками, и онъ подаль Скотти мысль, что не дурно было бы ихъ испытать на горныхъ овцахъ.

Скотти засмѣялся. «Видно, что вы житель равнинъ. Посмотрите сначала на крутизны, гдѣ держится старый Крэгъ».

XIV.

Покидая родныя горы, рѣка Якъ-ин-икакъ, къ югу отъ Гѣндерпика, вырывается изъ страшнаго ущелья, называемаго Скин-клергѣлчъ. Это неширокая расщелина въ обширной гранитной скалѣ, но имѣющая по меньшей мѣрѣ пятьсотъ футовъ глуби-

Крэгъ.

ны. Сзади Гендерпика, къ югу, находится изрытое плоскогорье, которое въ одномъ мѣстѣ образуетъ продолговатую косу надъ бушующимъ, стѣсненнымъ въ своихъ берегахъ потокомъ.

Это плоскогорье — излюбленное пристанище горныхъ овецъ, и, по странной случайности, Скотти, пришедшему туда съ Ли и тремя волкодавами, удалось мелькомъ увидеть гендеровскаго барана. Люди старались не показываться и спѣшили прибыть на мѣсто, крадучись по лощинамъ. Но повторилась старая исторія. Ихъ добычи слѣдъ простылъ. Они нашли слѣдъ копытъ барана именно на томъ мѣстѣ, гдѣ его видѣли — значитъ это не была галлюцинація; но суровыя скалы отказывались отъ дальнѣйшихъ указаній, и нѣтъ сомнѣній въ томъ, что къ числу таинственныхъ исчезновеній Скотти прибавилъ бы еще одно, если бы собаки, рыскающая по ближайшимъ ложбинамъ и въ чащѣ кустовъ карликовой березы, не подняли вдругъ гром-

Крэгъ.

каго лая. Тогда показалось огромное сърое животное съ бѣлымъ задомъ—баранъ, великолѣпный гендеровскій баранъ. Гибкій, великолѣпный, онъ увѣренно летѣлъ, прыгаль, взвивался надъ низкими кустами, острыми утесами, неся на головѣ свои величавые, чудесные, завитые рога такъ же легко, какъ дама — серьги; тогда за нимъ изъ разныхъ укромныхъ мѣстъ бросилось все стадо. Ружья вскинулись; но въ эту минуту всѣ три собаки, вмѣшавшись въ дѣло, дали безсознательное прикрытіе жертвѣ, на которую были устремлены всѣ мысли, и выстрѣлы не грянули. Но вотъ они понеслись, баранъ во главѣ, воодушевляя стадо своимъ примѣромъ. Черезъ все плоскогорье они летѣли, скакали, карабкались, разбѣгались во всѣ стороны. На гладкой равнинѣ собаки непременно поймали бы оставшагося въ тылу или даже быстрѣйшаго изъ нихъ, но суровыя скалы давали овцамъ большое преимущество. Люди бѣжали, одинъ справа, другой слѣ-

Крэгъ.

ва, чтобы не потерять ихъ изъ виду, а Крэгъ, отрѣзанный отъ вершины, бросился на югъ черезъ низкорослый березнякъ. Теперь началась скачка по прямому направлению, они летѣли все дальше, все южнѣе. Собаки, казалось, одолѣвали и вотъ-вотъ схватятъ заднюю овцу; вдругъ оказалось какъ-то, что баранъ далъ задній ходъ и очутился въ арьергардѣ. Тутъ они достигли скалистаго промежутка; овцы приобрѣли положительный, хотя весьма ничтожный перевѣсъ. Одна, двѣ, три мили — и охота понеслась по скалистому хребту, который внезапно обрывался надъ бездной Скинклергелча. Еще минута, и всѣ овцы, почти въ безвыходномъ положеніи, столпились на краю послѣдняго утеса. Онѣ въ паническомъ страхѣ жались одна къ другой, имѣя передъ собой головокружительную пучину въ пятьсотъ футовъ глубины, а позади трехъ свирѣпыхъ собакъ и трехъ еще болѣе свирѣпыхъ людей. Черезъ нѣсколько секундъ къ нимъ присоединился

Крэгъ.

старый Крэгъ. Припертый къ стѣнѣ, онъ обернулся, готовый къ борьбѣ, такъ какъ дикое животное никогда не сдается.

Онъ теперь находился такъ далеко отъ скачущихъ собакъ, что двѣ ружейныя пули просвистали очень близко. Собакъ онъ не боялся — ихъ онъ могъ осилить; но винтовки означали вѣрную смерть. Выбора не было. Гранитныя стѣны Якъ-ин-и-кака не могли оказаться болѣе жестокими, чѣмъ человѣкъ. Собаки были всего въ разстояніи восьмидесяти футовъ, красивыя, смѣлыя, стремящіяся въ бой, презирающія смерть животныя, а позади нихъ охотники, безжалостные, заранѣе торжествующіе. Вѣрная смерть отъ нихъ или сомнительное спасеніе въ пропасти. Для колебанія не оставалось времени; онъ, руководитель, долженъ дѣйствовать. Онъ приблизился къ самому краю и спрыгнулъ внизъ, но не на дно и не очертя голову. На разстояніи тридцати футовъ книзу, черезъ головокружительную пропасть, вид-

Крэгъ.

нѣлся крошечный скалистый выступъ, величиной не болѣе его носа — все остальное было гладко, ровно и нависало надъ бездной. Крэгъ благополучно присталъ къ берегу и остановился, чтобы только перевести духъ. Въ одинъ мигъ его горящіе глаза усмотрѣли другую точку опоры, его единственную надежду, на противоположной сторонѣ, спрятанную подъ нависшими утесами, съ которыхъ онъ прыгалъ. Его гибкое тѣло съ пружинами вмѣсто мускуловъ вытягивалось, трепетало, переносило его къ намѣченной точкѣ, откуда онъ, почерпнувъ новое указаніе для дальнѣйшаго полета, пользовался просто выпуклостью скалы, за которую цѣплялись его копыта, — смѣсь рога съ гуттаперчей, — чтобы рикошетомъ отпрянуть въ другую сторону. Затѣмъ пятнадцать футовъ боковымъ ходомъ и все дальше, дальше внизъ различнымъ темпомъ — отъ одной точки къ другой, пока, наконецъ, послѣ заключительнаго прыжка въ двадцать футовъ, онъ не

Крэгъ.

достигъ надежнаго выступа въ самомъ низу.

А всѣ остальные, воодушевленные его примѣромъ, слѣдовали за нимъ непосредственно, образовавъ такимъ образомъ длинный водопадъ изъ овецъ.

Оступись онъ, всѣ бы оступились, — но теперь онъ всѣ спустились стремглавъ. Это было великолѣпное, восхитительное зрѣлище! Гопъ! Гопъ! — онъ неслись внизъ, одна за другой, дѣлая скачки то въ десять, то въ двадцать футовъ, отъ первой до послѣдней, летя, взвиваясь, перепрыгивая съ одного мѣста на другое, съ одного выступа на другой, мастерски пуская въ дѣло мускулы и копыта, все время соблюдая поразительное равновѣсiе и достигая такимъ способомъ полнаго успѣха.

Но въ ту самую минуту, какъ послѣдняя изъ нихъ ставила ногу на второе твердое узкое мѣстечко, похожее на пятнышко и сулившее ей спасенiе, мимо нея вихремъ пронеслись въ воздухѣ два бѣлыхъ живот-

Крэгъ.

ныхъ съ желтыми пятнами, съ раскрытыми пастями и ужаснымъ хрипомъ, навстрѣчу смерти, далеко-далеко, на самое дно. Пылкіе и храбрые волкодавы, безъ колебанія бросившіеся преслѣдовать врага, не подозрѣвали его изумительной ловкости, пока не было слишкомъ поздно. Внизу, почти у самой воды, Крэгъ, наконецъ, остановился.

Высоко надъ собой онъ слышалъ крики и свистки охотниковъ, внизу онъ видѣлъ изуродованныя тѣла бѣлыхъ существъ съ темными пятнами, влекомыхъ къ морю бушующимъ теченіемъ Якъ-ин-и-кака.

Ли и Скотти печально стояли на краю. Овцы и собаки исчезли. Ни для тѣхъ, ни для другихъ не было спасенія. Съ языка Скотти сорвались грубыя, кощунственныя слова, не имѣвшія отношенія къ данному случаю, но казавшіяся необходимыми. Ли чувствовалъ, что ему сдавило горло,—ощущеніе, котораго не можетъ понять человѣкъ, никогда не терявшій внезапно тра-

Крэгъ.

гически и безвременно погибшей благородной собаки.

— Брэнъ! Ролло! Ида! — звалъ онъ со слабой надеждой; ему отвѣчалъ только западный вѣтеръ, съ сопѣніемъ и свистомъ пронесшійся внизъ, къ Скинклергѣлчу.

XV.

Ли былъ молодой, добрый, впечатлительный скотоводъ. Одинъ или два дня онъ бродилъ кругомъ хижины. Потеря трехъ друзей была для него чувствительнымъ ударомъ: ему больше не хотѣлось итти въ горы. Но черезъ нѣсколько дней онъ поддался прелести свѣжей, бодрящей погоды, пришелъ въ хорошее настроеніе и согласился, когда Скотти предложилъ поохотиться. Они уже поднялись довольно высоко, какъ вдругъ Скотти, отъ времени до времени осматривавшій возвышенности въ подзорную трубу, воскликнулъ:

— Ага! Да это старый гѣндеровскій

Крэгъ.

баранъ. А я-то думалъ, что онъ разбился въ Скинклергёлчѣ! — и онъ отъ удивленія опустился наземь. Ли взялъ подозрную трубу и узналъ великолѣпнаго барана по его поразительнымъ рогамъ. Краска бросилась въ лицо молодому человѣку. Ему представлялся случай приобрѣсти славу и вмѣстѣ отомстить!

— Бѣдный старый Брэнъ! Славные Ролло и Ида!

Мало животныхъ обладаютъ достаточной ловкостью, чтобы противостать соединившимся вмѣстѣ погонѣ и засадѣ. Скотти зналъ мѣстность вдоль и поперекъ, а также нравъ и обычаи барана.

— Вѣдь не унести же ему быстрѣ ветра и не покинетъ же онъ утеса. Если вообще вздумаетъ двинуться, то пойдетъ по верху Гѣндерпики, и тогда ему не миновать того или другого склона. Онъ не повернетъ на западъ, если я хоть разъ покажусь съ этой стороны. А вы ждите его съ востока; даю вамъ два часа, чтобы найти

Крэгъ.

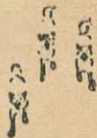
мѣсто, гдѣ засѣсть. Я предвижу, что онъ будетъ пересѣкать вершину у этого выступа.

Ли отправился на свой постъ. Скотти подождалъ два часа, потомъ направился на высокую площадку, гдѣ его фигура ясно вырисовывалась на небѣ, началъ махать руками и нѣсколько разъ прошелся взадъ и впередъ. Барана не было видно, но Скотти не сомнѣвался, что тотъ его видитъ.

Потомъ старый горецъ вернулся обратно къ югу скрытыми дорожками и сталъ красться и перерѣзать площадки по тому направлению, гдѣ найденъ былъ слѣдъ барана. Онъ не надѣялся увидѣть стараго Крэга, но рассчитывалъ на то, что тотъ его замѣтитъ. Ли былъ на своемъ посту и очень скоро завидѣлъ на разстояніи мили огромнаго барана, легкими прыжками спускавшагося съ холма въ сопровожденіи трехъ овецъ. Они исчезли въ лощинѣ, покрытой сосновымъ лѣсомъ, а когда вновь показа-

Крэгъ.

лись на сосѣдной возвышенности, то бѣжали, видимо, въ большой тревогѣ, заложивъ уши; и изъ глубины лощины раздался не трескъ ружья Ли или его зычный крикъ, а вой лѣсныхъ волковъ. Между скалъ они легко могли бы спастись, но въ лѣсу и на равнинѣ, которая разстилалась теперь передъ ними, преимущество было на сторонѣ волковъ; черезъ нѣсколько секундъ можно было различить пять косматыхъ, щетинистыхъ звѣрей. Открытая долина была пройдена съ головокружительной быстротой. Овцы, спасая свою жизнь, вытянулись вереницей, соответственно скорости бѣга: далеко впереди большой баранъ; позади, съ промежутками въ десять ярдовъ, три овцы; а въ сорока ярдахъ отъ послѣдней, три страшныхъ волка, настигая ихъ, съ каждымъ прыжкомъ приобрѣтая перевѣсъ. Къ востоку отъ низины находился узкій, скалистый выступъ. Долгіе годы и безчисленныя опасности научили овецъ, что спасенія всегда надо искать въ

Крэгъ.

скалахъ; туда-то и направился баранъ. Но послѣдняя овца стала отставать, путаясь въ низкоросломъ березнякѣ плоскогорья; она испустила жалобное бляніе, споткнувшись о переплетающіеся корни и тѣмъ теряя еще нѣсколько драгоценныхъ ярдовъ. Волки находились уже на разстояніи почти одного прыжка, когда Крэгъ достигъ края выступа. Но подъ выступомъ скалы лежалъ внизу оврагъ. Въ мгновеніе ока, услышавъ этотъ отчаянный призывъ, Крэгъ обернулся и сталъ лицомъ къ врагу. Онъ посторонился, и три овцы проскочили мимо него по пути къ спасенію. Волки наступали съ торжествующимъ воемъ. Не одну овцу имъ пришлось зарѣзать, и они уже предвкушали кровавое пиршество. Они нагрянули безъ передышки, но на такомъ узкомъ пространствѣ скалы могъ помѣститься только одинъ. Коноводъ бросился; но его смертоносные клыки встрѣтили такой отпоръ въ твердой массѣ роговъ, что голова его была раздроблена, а туловище отпрянуло,

Крэгъ.

брошенное съ такой силой на товарища, что оба были свергнуты съ утеса и, упавъ на скалы, нашли тамъ конецъ. Остальные подходили вплотную. Барану не было времени, чтобы отступить для нападенія, но одного взмаха его могучей головы было достаточно. Острые рога, которые выдавались, еще когда онъ былъ ягненкомъ, прокололи и отшвырнули третьяго и четвертаго волка. Наконецъ, Крэгъ удалось попытаться и собраться съ новыми силами. Только бѣшенный волкъ могъ не остеречься. Но онъ все-таки шелъ, и Крэгъ, въ дикомъ упоеніи борьбой выпустилъ живую громовую стрѣлу — себя самого — и встрѣтилъ послѣднее мохнатое чудовище ударомъ, распластавшимъ его на скалѣ, потомъ поднялъ его на рога какъ тряпку и швырнулъ какъ только могъ дальше. Стоя на краю, онъ наблюдалъ, какъ онъ кружился и боролся со смертью, пока бездна его не поглотила.

Величественный баранъ поднялъ свою

Крэгъ.

великолѣпную голову, глубоко вобралъ въ себя воздухъ, какъ боевая лошадь, и посмотрѣлъ, не идутъ ли еще враги; затѣмъ повернулся и легкими прыжками догналъ овецъ, которыхъ онъ такъ ловко спасъ.

Изъ своей засады молодой Ли слѣдилъ за всѣмъ происходившимъ страстными, сверкающими глазами. Баранъ прошелъ мимо него въ разстояніи какихъ-нибудь пятидесяти ярдовъ.

Онъ представлялъ собой легкую цѣль— во весь свой ростъ, въ пятидесяти ярдахъ; эта была поистинѣ чудная картина, далеко превосходившая самыя пылкія его мечты. Онъ былъ свидѣтелемъ событія, которое зажгло его кровь. Онъ потерялъ охоту отнять эту жизнь и, сидя, съ блестящими глазами, шепталъ: «Ахъ ты, старый благородный вояка! Миѣ не жаль, что ты погубилъ моихъ собакъ. Ты сдѣлалъ это въ честномъ бою. Никогда я не причиню тебѣ зла. Что касается меня, можешь быть спокоенъ за свою безопасность». Но

Крэгъ.

баранъ никогда этого не узналъ, а Скотти этого не понялъ.

XVI.

Былъ когда-то на свѣтѣ горемыка, который, отчаявшись пріобрѣсти извѣстность другими средствами, задумалъ увѣковѣчить свое имя, разрушивъ самое великолѣпное зданіе на землѣ. Таковъ же образъ мыслей охотниковъ-спортсменовъ. Чѣмъ благороднѣе предметъ, который они взялись уничтожить, тѣмъ выше подвигъ, тѣмъ глубже наслажденіе, тѣмъ больше они думаютъ имѣть правъ на славу.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Многіе охотники видѣли великолѣпнаго барана и не разъ пожирали глазами его несравненные рога. Его слава достигла городовъ. Любители рѣдкостей предлагали баснословныя цѣны за голову, которой они принадлежали, хотѣли пріобрѣсти ихъ цѣною крови; многіе пытались ихъ добыть, но всѣ потер-

Крэгъ.

пѣли неудачу. Наконецъ Скотти, всегда нуждавшійся въ деньгахъ, соблазнился крупной суммой. Онъ отправился въ путь съ товарищемъ, и имъ дѣйствительно удалось найти мѣстопробываніе барана, окруженнаго своимъ гаремомъ. Но послѣ трехдневнаго непрерывнаго преслѣдованія по слѣдамъ они его больше не видали; товарищъ рѣшилъ, что можно найти «болѣе легкій способъ зарабатывать хлѣбъ», и вернулся.

Но въ злобныхъ сѣрыхъ глазахъ Скотти загорѣлась та искорка собачьяго упорства, которая сдѣлала его племя властителемъ міра. Онъ возвратился съ Митчелемъ въ хижину, но единственно для того, чтобы приготовиться къ долгой и упорной охотѣ. Онъ взялъ съ собой винтовку, шерстяное одѣяло, трубку, спичекъ, табаку, горшокъ, связку тонко нарѣзанныхъ сушеныхъ ломтиковъ оленины и три-четыре фунта шоколада. На слѣдующій день онъ одинъ вернулся на то мѣсто, гдѣ нашелъ слѣдъ

Крэгъ.

барана, и сталъ пристально его выслѣживать по слѣгу; слѣдъ поворачивалъ, кружился назадъ и впередъ, становился неяснымъ отъ отпечатка на немъ слѣдовъ всего стада, но его все-таки можно было распознать по величинѣ. Разъ или два Скотти нападалъ на мѣста, гдѣ стадо отдыхало, и изрѣдка изслѣдовалъ даль въ подзорную трубу. Но никто не показывался. Ночь онъ проводилъ на слѣдахъ и на слѣдующій день продолжалъ путь по тому же направленію. Послѣ четырехдневной ходьбы онъ пришелъ къ мѣсту, гдѣ баранъ, очевидно, останавливался, чтобы наблюдать за охотникомъ издалека; значитъ онъ зналъ, что его преслѣдуютъ.

Съ этой минуты слѣдъ всего стада долго представлялъ собою одну узкую линію, такъ какъ овцы направлялись на отдаленныя пастбища.

Скотти мрачно шелъ по слѣду; весь день онъ шелъ, а ночью заползалъ въ ложбинку, какъ дикій звѣрь, съ той только раз-

Крэгъ.

ницей, что разводилъ огонь и куриль трубку по-человѣчески. Утромъ онъ продолжалъ путь. Разъ или два на очень далекомъ разстояніи онъ видѣлъ овецъ, упорно державшихъ путь на югъ. Черезъ день овцы уже находились въ южной части хребта Як-ин-и-кака, какъ разъ на сѣверъ отъ озера Уайтфиша.

Къ югу отъ него лежала прерія Полу-мѣсяца, на востокъ неровная мѣстность, разстилающаяся до сѣвернаго развѣтвленія Флэтхеда, а къ сѣверу ихъ сторожилъ неумолимый и смертельный врагъ. Овцы были въ недоумѣніи, и, какъ только старый Крэгъ попробовалъ прокрасться назадъ по нижнимъ площадкамъ восточнаго склона, послышалось «кракъ», и что-то колючее задѣло рогъ и сорвало шерсть съ его лопатки.

Прикосновеніе пули къ рогу барана всегда оказываетъ болѣе или менѣе ошеломляющее дѣйствіе, и Крэгъ, на минуту ослѣпленный, подаль сигналъ, который въ

Крэгъ.

переводѣ на нашъ языкъ означалъ: «всякій думай о себѣ»; стадо разсыпалось, кто куда могъ, нѣкоторые остались даже на виду.

Но мысли Скотти были сосредоточены на одномъ Крэгѣ; на другихъ онъ не обращалъ вниманія; и, когда баранъ сталъ спускаться съ горъ прямо на востокъ, Скотти опять пошелъ по слѣду, глубоко вздыхая и произнося проклятія.

Рѣка Флэтхэдъ была теперь на разстояніи пяти миль. Баранъ перешелъ по льду и, стараясь все время держаться самой неровной почвы, поворачивая по направленію вѣтра, весь день шелъ къ сѣверовостоку. Скотти неотступно слѣдовалъ за нимъ.

На пятый день они были у озера Терри. Скотти эта мѣстность была знакома. Баранъ шелъ на востокъ и скоро долженъ былъ наткнуться на приготовленный для стройки лѣсъ; тогда онъ неминуемо долженъ повернуть, такъ какъ мѣсто это

Крэгъ.

представляло изъ себя лощину съ однимъ только выходомъ. Скотти бросилъ слѣдъ, передвинулся на сѣверъ, къ ущелью, куда долженъ былъ спуститься баранъ, и сталъ ждать. Западный чейнукскій вѣтеръ, единственный влажный вѣтеръ, дующій на скалахъ, снѣжный горный вѣтеръ, сталъ подниматься часъ или два тому назадъ; какъ только онъ поднялся, начали летать снѣжные хлопья. Черезъ полчаса разразилась ослѣпляющая снѣжная буря. Въ двадцати ярдахъ ничего не было видно. Но она была непродолжительна; черезъ пять минутъ она стала ослабѣвать, а черезъ два часа небо совсѣмъ прояснилось. Скотти подождалъ еще часъ, но, ничего не видя, оставилъ свой постъ и сталъ искать кругомъ какого-нибудь указанія; и дѣйствительно нашелъ еле замѣтный, углубленный въ свѣжемъ снѣгѣ рядъ слѣдовъ; въ одномъ мѣстѣ подъ выступомъ они обозначались гораздо яснѣе. Баранъ прошелъ, не будучи замѣченнымъ, и увернулся отъ

Крэгъ.

охотника при содѣйствіи бурнаго вѣтра и снѣга.

Охъ, чейнукъ! Родимый, западный вѣтеръ! Источниѣкъ весеннихъ потоковъ и зимнихъ снѣговъ! Кому обязана произрастаніемъ трава на волнистыхъ плоскогорьяхъ? Кто поддерживаетъ траву и все, что питается этой травой? Кто создалъ самыя плоскогорья со всѣмъ живущимъ на нихъ? Неужели ты только, одно дуновение, воздухъ, или ты, какъ учили насъ греки и индусы, нѣчто лучшее, живое, мыслящее, которое создаетъ, любить и бережетъ свое созданіе? Зачѣмъ понадобилось тебѣ набрасывать свое покрывало на глаза хищному волку въ образѣ человѣка-звѣря, если не для того, чтобы онъ не видалъ и не сдѣлалъ вреда твоему величавому любимцу, когда онъ проходитъ мимо?

Неужели безъ причины, не по твоему велѣнію, состоялась встрѣча этихъ двухъ существъ въ день рожденія барана?

XVII.

Теперь Скотти додумался до того, что баранъ, такъ рѣшительно стремясь на восточный берегъ Флэтхэда, долженъ имѣть опредѣленную цѣль и что эта цѣль заключалась въ томъ, чтобы добраться до горъ, окружающихъ озеро Кинтла, гдѣ его хорошо знали и много разъ видѣли. Его могло влечь на западъ весь сегодняшний день, пока дулъ чейнукъ, но въ случаѣ переменъ вѣтра ночью онъ неминуемо долженъ былъ повернуть на востокъ. Поэтому Скотти не дѣлалъ дальнѣйшей попытки итти по слѣду или подойти съ запада къ горному хребту Кинтла, но направился къ озеру черезъ развѣтвленіе рѣки, держа путь на сѣверъ. Вѣтеръ ночью переиґнился. И на слѣдующій день Скотти, изслѣдуя обширное пространство между собою и озеромъ, увидалъ внизу движущееся пятно. Онъ мгновенно скрылся изъ

Крэгъ.

вида и побѣжалъ впередъ, чтобы перехватить путника. Но, когда онъ достигъ намѣченного пункта и осторожно выглянулъ, тамъ, въ пятистахъ ярдахъ, на сосѣднемъ холмѣ, стоялъ — знаменитый баранъ. Оба были на виду и могли разглядывать другъ друга.

Съ минуту Скотти стоялъ и смотрѣлъ молча. Потомъ пробормоталъ: «Вотъ что, старый Крэгъ, теперь ты оттуда можешь даже различить изображеніе черепа и скрещенныхъ подъ нимъ костей на моемъ ружьѣ. Я — смерть на твоёмъ пути; тебѣ меня не миновать. Какою бы то ни было цѣною, но я добьюсь твоихъ роговъ. Нука, помогай Богъ!»

Онъ вскинулъ винтовку и выстрѣлилъ; но разстояніе было велико. Баранъ стоялъ, пока былъ виденъ дымъ, потомъ быстро отошелъ въ сторону. Снѣгъ былъ взрытъ пулей недалеко отъ того мѣста, которое онъ только что покинулъ. Горный баранъ повернулъ на востокъ, огибая южный не-

ровный берегъ озера, пробираясь къ большому развѣтвленію, а Скотти, оставшись на время далеко позади, шагаль за нимъ упорно и увѣренно, такъ какъ къ его неутомимой выносливости присоединялась чисто саксонская черта животнаго упорства, безмысленнаго, тупого упрямства, непоколебимая рѣшимость, которая не отказывается отъ своей цѣли даже вопреки здравому смыслу, разуму и чести, ослѣпляетъ своего обладателя, доводя его до пораженія, и заставляетъ, даже если онъ побѣжденъ, слабо лягаться — да, тратить послѣдній остатокъ силъ на издѣвательство надъ своимъ побѣдителемъ, короткій отвѣтъ котораго заключается въ томъ, что онъ стираетъ противника съ лица земли.

Погоня продолжалась весь день; отдыхъ на ночлегѣ, а утромъ снова погоня. Большею частью слѣдъ былъ ясно виденъ, но порой заметенъ вновь выпавшимъ снѣгомъ. Они шли день за днемъ. Иногда Скотти могъ видѣть добычу, которую съ такимъ упор-

Крэгъ.

ствомъ преслѣдовалъ, но все не достаточно близко. Баранъ какъ бы угадалъ, что пуля попадаетъ на разстояніи пятисотъ ярдовъ, и не позволялъ человѣку перейти эту спасительную границу. Казалось, что въ послѣднее время онъ даже намѣренно соблюдалъ это разстояніе, чтобы всегда знать, гдѣ находится врагъ. Разъ Скотти удалось незамѣтно опередить противника, и онъ выстрѣлилъ въ упоръ, если бы не роковой западный вѣтеръ, во-время давший Крэгу предостереженіе; но это произошло въ первый мѣсяцъ упорнаго, страшнаго преслѣдованія. Послѣ того баранъ не могъ уже совсѣмъ скрыться изъ вида.

Отчего же онъ не разстроилъ плановъ врага быстротой своего бѣга? А потому, что онъ нуждался въ кормѣ. Охотникъ взялъ съ собой запасъ сушеной оленины и шоколада на многіе дни.

Въ случаѣ истощенія онъ могъ застрѣлить зайца или тетерева, наскоро изжарить и, подкрѣпившись, продолжать путь; между

Крэгъ.

тѣмъ какъ барану требовались часы, чтобы подъ снѣгомъ отыскать скудную траву. Долгая погоня отзывалась на немъ. Его глаза сохранили свой чудный блескъ, а члены прежнюю гибкость; но животъ подвело, и голодъ, изнуряющій голодъ, сталъ дѣйствовать заодно съ лютымъ недругомъ. Охота длилась пять нескончаемыхъ недѣль, и гендеровскій баранъ свободно дышалъ, только когда снѣжная буря, принесшись съ запада, спускала свое покрывало. Затѣмъ наступили двѣ недѣли, въ которыя они совсѣмъ не теряли другъ друга изъ вида.

Утромъ Скотти, вылѣзая изъ своей ледяной волчьей берлоги, провозглашалъ: «Ну, Крэгъ, двигаемся дальше». И баранъ на отдаленной возвышенности вызывающе стучалъ копытами и, держа носъ по вѣтру, пускался въ путь, то тише, то скорѣе, но непремѣнно соблюдая разстояніе спасительныхъ пятисотъ ярдовъ или даже болѣе. Когда Скотти садился отдыхать, ба-

Крэгъ.

ранъ принимался за кормъ. Если Скотти прятался, то баранъ въ тревогѣ устремлялся въ такое мѣсто, къ которому нельзя было подойти незамѣченнымъ. Если Скотти затихалъ на нѣкоторое время, баранъ зорко наблюдалъ за нимъ, стоя неподвижно. Такъ безо всякихъ событій медленно прошло десять недѣль. Странное чувство выросло между этими двумя существами. Баранъ такъ привыкъ къ преслѣдующей его по пятамъ ищейкѣ, что принималъ ее за неизбежное, даже необходимое зло. Разъ какъ-то Скотти, проснувшись, сталъ изучать мѣстность съ сѣверной стороны и вдругъ услышалъ протяжное фырканье далеко позади. Обернувшись, онъ увидалъ стараго Крэга, ожидавшаго его съ нетерпѣніемъ. Вѣтеръ перемѣнился, и Крэгъ пошелъ по другому направленію.

Однажды, когда они двинулись въ путь, Скотти пришлось потратить два мучительныхъ часа, чтобы перейти рѣку, которую перепрыгнулъ старый Крэгъ. Когда онъ

Крэгъ.

достигъ противоположнаго берега и оглянулся кругомъ, то услышалъ сзади фырканье. Оказалось, что баранъ вернулся, чтобы узнать, что его задерживаетъ.

О, Крэгъ! О, гендеровскій горный баранъ! Какъ можно итти на сдѣлки съ такимъ неумолимымъ врагомъ? Зачѣмъ играть со смерью? Неужели сотни предостереженій роднаго вѣтра пропали даромъ? Держись, крѣпче держись; старайся, чтобы ему удалось тебя спасти; но не сдавайся. Помни, что снѣгъ, могущій спасти, можетъ и предать.

XVIII.

Такимъ образомъ въ теченіе зимы была пройдена главная часть плоскогорья, Кутенейскія каменные горы, вершина за вершиной до самаго ущелья Вороньяго Гнѣзда; потомъ неутомимая пара направила свои стопы на западъ, навстрѣчу бѣлому вѣтру, западиѣ и южниѣ хребта Макъ-Дональда; и все дальше, пока не достигла цѣпи Галь-

Крэгъ.

томскихъ холмовъ. День за днемъ то же механическое слѣдованіе — два темныхъ, движущихся пятна на огромной пеленѣ снѣга. Много разъ ихъ слѣдъ пересѣкали овцы и другая дичь. Разъ они встрѣтили группу рудокоповъ, которые знали объ охотѣ Скотти и подтрунивали надъ нимъ; но онъ равнодушно посмотрѣлъ, какъ бы не замѣчая ихъ, и пошелъ дальше. Сколько разъ баранъ пытался скрыть роковые слѣды своихъ копытъ въ отпечаткѣ слѣдовъ какого-нибудь прошедшаго раньше стада. Но Скотти нельзя было сбить съ толку; его цѣль воплотилась въ его существо. Онъ разбивалъ всѣ уловки; промежутки въ преслѣдованіи становились все рѣже, снѣжныя бури прекращались, бѣлый вѣтеръ держался въ отдаленіи, и природа не оказывала сопротивленія охотнику.

Все то же и то же, та же короткая полу-миля между ними; казалось, надъ обоими простерлась рука Времени и Смерти. У обоихъ съ каждымъ днемъ глубже про-

Крэгъ.

валивались глаза и увеличивалась худоба. У человѣка на воздухѣ побѣлѣли волосы съ той поры, какъ онъ началъ эту безумную травлю, а голова и лопатки барана замѣтно посѣдѣли; только его блестящіе глаза и великолѣпные вѣтвистые рога были тѣ же, и несъ онъ ихъ такъ же гордо, какъ и въ самомъ началѣ охоты. Каждое утро человѣкъ вставалъ, — одеревенѣлый, полузамерзшій, худой, но упорный какъ исчадіе ада, — и крался, крался, мечтая о выстрѣлѣ въ упоръ. Но Крэгъ всегда получалъ своевременное предупрежденіе и, выскочивъ изъ своего пристанища, велъ охоту дальше. На третій мѣсяцъ они опять перешли мимо Гальтома къ хребту Тобако, потомъ обратно на востокъ къ Гѣндерпику. Баранъ былъ впереди, а неумолимая ищейка слѣдовалъ по пятамъ. Здѣсь, на мѣстѣ рожденія барана, они въ одно прекрасное утро отдохали — баранъ на одномъ хребтѣ, а Скотти въ шестистахъ ярдахъ на другомъ. Въ продолженіе двѣнадцати долгихъ недѣль

Крэгъ.

баранъ велъ его по снѣгу черезъ десять длинныхъ горныхъ цѣпей—пятьсотъ миль по неровной почвѣ.

И теперъ они опять находились на томъ мѣстѣ, откуда двинулись, переживъ полжизни въ такой короткій промежутокъ. Скотти сѣлъ и закурилъ трубку. Баранъ сталъ поспѣшно щипать траву. И, пока человѣкъ былъ видимъ, баранъ не покидалъ возвышенности. Скотти многократно приходилось это испытывать, и вотъ тутъ-то, когда онъ сидѣлъ и курилъ, въ него вдругъ вселился злой духъ, внушившій ему коварный замыселъ. Онъ осторожно высыпалъ табакъ изъ трубки, отложилъ ее въ сторону, нарѣзалъ прутьевъ изъ расщелинъ близости низкорослой березы и набралъ камней. Величественный баранъ слѣдилъ за нимъ издали. Человѣкъ приблизился къ самому краю хребта и изъ палокъ, камней и запасной одежды соорудилъ чучело. Затѣмъ, держась непосредственно позади его, проползъ черезъ выступъ и скрылся изъ

Крэгъ.

вида. Послѣ часового ползанія онъ прокрался на хребетъ позади барана.

Тутъ онъ стоялъ, могучій какъ быкъ, изящный—какъ олень, съ рогами, окружавшими его лобъ, какъ грозовыя тучи окутываютъ утесъ. Онъ не сводилъ глазъ съ чучела, удивляясь его необычно долгой неподвижности. Скотти находился отъ него въ трехстахъ ярдахъ. За бараномъ были низкія скалы, а передъ нимъ снѣжная поляна. Скотти легъ и, набросавъ себѣ на спину снѣгу, чтобы не выдѣляться изъ окружавшаго его бѣлаго покрова, проползъ двѣсти ярдовъ, все время наблюдая за головой барана, стараясь двигаться какъ можно быстрее, насколько, конечно, позволяла ему осторожность. А баранъ продолжалъ пристально смотрѣть на чучело, изрѣдка отъ нетерпѣнія ударяя копытами о землю. Одинъ разъ онъ зорко осмотрѣлся кругомъ и могъ бы замѣтить на снѣгу пресмыкающуюся фигуру, но, увы, ему въ этомъ случаѣ помѣшалъ рогъ, его собственный большой

Крэгъ.

правый рогъ, ставшій между нимъ и его смертельнымъ врагомъ; такъ что и эта слабая возможность спасенія была потеряна. Все ближе и ближе, подъ защитою скалъ, подползалъ злодѣй. Благополучно дойдя до нихъ, онъ, наконецъ, остановился на разстоянїи какой-нибудь полсотни ярдовъ. Въ первый разъ въ жизни онъ видѣлъ знаменитые рога вблизи. Онъ увидѣлъ широкія лопатки, изгибъ богатырской шеи все еще могучей, несмотря на то, что на тѣлѣ ужъ лежалъ отпечатокъ голода; онъ увидѣлъ трепещущее въ солнечныхъ лучахъ роскошное созданіе, у котораго изъ ноздрей вырывалось горячее дыханіе жизни; онъ даже поймалъ лучъ жизни въ этихъ блестящихъ янтарныхъ глазахъ,—но все же медленно вскинулъ ружье.

О, родимый бѣлый вѣтеръ, дуй! Не допусти до этого. Развѣ вся твоя сила истощилась? Вѣдь милліоны пудовъ снѣга лежатъ нетронутыми на каждомъ утесѣ! Достаточно одного, только одного; одно летучее

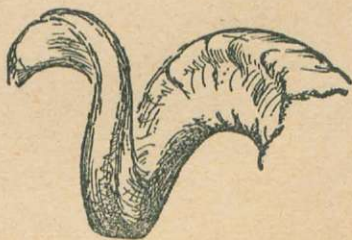
Крэгъ.

снѣжное облачко могло бы его спасти. Неужели благороднѣйшее созданіе, обитающее на этихъ холмахъ, должно пасть для удовлетворенія самой низкой человѣческой прихоти? Неужели за одинъ промахъ онъ обреченъ на гибель?

Но никогда еще не было такого тихаго дня. Иногда горныя сороки предостерегаютъ своихъ друзей, но на этотъ разъ нигдѣ не было видно ни одной птицы; а баранъ все стоялъ, какъ околдованный, не сводя глазъ съ неподвижнаго врага.

Поднялось ружье, которое не давало промаху, направленное глазомъ, не знавшимъ ошибокъ. Зато рука, которая, не колеблясь, отняла двадцать человѣческихъ жизней, дрожала какъ отъ страха. Боролись ли въ немъ двѣ различныя природы? Да.

Но рука стала твердой; лицо охотника было спокойно и жестоко. Раздался выстрѣлъ, и Скотти—сиряталъ лицо; потому что знакомое «кракъ» прозвучало такъ, какъ никогда еще не звучало. Онъ услы-

Крэгъ.

шалъ грохотаніе камней и затѣмъ протяжное «сну-у-фъ». Но онъ не глядѣлъ и не шевелился. Черезъ двѣ минуты все стихло, и онъ робко приподнялъ голову. Ушелъ онъ? Или... что это?

Тамъ, на снѣгу, лежало огромное сѣрвато-коричневое туловище, а на одномъ концѣ, какъ двухголовая свернувшаяся гидра, разстилались его чудесные рога, изваянная лѣтопись блестящей жизни великолѣпнаго созданія; его пятнадцатилѣтняя жизнь была теперь видна, какъ на ладони. Вотъ и кончики роговъ, истертые временемъ, которые такъ помогали ему оставаться побѣдителемъ, когда онъ былъ еще ягненкомъ. Вотъ обозначенные года здороваго роста, каждый по своей длинѣ соответствующій этому росту. Тутъ же можно было прослѣдить годъ недомоганія, затѣмъ расщепленіе въ пятилѣтнемъ кольцѣ, ознаменовавшемъ его первую борьбу въ порѣ любви. Кончики роговъ совсѣмъ притупились и свидѣтельствовали о смертномъ боѣ,

Крэгъ.

которымъ они били сѣрыхъ волковъ, посягнувшихъ на жизнь барана. Такъ эти кольца на рогахъ краснорѣчиво говорили о жизни, самая драгоценность которой была причиной ея внезапнаго пресѣченія.

Золотая нить, сквозившая черезъ бѣлую ткань, оборвалась, потому что понадобилось ея золото.

Скотти подошелъ и въ суровомъ молчаніи смотрѣлъ не на доставшіеся дорогой цѣной рога, а на спокойные желтые глаза, пока еще открытые и не затуманенные смертью. Онъ какъ бы окаменѣлъ. Онъ не понималъ. Онъ не сознавалъ, что это было внезапное паденіе съ наклонной плоскости, по которой онъ заставлялъ себя катиться въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Онъ присѣлъ въ двадцати ярдахъ, спиной къ рогамъ. Онъ попробовалъ было взять въ ротъ табаку, но тотчасъ же его выплюнулъ. Во рту у него пересохло. Онъ не могъ бы опредѣлить, что онъ, собственно,

Крэгъ.

чувствовалъ. Слова играли очень небольшую роль въ его жизни, и его душевное волненіе вылилось наружу потокомъ ужасныхъ ругательствъ. Послѣдовало долгое молчаніе; затѣмъ: «Если бы я могъ вернуть ему жизнь!»

Онъ посмотрѣлъ въ даль. Его глаза упали на одежду, которую онъ оставилъ, и, сообразивши, что было холодно, онъ направился туда и собралъ свои вещи. Потомъ онъ вернулся къ рогамъ, и имъ овладѣло дикое, нечеловѣческое влеченіе къ тѣлу своей жертвы, о которомъ онъ такъ много слышалъ, но до сихъ поръ не понималъ—страсть наизнанку, которая заставляетъ пантеру ласкать и нѣжить убитую ею лань. Онъ развелъ огонь и, немного пришедши въ себя, снялъ шкуру съ барана и отрубилъ ему голову. Онъ механически исполнялъ это привычное ему дѣло, отрѣзавъ достаточно мяса, чтобы утолить голодъ. Затѣмъ, сгибаясь подъ тяжестью своей великолѣпной добычи, — тяжесть, на ко-

Крэгъ.

торуя онъ бы не обратилъ даже вниманія три мѣсяца тому назадъ, — онъ медленно поплелся внизъ къ хижинѣ, которую не видалъ двѣнадцать недѣль и куда вошелъ теперь изнуреннымъ, посѣдѣвшимъ и угрюмымъ старикомъ.

XIX.

— Нѣтъ! За деньги его купить нельзя.— И Скотти мрачно отвернулся, чтобы положить конецъ спору. Онъ дождался, пока набиватель чучель успѣшно окончилъ свою работу, затѣмъ опять прошелъ триста миль по горамъ и вернулся въ свое одинокое обиталище. Онъ снялъ покрывало и повѣсилъ голову съ расчетомъ на самое выгодное освѣщеніе. Работа была великолепно исполнена; рога остались безъ перемѣны; чудные золотистые глаза были все тѣ же, и, когда лучъ свѣта сообщилъ имъ подобіе взгляда, въ горцѣ снова проснулись чувства, которыя онъ испыталъ въ

Крэгъ.

тотъ знаменательный день на горномъ хребтѣ. Онъ завѣсилъ голову.

Люди, хорошо его знавшіе, утверждали что она у него всегда была завѣшена и что онъ никогда о ней не говорилъ. Но кто-то разъ сказалъ: «Да, я какъ-то разъ видѣлъ, какъ онъ снялъ покрывало и посмотрѣлъ на него такъ странно и вмѣстѣ съ тѣмъ любовно». Единственное замѣчаніе на этотъ счетъ, которое отъ него когда-либо слышали, было: «Рога мои, но онъ со мной еще не поквитался».

Прошло четыре года. Скотти, извѣстный теперь подъ названіемъ старика Скотти, больше уже не ходилъ на охоту. Онъ надломилъ свои силы этимъ продолжительнымъ безуміемъ. Теперь онъ исключительно жилъ золотомъ, собственноручно добытымъ въ рудникахъ, былъ совершенно одинокъ. У него, видимо, что-то засѣло въ головѣ. Однажды среди зимы въ его хижину зашелъ старый товарищъ. Ихъ бесѣда не отличалась обиліемъ темъ.

Крэгъ.

— Слыхалъ я, что вы убили гѣндеровскаго барана?

Скотти кивнулъ.

— Покажите мнѣ его.

— Сдѣлайте одолженіе,— и старикъ мотнулъ головой въ сторону завѣшеннаго предмета на стѣнѣ.

Гость отдернулъ покрывало. Послышались обычные возгласы восхищенія.

Скотти принялъ ихъ молча, но обернулся, чтобы посмотрѣть. Свѣтъ огня, отражавшагося въ стеклянныхъ глазахъ, придавалъ имъ красноватый, сердитый блескъ.

— Завѣсьте его, когда насмотритесь,— сказалъ Скотти и принялся за трубку.

— Скажите, Скотти, отчего вы его не продадите, разъ онъ васъ такъ беспокоитъ? Тотъ, знаете, изъ Нью-Йорка-то, просилъ вамъ передать, что дастъ...

— Чортъ бы побралъ вашего нью-іоркца! Никогда, никогда я его не продамъ,— никогда съ нимъ не разстанусь. Я не отступилъ отъ него, пока не покончилъ съ нимъ,

Крэгъ.

и онъ меня не отпустить, пока мы не по-
квитаемся. Эти четыре года онъ неотступно
преслѣдуетъ меня. Онъ извелъ меня. Онъ
сдѣлалъ изъ меня старика. По его милости
я сталъ чуть не помѣшаннымъ. Онъ выса-
сываетъ изъ меня соки. Но это далеко еще
не все. Отъ него осталось больше, чѣмъ
эта голова. Увѣряю васъ, что, когда дуетъ
этотъ несчастный чейнукъ съ Табакко-
Крика, я слышу шумъ, который вѣтеръ
не можетъ производить. Я слышалъ этотъ
самый звукъ въ тотъ день, когда духъ его
испарился сквозь ноздри, а я лежалъ пе-
редъ нимъ ничкомъ. Теперь я на ногахъ
и рѣшилъ встрѣтить его здѣсь... какъ слѣ-
дуетъ... на Табакко-Крикѣ...

Сильный бѣлый вѣтеръ поднялся въ эту
ночь и свистѣлъ и завывалъ кругомъ хи-
жины Скотти. Въ обыкновенное время
гость не обратилъ бы на него вниманія;
но разъ или два въ дверь ворвалось про-
тяжное «сну-уфъ», отъ котораго дребез-
жала щеколда и шелестѣло покрывало.

Крэгъ.

Скотти бросилъ на друга дикій, испуганный взглядъ. Слова были излишни; лицо посягателя поблѣло.

Утромъ шелъ снѣгъ, но гость пустился въ путь. Весь этотъ день дулъ бѣлый вѣтеръ, и снѣгъ падалъ все гуще и гуще. Плотнѣе и плотнѣе ложился онъ на землю. Всѣ острия вершины были окутаны снѣгомъ, и всѣ ложбины между высокими хребтами сравнены съ ними. И шелъ онъ весь день, наметая пласть на пласть, упорный, рыхлый, вязкій — и все глубже, тяжелѣе, захватывая все бѣльшую площадь. Ночью чейнукъ еще усилился. Онъ перелеталъ съ вершины на вершину, словно это было живое существо, а не просто дыханіе воздуха, какъ учили насъ греки и индусы, — существо, которое творить, любить и бережетъ свое созданіе. Оно принеслось съ далекаго океана какъ властный богъ, какъ ангелъ гнѣва съ громогласною трубой, возвѣщавшею страшную вѣсть — объявленіе войны. И дикая, торжествую-

Крэгъ.

щая боевая пѣснь выливалась такимъ на-
пѣвомъ:

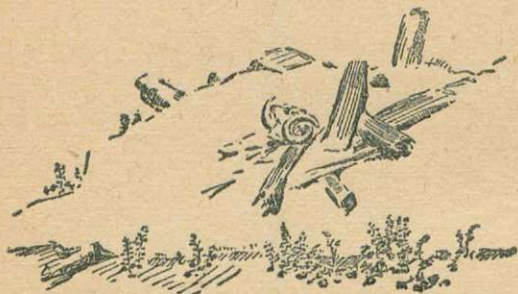
Снѣжными вѣтрами я управляю,
Холмами, снѣгами повелѣваю;
Чась моей власти сладокъ мнѣ,
Всю ночь мнѣ правдой служить всѣ.

Тамъ и сямъ, согласно полученному ве-
лѣнію, среди остроконечныхъ вершинъ со-
вершались чудеса. Новыя явленія возни-
кали какъ бы по мановенію жезла; здѣсь
образовывались или исчезали озера; туда
спѣшили вѣстники жизни или смерти. Ла-
вина скатилась съ Пёрсельспика и, прото-
ривъ себѣ по склонамъ горы дорогу, об-
нажила золотоносную жилу; другая, под-
гоняемая бѣлымъ вѣтромъ, спѣшила загра-
дить теченіе рѣки и, какъ вѣстница благо-
получія, направить излишекъ водъ въ стра-
ну, жаждущую влаги. Но внизъ по Гён-
дерпику кружился чудовищный вихрь, су-
лившій мечь. Все ниже, ниже, ниже съ
шумомъ, въ которомъ слышался протяж-

Крэгъ.

ный «сну-у-фъ». Катился онъ по уступамъ, выступамъ, откосамъ. Уничтожая на своемъ пути цѣлые лѣса, онъ несся съ грохотомъ, подскакивая, разбивая въ дребезги утесы, разрушая крутые спуски, устремляясь внизъ все съ бѣльшей силой и быстротой. Онъ свирѣпѣлъ по мѣрѣ того, какъ летѣлъ дальше внизъ, и, наконецъ, въ одномъ буйномъ и неукротимомъ натискѣ, захватилъ со всѣмъ содержимымъ хижину Скотти и стеръ ее съ лица земли въ мгновеніе ока. Охотникъ предугадалъ свою судьбу. Родимый бѣлый вѣтеръ горнаго барана принесся съ Великаго Западнаго океана — онъ, правда, долго медлилъ, но все-таки, наконецъ, налетѣлъ.

На скалистомъ плоскогорьѣ, въ равнинѣ Тобако-Крика, расцвѣтала весна. Западные дожди бережно смыли бѣлую снѣжную пелену по склонамъ горъ. Медленно явилась на свѣтъ Божій разрушенная хижина; и тамъ, посредиѣ, показалась, совершенно невредимая, голова гѣндеровскаго

Крэгъ.

барана. Попрежнему блестяли его янтарные глаза, осыненные роскошными рогами; а подъ нимъ валялись сломанныя кости, тряпье и клочья сѣдыхъ человѣческихъ волосъ.

Старикъ Скотти давно забытъ, а голова знаменитаго горнаго барана занимаетъ почетное мѣсто на стѣнѣ какого-нибудь дворца, какъ царственное сокровище; и люди, когда взирають на эти великолѣпныя рога, всегда говорятъ о славномъ гёндеровскомъ баранѣ, который вырастилъ ихъ на горныхъ вершинахъ Кутенея.

Бидди и Рэнди.

УЛИЧНЫЙ ТРУБАДУРЪ.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ВОРОБЬЯ.

Уличный Трубадуръ.

I.

Какое щебетанье, тревожное чириканье и порханіе! Полдюжины англійскихъ воробьевъ тараторили и суетились въ канавкѣ для стока воды на Пятomъ Проспектѣ въ самой серединѣ толпы; когда она немного разступалась, можно было рассмотреть причину этого волненія—маленькую воробьиною самку, отчаянно и негодующе отражавшую приставанія многочисленныхъ шумныхъ поклонниковъ. Они, казалось, ухаживали за ней, но ихъ способъ объясненія въ любви былъ такъ грубъ, что его можно было принять за отправленіе самосуда. Они приставали къ ней, теребили и

Приключенія воробья.

надоѣдали ей самымъ непочтительнымъ образомъ. Видно было только, что они не причиняли ей серьезнаго вреда. Она же, напротивъ, сопротивлялась не на шутку и не пощадила бы своихъ мучителей, если бы въ ту минуту могла ихъ умертвить.

Было ясно, что они за ней ухаживали, но въ такой же степени было очевидно, что она не благоволила ни къ одному изъ нихъ, въ чемъ она, наконецъ, отчасти ихъ убѣдила, пустивъ въ ходъ свой острый клювъ. Воспользовавшись короткимъ промежуткомъ, когда осаждающіе разступились, она перелетѣла на край ближайшей крыши, обнаруживъ при этомъ на одномъ изъ крыльевъ нѣсколько бѣлыхъ перьевъ, по которымъ ее можно было узнать и которыя, вѣроятно, придавали ей особое очарованіе.

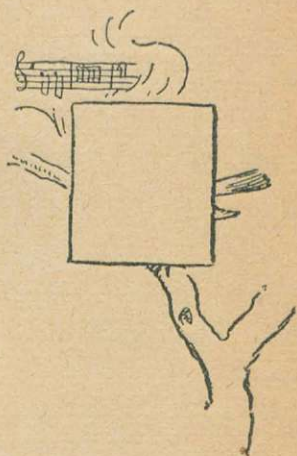
II.

Воробей, гордый своимъ чернымъ галстухомъ и двумя бѣлыми пятнышками по сторо-

Приключенія воробья.

намъ шейки, трудился надъ сооружеиіемъ гнѣзда въ птичьемъ домицѣ, который дѣти выставили для его братіи въ саду, на шестѣ. Онъ былъ особенной птицей во многихъ отношеніяхъ. Его строительный матеріалъ состоялъ исключительно изъ вѣточекъ, которыя онъ добывалъ, вѣроятно, въ Мадисонѣ или Юніонъ-Скверѣ, а раннимъ утромъ онъ на нѣсколько минутъ пріостанавливалъ работу, чтобы спѣть громкую, мелодичную пѣснь, напоминающую пѣнье канарейки.

Воробей рѣдко вьетъ гнѣздо одинъ. Но вѣдь это была особенная птица. Черезъ недѣлю гнѣздо было, повидимому, окончено, такъ какъ птичій домицъ былъ вплоть до самой дверцы устланъ вѣтками, похищенными у тѣнистыхъ городскихъ деревьевъ. У него теперь поэтому оставалось болѣе досуга для музыкальных упражненій, и онъ зачастую удивлялъ всѣхъ въ сосѣдней мастерской мелодіями длинныхъ пѣсенъ, непохожихъ на воробьиныя; такъ бы онъ и перешелъ

Приключенія воробья.

въ исторію какъ необъяснимое чудо, если бы цирюльникъ съ Шестого Проспекта, любитель птицъ, нѣкоторыми свѣдѣніями не пополнилъ недостающихъ главъ изъ ранней поры его жизни.

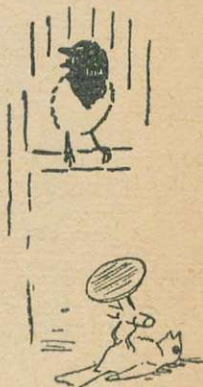
Этотъ человѣкъ положилъ воробьиное яйцо въ ивовую клѣтку своихъ канареекъ. Малышъ исправно вылупился и былъ воспитанъ своими пріемными родителями, которые славились хорошимъ пѣніемъ. Онъ обладалъ легкимъ и крѣпкимъ тѣлосложеніемъ, присущимъ его породѣ. Канарейки успѣшно его обучили, и въ результатѣ получился пѣвецъ, стараніемъ дополнявшій недостатокъ природнаго таланта. Будучи крѣпышомъ и драчуномъ въ меньшей степени, чѣмъ музыкантомъ, этотъ крикливый сорванецъ вскорѣ сдѣлался хозяиномъ всей клѣтки. Онъ не задумывался силой принудить къ молчанію канарейку, которая подавляла его превосходствомъ своихъ музыкальныхъ способностей, и послѣ одной изъ такихъ побѣдъ его пѣніе было такъ

Приключенія воробья.

мелодично, что цирюльникъ припасъ для свирѣпаго музыканта чучело канарейки, которое пускалось въ ходъ, когда онъ желалъ блеснуть передъ посѣтителемъ торжествующимъ гимномъ побѣды.

Рэнди заставилъ молчать всѣхъ канарекъ, съ которыми былъ посаженъ, и, когда, наконецъ, его отдѣлили, ничто, не могло привести его въ такое бѣшенство, какъ сосѣдство талантливаго пѣвца, котораго онъ не могъ ни достать, ни заставить замолчать. Въ такихъ случаяхъ онъ терялъ всякую музыкальность, и его собственная воробьиная природа проявлялась въ грубомъ «чиррѣкъ, чиррѣкъ», которое, вѣроятно, получило развитіе и лестную оцѣнку въ уличномъ обиходѣ.

Когда у него появился черный нагрудникъ, Рэнди сталъ играть большую роль въ лавкѣ цирюльника и даже привлекать публику. Но въ одинъ прекрасный день полка, на которой стояли кѣтки съ птицами, подломилась, кѣтки полетѣли на

Приключенія воробья.

поль, и въ общей суматохѣ нѣкоторыя птицы спаслись бѣгствомъ. Между ними находился Рэнди, или, собственно, Бертранъ, какъ называли этого буйнаго пѣвуна въ честь знаменитаго трубадура.

Канарейки добровольно вернулись въ клѣтки, или позволили себя поймать. А Рэнди выпрыгнулъ изъ окна въ задней стѣнѣ, нѣсколько разъ чирикнулъ, спѣлъ вызывающую пѣсенку въ отвѣтъ на раздавшійся вдали паровозный свистокъ и, держась на почтительномъ разстояннн отъ дома изъ боязни быть пойманнымъ, занялся осматриваніемъ окружающихъ кирпичныхъ зданій. Все его племя изъ поколѣнія въ поколѣніе не знало плѣна. Онъ быстро освоился съ новымъ свободнымъ положеніемъ. Одичавъ черезъ недѣлю, онъ вскорѣ сравнялся со своей родней и превратился въ такого же маленькаго уличнаго буяна; ссорился съ другими воробьями въ канавкѣ для стока воды, всегда давалъ сдачи и удивлялъ слушателей подходящими къ случаю

Приключенія воробья.

потоками канарейнаго пѣнія, исполняемаго съ воробьинымъ усердіемъ.

III.

Вотъ каковъ былъ Рэнди, избравшій птичій домикъ для своего гнѣзда; причина его пристрастія къ вѣткамъ теперь вполне ясна. Единственное гнѣздо, о которомъ онъ имѣлъ понятіе, было корзиночнаго свойства; поэтому настоящее гнѣздо должно было непременно строиться изъ прутьевъ.

Черезъ нѣсколько дней Рэнди появился въ сопровожденіи подруги. Я бы легко могъ забыть бурную сцену въ канавкѣ, такъ какъ онѣ составляютъ обычное явленіе, не узнай я въ невѣстѣ Рэнди той самой маленькой Бидди съ бѣлыми перышками, которая была виновницей описанной суматохи. Она, повидимому, приняла предложеніе Рэнди, но все еще жеманилась и клевала его, когда онъ подходилъ близко. Онъ кружился около нея съ опущенными

Проключенія воробья.

крыльями и приподнятымъ хвостомъ, чирикающая, какъ всякій пламенный воробей, и изрѣдка останавливаясь, чтобы во всей полнотѣ проявить свои канарейные таланты.

Возраженія, которыя она могла ему сдѣлать, были, вѣроятно, побѣдоносно отражены удивительной настойчивостью его генія, такъ какъ онъ проводилъ ее въ приготовленное гнѣздо, забѣгая впередъ, чтобы показать дорогу, горделиво и вмѣстѣ суетливо и подобострастно подпрыгивая. Она послѣдовала съ нимъ, но вскорѣ опять вышла вмѣстѣ съ Рэнди, который умоляюще щебеталъ. Онъ долго чирикалъ, пока не убѣдилъ ее войти, но она опять тотчасъ же выпрыгнула, на этотъ разъ ворча и бранясь. Онъ снова приложилъ всю силу убѣжденія, и, наконецъ, она вошла, весело чирикающая, появилась съ вѣткой въ клювѣ, уронила ее и улетѣла. Тогда вышелъ и Рэнди. Вся его гордость и довольство своимъ домомъ исчезли. Это былъ убійственный ударъ въ то самое время, когда онъ ждалъ

Приключенія воробья.

безусловнаго одобренія. Онъ минутоу безутѣшно сидѣлъ на порогѣ домика, и чириканье его, вѣроятно, означало: «Вернись, вернись». Но невѣсты не было. Онъ проникъ въ домикъ. Оттуда послышался царапающій звукъ. Рэнди показался съ толстой вѣткой, швырнулъ ее изъ дверцы на землю, вернулся за другой, которую отправилъ вслѣдъ за первой, и такимъ образомъ повываскивалъ и повывбрасывалъ все прутья, которые съ такимъ трудомъ и тщаніемъ собиралъ. Чудная вилкообразная вѣтка, которую онъ съ такимъ трудомъ добылъ въ Юніонъ-Скверѣ, и двѣ мягкія вѣточки, которыя такъ напоминали ему о гнѣздѣ пріемной матери—все, все пошло вонъ. Цѣлый часъ онъ молча работалъ въ одиночествѣ. Затѣмъ онъ, повидимому, окончилъ свое дѣло, потому что внизу, на землѣ, лежала цѣлая груда вѣтокъ, достаточная для коста—уничтоженная работа цѣлой недѣли. Рэнди свирѣпо посмотрѣлъ внизъ и на пустой домикъ, издалъ отрывистое, злобное

Приключенія воробья.

чириканье, означавшее, вѣроятно, на воробьиномъ языкѣ нехорошее слово, и полетѣлъ.

На слѣдующій день онъ появился вмѣстѣ съ Бидди, увиваясь около нея съ воробьиной предупредительностью и съ любезнымъ чириканьемъ вводя ее въ дверь. Она то влетала, то вылетала, искоса посматривала внизъ на вѣтки, потомъ впрыгнула опять и появилась съ крохотной вѣточкой, которая была забыта внутри, уронила ее и съ видимымъ удовольствіемъ наблюдала, какъ она падала на землю. Послѣ многократныхъ хожденій туда и обратно они вмѣстѣ пустились въ путь и тотчасъ же вернулись, Бидди съ полнымъ клювомъ сѣна, а Рэнди съ соломинкой. И то и другое было, повидимому, удовлетворительно размѣщено внутри. Затѣмъ они опять отправились за сѣномъ, и, когда Бидди убѣдилась, что Рэнди понялъ, чего она хочетъ, она осталась въ домикѣ, чтобы укладывать сѣно, по мѣрѣ того какъ онъ приносилъ

Приключенія воробья.

его; иногда, когда онъ запаздывалъ, она сама летѣла за грузомъ. Поразительно было видѣть, какъ пробудившееся въ этомъ самонадѣянномъ музыкантѣ рыцарское чувство заставляло его подчиняться. Я подумалъ, что теперь представляется хорошій случай узнать ихъ вкусъ.

На ближнемъ балконѣ я положилъ въ рядъ тридцать небольшихъ лоскутковъ и тесемокъ. Пятнадцать изъ нихъ были заурядные лоскутки, восемь — пестрые, а семь — яркія шелковыя ленточки. Черезъ каждую полоску лежала темная тесемка. Бидди первая увидала выставку матеріала. Она слѣтѣла внизъ, посмотрѣла сверху, кругомъ, окинула все лѣвымъ глазомъ, потомъ правымъ и рѣшила оставить выставку въ покоѣ. Но Рэнди подпрыгнулъ ближе. Онъ былъ нѣсколько знакомъ и съ нитками. Онъ подскакивалъ то съ одной, то съ другой стороны, потащилъ было одну ниточку, отскочилъ, потомъ приблизился, клянулъ одну, другую, намѣтилъ тесемку и унесъ

Приключенія воробья.

ее. Въ слѣдующій разъ явилась Бидди, и они оба унесли по тесемкѣ. Имъ нравились только темныя, но, когда онѣ истощились, Бидди выбрала нѣкоторыя изъ болѣе яркихъ; но даже она не рѣшилась взять пестрыхъ ленточекъ, а Рэнди зорко слѣдилъ за тѣмъ, чтобы въ домикъ попалъ самый скромный и по цвѣту самый подходящий къ прутьямъ матерьялъ. Теперь гнѣздо наполовину было готово.

Какъ-то разъ Рэнди дерзнулъ было принести вѣтку, но черезъ минуту она уже летѣла къ прочимъ прутьямъ, а Бидди провожала ее торжествующимъ взглядомъ. Бѣдный Рэнди! Никакой снисходительности къ его слабостямъ — всѣ эти чудныя прутья пропали даромъ! У его матери было гнѣздо изъ прутьевъ, — и какое великолѣное гнѣздо, — но съ его вкусомъ не считались. Одна солома, а вмѣсто вѣтокъ болѣе нѣжный матерьялъ. Онъ покорился — свобода ежедневно давала ему уроки смиренія. До сихъ поръ онъ думалъ, что цырюльня—

Приключенія воробья.

цѣлый міръ, а онъ въ немъ главное дѣйствующее лицо. Но недавно эта увѣренность была поколеблена. Бидди нашла, что практическая сторона его воспитанія очень хромаетъ, и ей пришлось съ самаго начала знакомить его съ качествомъ каждаго новаго матеріала.

Когда гнѣздо было на три четверти окончено, Бидди, имѣвшая большую склонность къ комфорту, стала таскать большія, мягкія перья. Но тутъ Рэнди нашелъ, что дѣло заходитъ слишкомъ далеко, и надо же когда-нибудь положить конецъ. И онъ рѣшилъ воспрепятствовать дальнѣйшему собиранію перьевъ. Его колыбель не имѣла такой мягкой подстилки. Онъ уже приступилъ къ вытаскиванію ставшихъ ему поперекъ дороги перьевъ когда Бидди, возвращавшаяся съ новымъ запасомъ, во время успѣла увидеть летящій внизъ въ общую кучу прутьевъ первый транспортъ. Она тотчасъ же устремилась вслѣдъ за перьями, подхватила ихъ налету и по-

Приключенія воробья.

летѣла навстрѣчу своему повелителю, который показался въ дверцахъ съ новымъ грузомъ ненавистныхъ перьевъ. Тутъ они столкнулись, грозно смотря другъ на друга, чирикавая изо всѣхъ силъ, съ клювами, полными перьевъ, и съ бьющимися отъ негодованія сердцами.

Какъ-то всегда случается, что, когда дѣло идетъ о домашнемъ убранствѣ, мы сочувствуемъ женщинѣ! Я чувствовалъ, что Бидди права, и, въ концѣ концовъ, она поставила на своемъ. Сначала былъ бурный моментъ, когда масса перьевъ вносилась и выносилась обратно изъ домика и часть ихъ была развѣяна вѣтромъ по саду; потомъ наступило затишье, и на слѣдующій день всѣ перья были снова въ гнѣздѣ. Какъ они уладили недоразумѣнїе, навсегда останется тайной, но достовѣрно то, что Рэнди исполнилъ большую часть работы, и трудился безъ усталы, пока домикъ не былъ усланъ самыми большими и мягкими перьями. Все это время они были вмѣстѣ,

Бидди настояла на своємъ и водворила перья на мѣсто.

Приключенія воробья.

но однажды Бидди собралась и улетѣла и пробыла въ отсутствіи нѣкоторое время. Рэнди осмотрѣлся кругомъ, почирикалъ, посмотрѣлъ вверхъ, потомъ внизъ, и тамъ, на далекомъ разстояніи, увидалъ кучу прутьевъ, которые онъ съ такимъ трудомъ собиралъ. Дорогія его сердцу вѣточки, заставлявшія его мысленно переноситься въ раннюю пору дѣтства! Рэнди слетѣлъ внизъ. Вилкообразный славный прутикъ лежалъ на прежнемъ мѣстѣ. Испушеніе было непреодолимо. Рэнди поднялъ прутикъ и поспѣшилъ въ гнѣздо. Съ прутикомъ и въ этотъ разъ трудно было справиться—зубецъ задѣвалъ за дверцу; но Рэнди такъ часто это продѣлывалъ, что зналъ, какъ взяться. Употребивъ не болѣе полминуты, какъ мнѣ показалось, на приспособленіе прутика внутри, онъ вышелъ, молодецки осмотрѣлся кругомъ, почирилъ перья, встряхнулся, пропѣлъ нѣсколько разъ съ начала до конца свои канарейныя пѣсни и былъ безконечно счастливъ.

Когда Бидди вернулась съ новымъ за-

Приключенія воробья.

пасомъ перьевъ, онъ усердно помогаль ей уложить ихъ внутри, и гнѣздо было со-всѣмъ готово. Черезъ два дня я полѣзъ осмотрѣть гнѣздо и нашелъ яйцо. Воробьи видѣли, какъ я поднялся, но не стали летать надъ моей головой съ тревожнымъ чириканьемъ, какъ это дѣлаютъ другія птицы. Они отлетѣли на извѣстное разстоянiе и съ безпокойствомъ наблюдали изъ-за дымовыхъ трубъ.

На третiй день въ домикъ произошло волненiе, слышенъ былъ глухой шумъ ссоры и сердитое чириканье, и раза два изъ дверцы показывался хвостъ, какъ будто его обладатель старался выйти изъ гнѣзда задомъ напередъ. Потомъ словно что-то затеребили. Наконецъ, обладатель хвоста показался настолько, что можно было узнать Бидди; но, повидимому, ее опять втащили внутрь. Очевидно, разыгралась позорная семейная сцена. Я ничего не понималъ, пока, наконецъ, Бидди не вырвалась изъ дверцы, таща за собой любимую

Приключенія воробья.

вѣтку Рэнди, которую она съ пренебреженіемъ бросила на землю. Она откопала ее среди перьевъ, куда онъ ее спряталъ; вотъ причина ссоры. Но я не понимаю, какъ она могла ее вытащить, разъ Рэнди оказалъ серьезное сопротивленіе. Я скорѣй склоненъ думать, что онъ уступилъ, лишь бы возобновить согласіе. Во время ссоры и общей суматохи яичко—ихъ первенецъ—по несчастной случайности было увлечено изъ гнѣзда вмѣстѣ съ вѣткой, разбилося въ мелкіе кусочки фарфоровой бѣлизны и теперь лежало на землѣ. Но воробьи, повидимому, не очень печалились объ этомъ. Разъ яйцо исчезло изъ гнѣзда, оно для нихъ больше не существуетъ.

IV.

Послѣ этого происшествія парочка безмятежно провела нѣсколько дней. Появлялось яйцо за яйцомъ. Черезъ недѣлю ихъ было уже пять, и оба казались

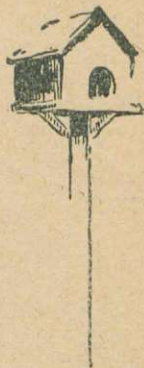
Приключенія воробья.

вполнѣ счастливы и довольны другъ другомъ. Рэнди своимъ пѣніемъ приводилъ въ восторгъ всѣхъ окружающихъ, а Бидди приносила еще больше перьевъ, какъ бы собираясь высидывать и защитить гнѣздышко отъ могущей налетѣть бури. Около этого времени мнѣ пришло въ голову продѣлать надъ парочкой маленькій опытъ. Улучивъ удобную минуту, поздно вечеромъ, я опустилъ въ уютное гнѣздышко небольшой деревянный шарикъ. Что послѣдовало непосредственно за этимъ, я не знаю, но на слѣдующій день, рано утромъ, я гулялъ по Пятому Проспекту недалеко отъ Двадцать Первой улицы. Было воскресенье. На улицѣ было очень тихо, но кружокъ, состоявшій приблизительно изъ двѣнадцати человекъ, внимательно разсматривалъ что-то происходившее въ водосточной канавкѣ. Подойдя поближе, я услышалъ тревожное чириканье и, проникнувъ въ кругъ, увидалъ двухъ воробьевъ, которые въ свирѣпой схваткѣ съ глухимъ щелета-

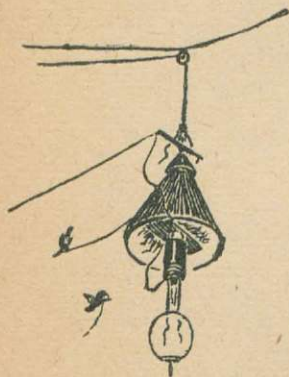
Приключенія воробья.

нiемъ не на шутку долбили и клевали другъ друга. Нѣкоторое время они вертѣлись, не обращая вниманiя на зрителей; но, когда они перестали драться и сѣли на хвосты, чтобы перевести духъ, я былъ возмущенъ, узнавъ въ нихъ Бидди и Рэнди. Послѣ второй схватки кто-то изъ близко стоявшихъ, вѣроятно, вознегодовалъ на такое нарушенiе воскреснаго покоя и отбросилъ ихъ ногой въ сторону. Тогда они стали продолжать ссору на сосѣдней крышѣ. Среди дня я нашелъ подъ гнѣздомъ не только непрошенный шарикъ, но также скорлупу пяти яицъ, которыя вмѣстѣ съ нимъ были выброшены за бортъ; я подозреваю, что присутствiе этого удивительнаго твердаго круглаго яйца и, очевидно, порожденнаго имъ подозрѣнiя и было причиною ссоры. Сумѣла ли Бидди дать себѣ въ этомъ отчетъ — я не знаю, но, повидимому, парочка рѣшила забыть прошлое и начать новую жизнь. Въ птичьемъ домицкѣ не было ни удачи, ни спокойствiя,

Приключенія воробья.

и они покинули его, не захвативъ даже перьевъ. На этотъ разъ Бидди, отличающаяся оригинальностью вкуса, сама выбрала мѣсто, оказавшееся не чѣмъ инымъ, какъ верхушкой электрическаго фонаря въ Мадисонъ-Сквэрѣ. Они работали всего недѣлю и, несмотря на сильный вѣтеръ, кончили гнѣздо. Непонятно, какъ птицы могли ночью спать подъ такимъ ослѣпительнымъ, мигающимъ свѣтомъ. Тѣмъ не менѣе Бидди казалась довольной, Рэнди научился скрывать собственное мнѣніе, и все бы шло очень хорошо, если бы еще до перваго яйца не выгорѣли угольки электрическаго фонаря, и человекъ, который ихъ мѣнялъ, не счелъ за благо безжалостно препроводить сооруженіе Бидди и Рэнди въ ящикъ съ мусоромъ. Для реполова или ласточки это было бы гибельнымъ ударомъ, но воробьиныя энергія и выносливость не имѣютъ границъ. Этотъ родъ гнѣзда доказалъ свою непригодность. Вѣроятно, матеріалъ не годился. Во всякомъ

Приключенія воробья.

случаѣ, требовалась радикальная перемѣна. Присвоивъ себѣ нѣсколько соломинокъ изъ гнѣзда отсутствующаго сосѣда, Бидди отнесла ихъ на высокій, вилкообразный сучокъ вяза въ паркѣ Мадисонъ-Сквэра, давая такимъ образомъ понять Рэнди, что она избрала мѣсто; а Рэнди, убѣдившись на опытѣ, что гораздо покойнѣе подчиниться сразу ея рѣшенію, чѣмъ противопоставлять ему свое мнѣніе, пропѣлъ канарейную трель на два голоса и началъ копать въ кучѣ мусора, выбирая лучший строительный матеріалъ, усиленно моргая и отворачиваясь, когда попадался соблазнительный прутикъ.

V.

На другой сторонѣ сквэра находилось гнѣздо двухъ очень нелюбимыхъ воробьевъ. Особенную антипатію заслужилъ самецъ. Это былъ крупный, красивый малый, съ огромнымъ чернымъ галстукомъ, но забіяка

Приключенія воробья.

съ головы до ногъ. Сила знаменуетъ право въ воробьиномъ мѣрѣ. Поводомъ къ ихъ ссорамъ являются пища, подруги, мѣста жительства и строительный матеріалъ для гнѣздъ — почти то же, что и у насъ. Эта нахальная птичка, благодаря своей силѣ, имѣла подругу по избранію и самое выгодное мѣсто для гнѣзда, куда и собирала, всѣмъ на зависть, отборнѣйшій матеріалъ во всемъ сквѣрѣ. Мои воробьи отказались отъ пестрыхъ лентъ, которыя я имъ предлагалъ. Они, конечно, не были настолько образованны, но, несомнѣнно, имѣли эстетическія наклонности. Нѣсколько перьевъ цесарокъ, первоначально добытыхъ въ звѣринцѣ Центрального парка, переходили воровскимъ путемъ изъ гнѣзда въ гнѣздо, пока, наконецъ, не попали въ роскошное сооруженіе, которымъ Черный Галстухъ и его супруга украсили одну изъ мраморныхъ капителей новаго банка. Забіяка безпрепятственно дѣлалъ въ паркѣ все, что ему нравилось, и однажды, услыхавъ пѣніе

Приключенія воробья.

Рэнди, подлетѣлъ къ нему. Рэнди былъ грозой канареекъ, но противъ забяки у него было мало шансовъ. Онъ сопротивлялся изо всѣхъ силъ, но былъ побѣжденъ и спасся бѣгствомъ. Упоенный своей побѣдой, забяка полетѣлъ къ новому гнѣзду Рэнди, и послѣ болѣе или менѣе пренебрежительнаго осмотра началъ вытаскивать тесемочки, которыя могли ему понадобиться дома. Рэнди уже понесъ поражение, но видъ грабежа возмутилъ храбраго трубадура, и онъ опять налетѣлъ на забяку. Съ вѣтокъ они свалились на землю. Вмѣшались другіе воробьи и, стыдно сказать, они съ Чернымъ Галстухомъ ополчились на чужого. Рэнди приходилось очень плохо, уже начали летѣть перья, когда вдругъ на нихъ нагрянула воробьиная самочка съ бѣлыми перышками на крыльяхъ: „чиррѣкъ, чиррѣкъ, уоллѣнъ, уоллѣнъ“— и она впорхнула въ самую средину. О, какъ она свирѣпствовала! Воробьи, которые участвовали въ борьбѣ ради забавы, теперь

Приключенія воробья.

отстранились; было не до смѣха, можно было наблюдать нешуточные удары клювомъ, и счастье измѣнило Черному Галстуху. Онъ скоро растерялся и полетѣлъ въ свой кварталъ въ сквѣрѣ, но Бидди вцѣпилась въ его хвостъ, какъ крошечный бульдогъ, и продолжала на немъ висѣть, пока не выдернула у него пера съ корнемъ, и потомъ имѣла удовольствіе обработать этотъ сырой матеріалъ, приспособивъ его въ гнѣздо вмѣстѣ съ отобраннымъ обратно. Едва ли возможно допустить, чтобы у воробьевъ существовали утонченныя понятія о справедливости и возмездіи, но что-то похожее на это, несомнѣнно, проскальзываетъ въ ихъ внутренней жизни. Черезъ два дня перья цесарокъ, такъ долго составлявшія гордость гнѣзда Чернаго Галстуха, украшали уже новое обиталище Бидди, и никто не бралъ на себя смѣлости оспаривать ея право на нихъ.

Пора была поздняя, перья стали попа-

Приключенія воробья.

даться рѣдко, и Бидди очень въ нихъ нуждалась для подстилки, качествомъ которой весьма дорожила. Но она вскорѣ нашла суррогатъ, который, кстати, вполне удовлетворилъ и ея любовь къ новизнѣ. Въ сквэрѣ была извозчичья стоянка, и потому кругомъ былъ разбросанъ конскій волосъ въ большемъ или меньшемъ количествѣ. Онъ, казалось, могъ служить хорошей и незаурядной подстилкой. Какая счастливая мысль! И со свойственной ей неусыпной энергіей парочка принялась за собираніе конскаго волоса, по одному или по два за разъ. Возможно, что они заимствовали эту мысль у мелкой породы воробьевъ въ одномъ изъ парковъ. Эти послѣдніе, такъ называемые «чиппи», всегда употребляютъ конскій волосъ; завивая его кружками и выстилая имъ гнѣздо, они получаютъ внутри прелестный упругій матрасикъ. Результатъ блестящій, но, прежде всего, нужно умѣнье, чтобы добиться успѣха. Не всѣ воробьи знаютъ, какъ обращаться

Приключенія воробья.

съ конскимъ волосомъ. Когда чиппи подбираетъ волосы, онъ беретъ за разъ всего одинъ, держа его въ клювѣ непременно за кончикъ, такъ какъ кажущійся безобиднымъ конскій волосъ представляетъ иногда серьезную опасность. Обыкновенные воробьи понятія не имѣютъ о томъ, какъ съ нимъ нужно обращаться, и поступаютъ съ нимъ, какъ съ соломинкой. Бидди брала волосъ за середину и, убѣдившись, что онъ слишкомъ длиненъ, перехватывала въ другомъ мѣстѣ, нѣсколькими вершками дальше. Чаще всего, благодаря этому, получалась большая петля надъ ея головой или передъ самымъ клювомъ. Этотъ способъ передвиженія она находила очень удобнымъ, и вначалѣ, дѣйствительно, все шло благополучно, хотя чиппи, вѣроятно, содрогнулся бы при одной мысли о страшной петлѣ. Бидди уже заканчивала внутреннюю отдѣлку гнѣзда. На своемъ языкѣ она дала Рэнди понять, что не нуждается больше въ волосѣ, и, принявъ

Приключенія воробья.

гордый видъ, суетилась, спѣша приспособить послѣдній волосъ; онъ былъ занятъ распѣваніемъ своихъ любимыхъ трелей на разные лады, какъ вдругъ испуганное чириканье Бидди коснулось его слуха. Онъ взглянулъ по направленію ихъ новаго обиталища и увидалъ Бидди, барахтавшуюся безъ всякой видимой причины и все же не могущую выкарабкаться изъ гнѣзда. Она таки попала головой въ одну изъ сдѣланныхъ ею самой предательскихъ волосяныхъ петель и по несчастной случайности такъ ее на себѣ затянула и закрутила, что оказалась въ плѣну. Чѣмъ больше она билась и старалась выпутаться, тѣмъ больше затягивала петлю. Теперь только Рэнди понималъ, какъ глубоко онъ былъ привязанъ къ своей маленькой своевольной, задорной подругѣ. Онъ пришелъ въ сильное возбужденіе и порхалъ кругомъ, тревожно чирикавая. Онъ пытался освободить подругу, дергая ее за лапку, но это только ухудшало положеніе. Всѣ ихъ усилія ни къ чему не

Приключенія воробья.

привели. Разныя ниточки прилипали къ волосу и вмѣстѣ съ другимъ волосами въ гнѣздѣ, казалось, примыкали къ заговору и, переплетаясь, опутывали ее все плотнѣе, пока, наконецъ, собравшаяся внизу въ паркѣ группа дѣтей съ удивленными личиками не устремила свои взоры на безпомощно повисшій, покрытый перьями, взъерошенный, безмолвный и недвижный комокъ — все, что осталось отъ суетливой, неутомной, энергичной Бидди.

Бѣдный Рэнди былъ глубоко потрясенъ. Сосѣдніе воробьи прилетѣли на призывный крикъ отчаянія и присоединили къ нему свои голоса, но были не въ силахъ спасти жертву. Они опять занялись личными спорами и тревогами, а Рэнди прыгалъ кругомъ съ тоскливымъ чирижаньемъ или грустно сидѣлъ съ опущенными крыльями. Долго онъ не могъ понять, что она умерла, и весь этотъ день пытался чѣмъ-нибудь ее заинтересовать и заставить принять участіе въ обыденной жизни. Ночью

Приключенія воробья.

онъ сидѣлъ на одномъ изъ деревьевъ, а съ разсвѣтомъ уже суетился, пѣлъ и шибеталь около гнѣзда, изъ котораго на роковомъ волосѣ свѣсилась окоченѣлая и безмолвная Бидди.

VI.

Рэнди никогда не былъ расторопнымъ воробьемъ. Его воспитаніе среди канареекъ не дало ему развитія въ этомъ направленіи. Онъ былъ очень смѣлъ и неосмотрителенъ насчетъ экипажей и дѣтей. Эта особенность въ немъ еще усилилась, благодаря новой заботѣ. Однажды, когда онъ на Мадисонскомъ Проспектѣ довольно лѣниво промышлялъ себѣ кормъ, на него незамѣтно наѣхалъ мальчикъ съ тачкою, и, прежде чѣмъ Рэнди могъ замѣтить неминуемую опасность, колесо придавило ему хвостъ. Въ то время, какъ онъ старался вырваться, хотя бы цѣной хвоста, его правое крыло попало подъ заднее колесо, и

Приключенія воробья.

онъ былъ окончательно искалѣченъ. Мальчижъ поѣхалъ дальше, а Рэнди удалось кое-какъ, прыгая и ковыляя, добраться подъ защиту деревьевъ. Маленькая дѣвочка съ помощью собачки поймала калѣку послѣ усерднаго преслѣдованія подъ скамейками. Она взяла его съ собой въ домъ и, побуждаемая неумѣстной, по мнѣнiю ея братьевъ, нѣжностью, посадила его въ клѣтку и стала за нимъ ходить. Когда онъ началъ поправляться, то въ одинъ прекрасный день удивилъ всѣхъ своимъ канарейнымъ пѣнiемъ.

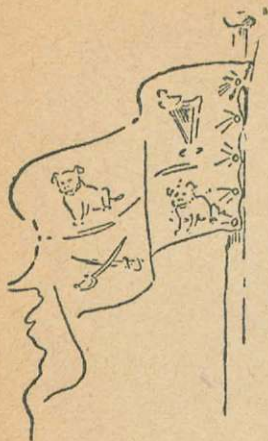
Оно произвело во всемъ домѣ переполохъ. О немъ прозналъ газетный репортеръ. Послѣдовала неизбѣжная замѣтка въ газетѣ, попавшая на глаза цирюльнику, на Шестомъ Проспектѣ. Онъ съ многочисленными свидѣтелями явился предъявлять права на свою птицу, и требованiе его пришлось удовлетворить.

Итакъ, Рэнди вторично попадаетъ въ клѣтку и дѣлается центральной фигурой

Приключенія воробья.

особаго мірка. За нимъ тщательно наблюдаютъ, хорошо кормятъ, и онъ чувствуетъ себя далеко не плохо. Въ сущности, онъ никогда не былъ вполнѣ дикой птицей. Благодаря случаю, онъ получилъ свободу. Случай свелъ его съ Бидди. Ихъ короткая совмѣстная жизнь была цѣпью бурь и неудачъ. Случай похитилъ ее у него, случай вернулъ его въ клѣтку. Настоящая жизнь, сравнительно спокойная и бѣдная событиями, даетъ ему возможность развить свои музыкальныя способности, потому что онъ живетъ въ настоящей консерваторіи, подъ рукой находятся его прежніе опекуны и пріемные родители.

Предоставленный самому себѣ, онъ иногда для развлечения начинаетъ вить гнѣздо изъ жесткихъ прутьевъ, но тотчасъ же отходитъ въ сторону и принимаетъ виноватый видъ, какъ только кто-нибудь подходитъ близко. Если ему дадутъ нѣсколько перьевъ, онъ тотчасъ же приспособляетъ ихъ къ гнѣзду, но на слѣдующій день они

Приключенія воробья.

неизмѣнно оказываются лежащими внизу, на полу. Подобныя настойчивыя попытки свить гнѣздо были приняты за желаніе имѣть подругу, и таковая, по общему уговору, была ему доставлена, но результатъ получился плачевный. Понадобилось немедленное вмѣшательство, чтобы предупредить кровопролитіе и выручить злополучную невѣсту.

Такимъ образомъ, дальнѣйшія попытки пришлось оставить. Очевидно, Трубадуръ не признавалъ другой дамы сердца. Его пѣсни носили по большей части воинственный характеръ, такъ какъ цирюльникъ сдѣлалъ открытіе, что, если желательно придать пѣнію Рэнди наибольшую выразительность, стоитъ только позволить ему растрепать не чучело канарейки, какъ прежде, а чучело воробья.

Въ этихъ случаяхъ, въ особенности, если чучело имѣло на груди ясно обозначенное большое черное пятно, Рэнди проявлялъ энтузіазмъ, граничившій съ вдохновеніемъ.

Приключенія воробья.

Но все это шутки. Его лучшія дарованія посвящены музыкѣ. И, если вы случайно попадете именно въ эту цирюльню, то можете увидеть энергичнаго узника, забывшаго заботы, радости и печали дѣятельной жизни, чтобы безпрепятственно отдаваться музыкѣ, подобно монаху, испытавшему мірскую суету и бѣжавшему отъ нея въ глубину своей кельи, чтобы остатокъ дней посвятить чисто духовнымъ наслажденіямъ.

МЕДВЪЖОНОКЪ

ДЖОННИ.

Медвѣжонокъ Джонни.

I.

Джонни былъ уморительный медвѣжонокъ, жившій со своей матерью Грѣмпи въ Йеллостонскомъ паркѣ. Они были изъ числа тѣхъ медвѣдей, которые нашли желанный пріютъ въ мѣстности, окружающей Фаунтейнъ-Отель. Управляющій отелемъ отдалъ приказаніе, чтобы всѣ кухонные отбросы сваливались на открытую просѣку въ сосѣднемъ лѣсу, доставляя такимъ образомъ въ продолженіе всего сезона ежедневное угощеніе медвѣдямъ, количество которыхъ ежегодно увеличивается съ тѣхъ поръ, какъ законъ страны превратилъ паркъ въ надежное пристанище, гдѣ дикимъ животнымъ не можетъ быть нане-

Медвѣжонокъ Джонни.

сено вреда. Они повѣрили въ людское миролюбіе, и многіе изъ нихъ стали такъ извѣстны обитателямъ отеля, что получили даже клички, соотвѣтствующія ихъ внѣшности или привычкамъ. Слимъ-Джимъ былъ длинноногій черный медвѣдь; Снэфори былъ черный медвѣдь, который казался опаленнымъ; Фэтти былъ черный, жирный, лѣнивый медвѣдь, который вѣчно лежалъ и что-нибудь ѣлъ. Тунисъ—назывались два взѣрошенныхъ подростка, которые всегда приходили и уходили вмѣстѣ. Но наибольшей популярностью пользовались Грѣмпи и маленькій Джонни.

Грѣмпи была самая крупная и свирѣпая изъ всѣхъ медвѣдицъ, а Джонни, повидимому, ея единственный сынъ, ужасно неслосный медвѣжонокъ, который ворчалъ либо визжалъ непрерывно. Это, вѣроятно, означало, что онъ нездоровъ, потому что не будетъ же здоровый медвѣжонокъ постоянно ворчать безъ причины, такъ же какъ и здоровый ребенокъ. Дѣйствитель-

Медвѣжонокъ Джонни.

но, Джонни имѣлъ болѣзненный видъ; онъ былъ самымъ плохимъ экземпляромъ во всемъ паркѣ. Вся его наружность свидѣтельствовала о плохомъ пищевареніи; мнѣ это стало вполне ясно, когда я увидалъ ужасающую смѣсь, которую онъ ѣлъ въ кучѣ отбросовъ. Онъ пробовалъ все, что ему только попадало на глаза. А мать позволяла ему дѣлать все, что ему хотѣлось, такъ что главнымъ образомъ виновата была она. Она могла не допускать такихъ вещей.

У Джонни были только три здоровыхъ лапы, шкура полинялая и шелудивая, ноги тонкія, а уши и животъ непомерно большіе. Но мать въ немъ души не чаяла. Будучи увѣрена, что онъ красавецъ и чуть не принцъ среди медвѣдей, она, естественно, избаловала его. Она всегда готова была изъ-за него перенести все, а онъ съ наслажденіемъ этимъ пользовался. вмѣстѣ съ тѣмъ, этотъ злосчастный бездѣльникъ былъ далеко не глупъ, всегда зналъ, чего хотѣлъ

Медвѣжонокъ Джонни.

и какъ добиться желаемого, если приста-
ваніе къ матери могло привести къ цѣли.

II.

Я познакомился съ ними лѣтомъ 1897 г. Находясь въ паркѣ для изученія жизни и нравовъ животныхъ, я узналъ, что въ лѣсахъ, окружающихъ Фаунтейнъ - ОТЕЛЬ, могу во всякое время видѣть медвѣдей, чему я, разумѣется, съ трудомъ повѣрилъ. Но, выйдя изъ задней двери черезъ пять минутъ послѣ пріѣзда, я столкнулся лицомъ къ лицу съ большой черной медвѣдицей и ея двумя медвѣжатами. Я остановился въ изумленіи. Медвѣди также остановились и, присѣвъ, начали меня разсматривать. Затѣмъ медвѣдица издала короткій, странный звукъ «коффъ, коффъ» и посмотрѣла на ближайшую сосну. Медвѣжата, повидимому, поняли, потому что бросились бѣжать къ дереву и влѣзли на него, какъ двѣ обезьянки; сидя на поря-

Медвѣжонокъ Джонни.

дочной высотѣ, они казались маленькими мальчиками, обхватившими дерево руками и болтающими въ воздухѣ черными ножками въ ожиданіи того, когда все кончится внизу.

Медвѣдица, все стоя на заднихъ лапахъ, медленно пошла на меня, и мнѣ стало очень не по себѣ, такъ какъ она теперь достигала шести футовъ вышины и, повидимому, не имѣла понятія о магическомъ дѣйствіи человѣческаго взгляда.

У меня даже не было съ собой палки для защиты, а когда она издала глухое ворчанье, я уже собрался ретироваться въ отель, невзирая на то, что былъ предупреденъ, что медвѣди на нарушаютъ перемирія съ людьми. Впрочемъ, какъ разъ на поворотѣ, медвѣдица остановилась, продолжая хладнокровно на меня смотрѣть. Она задумалась на минуту, но, очевидно, рѣшила, что, «если этотъ человѣкъ и не опасенъ, все-таки не слѣдуетъ рисковать дѣтьми».

Медвѣжонокъ Джонни.

Она подняла глаза вверхъ на своихъ двухъ подававшихъ большія надежды медвѣжатъ и издала особый визгливый звукъ «эр-р-р-эр-р», по которому они, какъ только раздалась команда, какъ послушныя дѣти, прыгнули съ дерева. Въ нихъ не было ничего неуклюжаго или «медвѣжьяго» въ общепринятомъ смыслѣ слова; они съ большою ловкостью перепрыгивали съ вѣтки на вѣтку, пока не спустились на землю и всѣ вмѣстѣ не скрылись въ лѣсу. Мнѣ очень понравилось такое послушаніе медвѣжатъ. Какъ только мать имъ приказывала, они повиновались безпрекословно. Но я тутъ же сообразилъ, что для этого должна была существовать вѣская причина, ибо, не сдѣлай они, какъ имъ приказано, они получили бы здоровую трепку, отъ которой пришлось бы взвыть.

Я былъ страшно доволенъ, что мнѣ удалось такъ удачно заглянуть въ семейную жизнь медвѣдей. Для одного этого стоило прѣхать, даже если ознакомленіе только

Медвѣжонокъ Джонни.

этимъ и ограничилось бы. Но мои друзья въ отелѣ сказали мнѣ, что это наилучшее мѣсто для наблюденія за медвѣдями и что мнѣ слѣдуетъ отправиться на мѣсто свалки отбросовъ, находившееся на четверть мили дальше, въ лѣсу. Тамъ я ихъ увижу столько, сколько душѣ угодно. (Вотъ шутники!)

Рано утромъ на слѣдующій день я отправился подъ сосны въ столовую медвѣдей и спрятался въ ближайшихъ кустахъ.

Спустя короткое время, большой черный медвѣдь тихо выступилъ изъ лѣса, подошелъ къ кучѣ и сталъ выбирать себѣ пищу. Онъ былъ непокоенъ, сажился, озирался кругомъ при малѣйшемъ шорохѣ и отбѣгалъ на нѣсколько ярдовъ, услыша пустячный шумъ. Наконецъ, онъ наострилъ уши и ускакалъ въ сосновый лѣсъ при появленіи другого черного медвѣдя. Этотъ держалъ себя такъ же робко, какъ первый, и бросился бѣжать, когда я раздвинулъ кусты, чтобы лучше видѣть. Сначала я самъ нервничалъ, такъ какъ запре-

Медвѣжонокъ Джонни.

щено носить оружіе въ паркѣ; но боязливость медвѣдей меня успокоила, и съ этой минуты я все забылъ, заинтересовавшись жизнью и правами этихъ огромныхъ косматыхъ тварей.

Вскорѣ я убѣдился, что видѣть ихъ такъ близко, какъ мнѣ хотѣлось, изъ того куста, который находился въ разстояніи семидесяти пяти ярдовъ отъ свалки, мнѣ будетъ невозможно. А ближе кустовъ не было. Оставалось одно средство, которымъ я и воспользовался; а именно, я отправился къ самой свалкѣ, выкопалъ яму достаточной величины, чтобы въ нее можно было спрятаться, и оставался тамъ весь день среди капустныхъ кочерыжекъ, картофельной кожуры, банокъ изъ подъ томатовъ и всякой дряни, возвышавшейся кругомъ меня пахучими грудями. Мое мѣсто-пребываніе не отличалось привлекательностью, хотя мухи, повидимому, были о немъ другого мнѣнія. Дѣйствительно, оно было такъ неблагоуханно, что, когда я вечеромъ

Медвѣжонокъ Джонни.

вернулся въ отель, отъ меня потребовали, чтобы я переодѣлся въ лѣсу. Это было трудное испытаніе, но зато могу сказать, что я медвѣдей видѣлъ въ тотъ день вволю. Если считать каждаго подходившаго медвѣдя, ихъ было, по-моему, болѣе сорока, но такой счетъ былъ бы невѣренъ, такъ какъ одни и тѣ же уходили и приходили опять. Но я все-таки увѣренъ, что ихъ было по крайней мѣрѣ тринадцать, потому что я видѣлъ одновременно такое количество.

Цѣлый день я не выпускалъ изъ рукъ альбома и записной книжки. Каждый медвѣдь былъ основательно зарегистрированъ; этимъ способомъ мнѣ удалось сдѣлать тщательныя наблюденія надъ ихъ привычками и личными особенностями.

Многіе ненаблюдательные люди думаютъ и утверждаютъ, что всѣ негры, китайцы, такъ же какъ и всѣ животныя одной породы, выглядятъ одинаково. Но несомнѣнно, что какъ одинъ человѣкъ отличается отъ другого, такъ и всякое животное от-

Медвѣжонокъ Джонни.

личается отъ ему подобнаго; иначе какъ бы взрослые животныя узнавали своихъ подругъ, а дѣти матерей, а вѣдь въ дѣйствительности это такъ. Эти наслаждавшіеся ѣдой медвѣди служили тому блестящимъ примѣромъ, такъ какъ каждый имѣлъ свои индивидуальныя особенности; не было двухъ медвѣдей, похожихъ по наружности или характеру.

Вотъ еще интересный фактъ: въ лѣсу, на разстояніи ста ярдовъ, я могъ слышать, какъ долбить по дереву зеленый дятель, какъ чирикаетъ Чикэди, какъ щебечетъ сойка, даже какъ скачетъ по устланному листьями лѣсному паркету бѣлка, но я никогда не слышалъ, какъ ступаютъ эти медвѣди. Ихъ огромныя лапы на мягкой подошвѣ всегда попадали въ надлежащее мѣсто, чтобы не сломать вѣтки, не пошевелить листа,—въ такомъ совершенствѣ они изучили искусство беззвучно пробираться по лѣсамъ.

III.

Цѣлое утро медвѣди приходили, уходили или бродили кругомъ моей засады, не подозрѣвая о моемъ присутствіи; за исключеніемъ двухъ-трехъ незначительныхъ ссоръ, не произошло ничего интереснаго. Но къ тремъ часамъ пополудни стало оживленнѣе.

Теперь надъ кучей трудились четыре большихъ черныхъ медвѣдя. Центральное мѣсто занималъ Фетти, прежде чѣмъ приняться за ѣду распростершійся во всю длину, являя такимъ образомъ картину спокойнаго медвѣжьяго довольства. Чтобы имѣть возможность ѣсть, не двигаясь, онъ по временамъ, пыхтя, высовывалъ свой языкъ, какъ длинную красную змѣю, все дальше и дальше, желая поймать лакомый кусочекъ, котораго не могъ достать лапой.

Позади него Слимъ-Джимъ изучалъ ана-

Медвѣжонокъ Джонни.

томію омара со всѣмъ къ ней относящимся; этотъ предметъ нѣсколько превосходилъ его пониманіе; но правило «гдѣ силой взять нельзя, тамъ надобно ухваткой» было достаточно извѣстно въ странѣ медвѣдей и помогло ему выйти изъ затрудненія.

Два другихъ съ изумительной быстротой опоражнивали жестянки изъ-подъ фруктовъ. Цѣпкая лапа придерживала жестянку, въ то время какъ длинный языкъ совывался и вынимался изъ узкаго отверстія, минуя острые края, но захватывая дочиста послѣднюю сладкую каплю.

Эта идиллическая сценка продолжалась довольно долго, такъ что я успѣлъ ее набросать, хотя она была внезапно прервана.

Мое вниманіе было привлечено движеніемъ на холмѣ, откуда пришли всѣ медвѣди и гдѣ показалась большая черная медвѣдица съ худымъ медвѣжонкомъ. Это была Грѣмпи съ маленькимъ Джонни.

Старая медвѣдица кралась вдоль холма къ мѣсту пиршества, а Джонни, все время

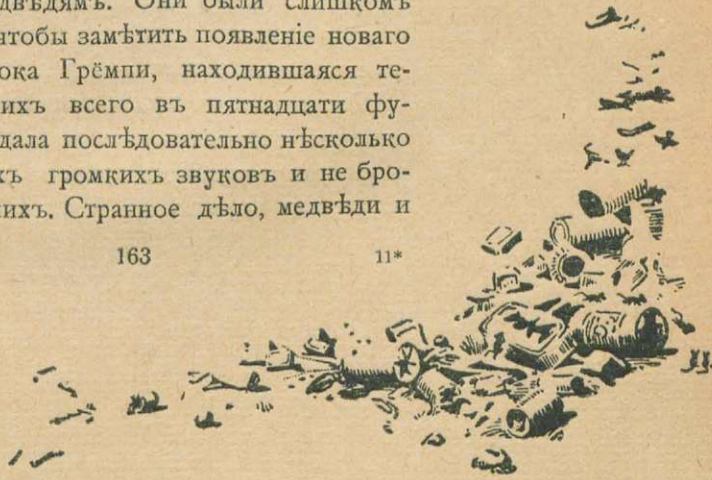
Медвѣжонокъ Джонни.

ворча, ковыляя за ней. Мать наблюдала за нимъ такъ же заботливо, какъ курица за своимъ единственнымъ цыпленкомъ.

Въ тридцати ярдахъ отъ свалки она обернулась къ сыну и сказала что-то, что, судя по произведенному впечатлѣнію, должно было означать: «Джонни, дитя мое, я думаю, тебѣ лучше подождать здѣсь, пока я прогону этихъ молодцовъ».

Джонни послушался; но ему хотѣлось все видѣть, и онъ сѣлъ на заднія лапы, глядя во всѣ глаза и держа ушки на макушкѣ.

Грѣмпи подходила съ достоинствомъ, большими шагами, издавая предостерегающее ворчаніе по мѣрѣ приближенія къ четьремъ медвѣдямъ. Они были слишкомъ увлечены, чтобы замѣтить появленіе новаго собрата, пока Грѣмпи, находившаяся теперь отъ нихъ всего въ пятнадцати футахъ, не издала послѣдовательно нѣсколько кашляющихъ громкихъ звуковъ и не бросилась на нихъ. Странное дѣло, медвѣди и

Медвѣжонокъ Джонни.

не подумали оказать сопротивленія, а какъ только узнали ее, рассыпались по лѣсу.

Слимъ - Джимъ могъ рассчитывать на свою прыть, два другіе тоже не на много отъ него отстали; зато бѣдный Фэтти, тяжело пытая и переваливаясь, какъ всѣ тучныя животныя, двигался довольно медленно и, къ несчастію для него, въ сторону Джонни, такъ что Грѣмпи, въ нѣсколько прыжковъ очутившись подлѣ него, закатила ему въ спину двѣ здоровыхъ затрещины, отъ которыхъ онъ, не прибавляя шага, завылъ и перемѣнилъ направленіе. Грѣмпи, оставшись въ одиночествѣ и безпрепятственномъ обладаніи яствами, обернулась къ сыну и издала визжащій «эр-р-р!.. эр-р-р!.. эр-р-р-р!» Джонни радостно отвѣтилъ и приковылялъ какъ только могъ скорѣе на своихъ трехъ здоровыхъ лапахъ.

Когда онъ очутился рядомъ съ матерью на кучѣ отбросовъ, началось такое пріятное препровожденіе времени, что Джонни пересталъ ворчать.

Медвѣжонокъ Джонни.

Онъ, очевидно, уже раньше бывалъ здѣсь, такъ какъ прекрасно зналъ складное мѣсто лакомствъ въ банкахъ. Можно было даже предположить, что онъ изучалъ клейма, потому что жестянки изъ-подъ омаровъ не привлекали его вниманія, пока онъ могъ находить жестянки изъ-подъ варенья. Нѣкоторыя жестянки причиняли ему много хлопотъ, такъ какъ онъ былъ слишкомъ жаденъ и неуклюжъ, чтобы не оцарапаться объ острые края. У одной соблазнительной банки было такое большое отверстіе, что въ нее помѣстилась вся его голова, и онъ блаженствовалъ нѣсколько минутъ, вылизывая глубочайшіе уголки. Но, когда онъ попробовалъ вытащить голову, начались напасти; бѣдняга попался. Онъ никакъ не могъ вырваться, царапался и кричалъ, какъ любой избалованный ребенокъ, доставляя своей матери, не знавшей, какъ ему помочь, большое безпокойство.

Когда же, наконецъ, онъ высвободилъ голову, то взялъ свое, начавъ изо всѣхъ

Медвѣжонокъ Джонни.

силъ колотить лапами по жестянкѣ, пока совсѣмъ ее не расплющилъ.

Большая банка изъ-подъ сиропа надолго составила его счастье. Она была съ крышечкой, оттого имѣла круглое и гладкое отверстие; но оно не было достаточно широко, чтобъ пропустить голову, и онъ не могъ достать содержимаго языкомъ, даже вытянутымъ во всю длину. Онъ тотчасъ же додумался до другого способа. Всунувъ туда свою маленькую черную лапу, онъ ею дѣлалъ внутри вращательныя движенія, потомъ вынималъ и облизывалъ дочиста; и, пока онъ облизывалъ одну, другая была наготовѣ; онъ продѣлывалъ эту операцію нѣсколько разъ, пока банка внутри не сдѣлалась такъ же чиста, какъ только что выпущенная съ завода.

Сломанная мышеловка озадачила его. Онъ взялъ ее въ переднія лапы, значительное искривленіе которыхъ соотвѣтствовало кривизнѣ заднихъ, и твердо зажалъ, собираясь поближе съ ней познакомиться.

Медвѣжонокъ Джонни.

Запахъ сыра былъ, несомнѣнно, заманчивъ, но незнакомый предметъ издалъ такой странный звукъ, когда онъ по немъ ударилъ, что Джонни едва удержался, чтобы не закричать о помощи, выказавъ, такимъ образомъ, непривычное самообладаніе.

Осмотрѣвъ ее съ самымъ серьезнымъ видомъ, кладя голову то на одинъ, то на другой бокъ, сложивъ губы въ трубочку, онъ въ наказаніе подвергъ ее судьбѣ строптивой фруктовой жестянки и былъ вознагражденъ находкой вкуснаго кусочка сыра въ самой серединѣ мышеловки.

Джонни, вѣроятно, никогда не приходилось слышать объ отравленіи птомаиномъ, такъ какъ онъ ничѣмъ не брезговалъ.

Послѣ того какъ истожились варенье и фруктовые запасы, онъ обратилъ вниманіе на жестянки изъ-подъ омаровъ и сардинокъ, его не устроили даже мясные консервы для арміи. Его животъ раздулся въ шаръ, а лапы отъ долгаго лизанія стали

Медвѣжонокъ Джонни.

тонкими и блестящими, какъ будто на нихъ надѣли черныя шелковыя перчатки.

V.

Мнѣ пришло въ голову, что я нахожусь въ опасномъ мѣстѣ, такъ какъ неожиданно встрѣтить медвѣдя, не несущаго семейныхъ тяготъ, одно, а потревожить сердитую медвѣдицу, испугавъ ея дѣтеныша—другое.

«Предположимъ,—думалъ я,—что этому сорванцу Джонни придетъ фантазія прогуляться на другой конецъ свалки и взглянуть ко мнѣ въ яму; онъ тотчасъ же, безъ сомнѣнія, подниметъ вой, и его мать, увѣренная въ томъ, что я хочу нанести вредъ ея сыну, и не давъ мнѣ возможности разъяснить дѣло, можетъ легко преступить царящій въ паркѣ законъ, и дѣло приметъ тогда весьма непріятный для меня оборотъ».

Къ счастью, всѣ жестянки изъ-подъ ва-

Медвѣжонокъ Джонни.

ренья были на томъ концѣ. Джонни имѣлъ тяготѣніе къ нимъ, а Грѣмпи къ нему.

Наконецъ, онъ намѣтилъ, что у его матери самая лучшая жестянка изъ всѣхъ тѣхъ, которыя ему удалось найти; и въ то время, какъ онъ съ визгомъ кинулся къ ней, чтобы отнять ее у нея, онъ случайно взглянулъ въ сторону холма. Тамъ онъ увидалъ что-то такое, что заставило его присѣсть и испустить своеобразный, жалобный: «коффъ, коффъ, коффъ, коффъ».

Мать быстро обернулась и сѣла на заднія лапы, чтобъ узнать, что могло привлечь вниманіе ея дѣтеныша. Я посмотрѣлъ въ направленіи ихъ пристального взгляда и тамъ — о, ужасъ! я увидѣлъ огромнаго сѣраго медвѣдя. Это было чудовище; онъ былъ похожъ на одѣтый въ мѣхъ омнибусъ, двигавшійся среди деревьевъ.

Джонни тотчасъ же завылъ и спрятался за мать. Она испустила глухое рычанье, и вся шерсть стала на ея спинѣ дыбомъ. Мои волосы тоже — но я старался не шевелиться.

Медвѣжонокъ Джонни.

Сѣрый медвѣдь приближался величавой поступью. Его широкія, спускавшіяся къ бокамъ плечи и серебристая одежда, переливающаяся при каждомъ движеніи, какъ роскошный покровъ на слонѣ, производили впечатлѣніе устрашающей мощи. Джонни началъ выть громче; я не послѣдовалъ его примѣру, но отъ души ему въ эту минуту сочувствовалъ. Послѣ недолгаго колебанія, Грёмпи обратилась къ своему неугомонному медвѣжонку и пробормотала что-то, въ моихъ ушахъ прозвучавшее какъ троекратное, отрывистое — «коффъ, коффъ, коффъ», но въ дѣйствительности означавшее: «Дитя мое, тебѣ безопаснѣе влѣзть на это дерево, пока я пойду и прогоню эту скотину».

Во всякомъ случаѣ это было то, что Джонни и она исполнили. Но Джонни и на умъ никогда не приходило пропустить интересное зрѣлище. Ему непремѣнно надо было видѣть, что произойдетъ. Поэтому онъ не удовольствовался тѣмъ, что хорошо

Медвѣжонокъ Джонни.

спрятался въ чащѣ сосновыхъ вѣтвей, а, стараясь совмѣстить безопасность съ возможностью видѣть, взобрался на самую высокую вѣтку, которая только могла его выдержать, и тамъ, рѣзко выдѣляясь на фонѣ неба, въ сильномъ возбужденіи барахтался и кричалъ изо всей мочи. Вѣтка была такъ тонка, что гнулась подъ его тяжестью, качаясь изъ стороны въ сторону по мѣрѣ того, какъ онъ ее наклонялъ; и я каждую минуту дрожалъ, чтобы она не оборвалась. Если бы она оторвалась въ мою сторону, Джонни неминуемо свалился бы на меня, что повлекло бы за собой возникновеніе вражды между мной и его матерью; но верхушка оказалась прочнѣе, чѣмъ можно было предполагать, или же Джонни обладалъ необыкновенной сноровкой — только онъ не выпустилъ ее изъ лапъ, и она не сломалась.

Между тѣмъ Грѣмпи выступила навстрѣчу сѣрому медвѣдю. Она поднялась какъ можно выше на заднія лапы и ошети-

Медвѣжонокъ Джонни.

лась; рыча и стуча зубами, она пошла на него.

Насколько я могъ судить, сѣрый медвѣдь (грizzли) ея не замѣтилъ. Онъ подходилъ къ ѣдѣ, предполагая, что онъ въ одиночествѣ. Но, когда Грѣмпи приблизилась къ нему на разстояніи двадцати футовъ, она издала рядъ короткихъ, кашляющихъ рычаній и, напавъ на него, сильнохватила его по уху. Сѣрый медвѣдь былъ пораженъ неожиданностью, но тотчасъ же ударомъ лѣвой лапы легко отбросилъ ее, какъ будто это былъ мѣшокъ съ сѣномъ.

Нисколько не испугавшись, но еще болѣе разъяренная, она вскочила и кинулась на него.

Тутъ они сцепились, начали кататься, сражаясь, не жалѣя ударовъ, съ рычаньемъ и фырканьемъ, въ свалкѣ все время обдавая другъ друга пылью. Но сквозь весь этотъ шумъ я ясно различалъ голосъ Джонни, который визжалъ изо всѣхъ силъ, подбодряя свою мать и поощряя ее какъ

Медвѣжонокъ Джонни.

можно скорѣе покончить съ сѣрымъ медвѣдемъ.

Не могу понять, отчего сѣрый медвѣдь не перешибъ ее пополамъ. Послѣ борьбы, продолжавшейся нѣсколько минутъ, въ теченіе которыхъ я могъ видѣть только поднятую пыль и во мглѣ сверкающія лапы, они вдругъ разошлись, какъ бы по обоюдному соглашенію,—можетъ быть, прошло установленное время,—и съ минуту стояли, глядя другъ на друга, Грѣмпи еще совсѣмъ бодря.

Сѣрый медвѣдь готовъ былъ на этомъ кончить. Онъ былъ не охотникъ до борьбы. Ему и въ голову не приходило заняться Джонни. Желалъ онъ только одного—спокойно поѣсть. Но не тутъ-то было! Въ тотъ же мигъ, какъ онъ сдѣлалъ шагъ къ грудѣ отбросовъ, т.-е., какъ она думала, къ Джонни, она опять на него бросилась. Но на этотъ разъ онъ приготовился дать ей отпоръ. Однимъ ударомъ онъ сбиль ее съ ногъ и свирѣпо отшвыр-

Медвѣжонокъ Джонни.

нулъ на большой вывороченный сосновый корень.

Теперь она была сражена не на шутку. Сила удара и суровое прикосновение корневыхъ отростковъ, казалось, лишили ее способности къ дальнѣйшей борьбѣ. Она съ трудомъ поднялась и пыталась увильнуть, но сѣрый медвѣдь разсвирѣпѣлъ. Онъ хотѣлъ ей отомстить и пустился кругомъ корня. Нѣсколько минутъ шла усердная гонка; Грѣмпи, будучи легче на подъемъ, всегда ухитрялась оставлять корень между собой и противникомъ, а Джонни, въ безопасности сидя на деревѣ, продолжалъ принимать въ происходившемъ самое напряженное и шумное участіе.

Наконецъ, видя, что ему не поймать ее такимъ способомъ, сѣрый медвѣдь сѣлъ на ляжки; въ то время, какъ онъ раздумывалъ о новомъ натискѣ, она не дремала и, вдругъ отскочивъ отъ корня, взобралась на дерево, гдѣ сидѣлъ Джонни.

Джонни спустился навстрѣчу ей, мо-

Медвѣжонокъ Джонни.

жетъ быть, изъ страха, чтобы дерево не сломалось подъ новымъ грузомъ.

Снявъ фотографическимъ аппаратомъ эту группу изъ своей засады, я захо- тѣлъ во что бы то ни стало посмотрѣть на нихъ поближе и въ первый разъ во весь день выпрыгнулъ изъ ямы и побѣжалъ подъ дерево. Оказалось, что я прогадалъ, такъ какъ очутился подъ густыми нижни- ми вѣтками, сквозь которыя никакъ не могъ видѣть медвѣдей, сидѣвшихъ на самомъ верху дерева.

Я былъ плотно прислоненъ къ стволу и высматривалъ изъ-за вѣтокъ, не удастся ли мнѣ навести на нихъ аппаратъ, какъ вдругъ старая Грѣмпи стала спускаться, скрежеща зубами и издавая свой угрожающій, каш- ляющій звукъ по моему адресу. Пока я ко- лебался, я услышалъ далеко позади себя голосъ, зовущій меня:

— Послушайте, баринъ! Вамъ не уйти ли; эта старая медвѣдица можетъ васъ зада- вить.

Медвѣжонокъ Джонни.

Я обернулся и увидаль скотника отеля верхомъ на лошади. Онъ догонялъ скотъ и проѣзжалъ мимо въ ту самую минуту, когда событія такъ быстро слѣдовали одно за другимъ.

— Вы знаете этихъ медвѣдей?— сказалъ я, когда онъ подѣхалъ.

Думаю, что знаю,—отвѣтилъ онъ.—Вотъ тотъ на самомъ верху — Джонни; онъ маленькая шельма. А большой—это Грѣмпи; она большая шельма. Вообще-то она смиренная, только вотъ когда Джонни такъ воетъ, на нее полагаться не приходится.

— Мнѣ бы хотѣлось снять ее, когда она слѣзетъ,—сказалъ я.

— А вотъ что мы сдѣлаемъ: я останусь тутъ на пони, а если она вздумаетъ на васъ броситься, я всегда сумѣю ее удержать,—сказалъ скотникъ.

Какъ было условлено, онъ стоялъ около, пока Грѣмпи медленно спускалась съ сука на сукъ, все время зловѣще ворча. Но, по мѣрѣ приближенія къ землѣ, она ста-

Медвѣжонокъ Джонни.

ралась держаться все дальше отъ ствола, наконецъ соскользнула съ дерева и побѣжала въ лѣсъ, безъ малѣйшей попытки привести въ исполненіе свою угрозу. Такимъ образомъ Джонни опять остался одинъ. Онъ взобрался на прежнее мѣсто и попрежнему завизжалъ: «Уа! Уа! Уа!» (Боже мой! Боже мой! Боже мой!).

Я приготовилъ аппаратъ и сталъ его наводить, чтобы непременно снять Джонни въ его любимой, характерной позѣ, которую онъ принималъ, когда тянулъ свою заунывную пѣсню; вдругъ онъ поднялъ голову и сталъ выть, какъ во время борьбы матери съ сѣрымъ медвѣдемъ.

Я посмотрѣлъ въ направленіи его морды и увидалъ сѣраго медвѣдя, идущаго прямо на меня — повидимому не съ цѣлью нападенія; но онъ дѣлалъ большіе шаги, словно сразу намѣревался пройти все разстояніе.

Я сказалъ своему пріятелю - скотнику:

— А этого медвѣдя вы знаете?

Онъ отвѣтилъ:

Медвѣжонокъ Джонни.

— Какъ не знать. Это старшій Гриззли. Онъ самый большой во всемъ паркѣ. Онъ занятъ только своими дѣлами, но ничего на свѣтѣ не боится; сегодня же онъ попалъ въ передрагу и, можетъ быть, злобно настроенъ.

— Мнѣ бы хотѣлось снять его, — сказалъ я, — и, если вы мнѣ поможете, я охотно рискну.

— Превосходно, — сказалъ онъ, ослабившись во весь ротъ. — Я буду сидѣть верхомъ около и, если онъ нападетъ на васъ, — я кинусь на него; я могу свалить его только разъ, во второй разъ это мнѣ не удастся. Вамъ бы лучше снимать съ дерева.

Такъ какъ вблизи имѣлось всего одно дерево, и именно то, на которомъ сидѣлъ Джонни, то перспектива представлялась далеко не заманчивой. Я вообразилъ себя взлѣзающимъ туда и попадающимъ въ соудство Джони, потомъ настагающую меня мать Джонни, а внизу Гриззли, готоваго меня поймать, когда я буду сброшенъ съ дерева.

Медвѣжонокъ Джонни.

Гриззли приближался, и я снялъ его на разстояніи сорока ярдовъ, потомъ двадцати; а онъ все спокойно шелъ на меня. Я сѣлъ на кучу отбросовъ и ждалъ. Оставалось восемнадцать... шестнадцать... двѣнадцать... наконецъ восемь ярдовъ, а онъ все шелъ, пока протестующій вопль Джонни постепенно не достигъ высшей степени напряженія. Онъ остановился отъ меня въ пяти ярдахъ и, повернувъ свою бородатую голову, чтобы узнать причину слышавшагося на верху дерева несноснаго шума, сталъ ко мнѣ профилемъ. Аппаратъ щелкнулъ. При этомъ звукѣ онъ повернулся ко мнѣ съ громовымъ рычаніемъ.

А я сидѣлъ и трепеталъ, думая, что пришелъ мой смертный часъ. На мгновеніе онъ уставился на меня, и я даже могъ различить зеленые фосфорическіе огоньки, свѣтившіеся въ его глазахъ. Затѣмъ онъ спокойно отвернулся и поднялъ большую жестянку изъ-подъ томатовъ.

«Боже праведный! — думалъ я, — не-

Медвѣжонокъ Джонни.

ужели онъ собирается бросить ея въ меня?»

Но онъ тщательно вылизалъ ее, бросилъ, взялъ другую, и съ той поры совершенно забылъ обо мнѣ и Джонни, считая, вѣроятно, ниже своего достоинства обращать на насъ вниманіе.

Я медленно и почтительно ретировался отъ его высокаго сосѣдства, предоставивъ ему безпрепятственно пользоваться всей грудой отбросовъ, а Джонни тѣмъ временемъ продолжалъ неистово мяукать на своей спасительной верхушкѣ. Что случилось съ Грѣмпи къ концу дня — я не знаю. Джонни, пооравъ еще нѣкоторое время, сообразилъ, что за недостаткомъ сочувствующихъ слушателей благоразумнѣе будетъ перестать. Не имѣя съ собой матери, которая бы строила за него планы, онъ сталъ строить ихъ самъ и тутъ же доказалъ, что былъ гораздо смѣтливѣй, чѣмъ можно было отъ него ожидать. Послѣ тщательнаго наблюденія, при чемъ лукавое

Медвѣжонокъ Джонни.

выраженіе не сходило съ его черной мордочки, выждавъ, пока Гриззли отошелъ на приличное разстояніе, онъ безмолвно соскользнулъ со ствола и, несмотря на то, что къ его услугамъ имѣлись только три здоровыя лапы, добѣжалъ, какъ заяцъ, до ближайшаго дерева, не переводя духа, пока не очутился на самой макушкѣ; видимо онъ былъ твердо убѣжденъ въ томъ, что единственной цѣлью Гриззли было его убить, а взлѣзть на дерево, по его мнѣнію, тотъ не могъ. Еще разъ долгое и тщательное наблюденіе за Гриззли, который рѣшительно не обращалъ на него никакого вниманія, и опять бѣгъ къ слѣдующему дереву, сопровождаемый коварной попыткой ввести врага въ заблужденіе. Такъ онъ перебѣгалъ съ дерева на дерево, каждый разъ карабкаясь на макушку, если даже одно дерево отъ другого отстояло всего на десять футовъ, пока совсѣмъ не скрылся въ лѣсу. Черезъ десять минутъ его голосъ, донесенный вѣтеркомъ, опять зазвенѣлъ въ

Медвѣжонокъ Джонни.

воздухѣ,—въ немъ слышался обычный капризный визгъ, показавшій мнѣ, что онъ нашелъ мать и попрежнему зывалъ къ ея нѣжнымъ чувствамъ.

VI.

У медвѣдей принято съечь медвѣжатъ, когда они этого заслуживаютъ, и, воспитай его Грѣмпи по этой системѣ, они оба избѣжали бы многихъ приключеній. Въ это лѣто рѣдкій день проходилъ безъ того, чтобы Грѣмпи, благодаря Джонни, не попадала впросакъ. Но самый позорный случай произошелъ съ ней вскорѣ послѣ столкновенія съ Гриззли.

Въ первый разъ я услышалъ эту исторію отъ трехъ горцевъ съ бронзовыми лицами. Они не допускали ни малѣйшаго сомнѣнія въ своихъ словахъ и къ тому же такъ прекрасно стрѣляли изъ револьвера, что я поспѣшилъ повѣрить каждому ихъ слову, тѣмъ болѣе, что все ими сказанное было подтверждено администраціей парка.

Медвѣжонокъ Джонни.

Кажется, любимое лакомство Джонни въ кучѣ отбросовъ заключалось въ жестянкахъ, на которыхъ изображена была большая красная слива. Къ этому выводу онъ пришелъ только послѣ утомительныхъ и долгихъ исканій. Одинъ запахъ сливъ, проникавшій въ ноздри Джонни, вызывалъ въ немъ экстазъ. Какъ-то разъ, когда поваръ отеля напекъ множество тортовъ со сливами, болтливый вѣтеръ разнесъ эту вѣсть по лѣсамъ; аромат коснулся обонянія Джонни и смутилъ его душу.

Въ это время Джонни, конечно, по обыкновению хныкалъ. Его мать была занята его купаньемъ и причесываньемъ, такъ что онъ имѣлъ двойной поводъ быть недовольнымъ. Но запахъ тортовъ раззадорилъ его; онъ подпрыгнулъ и, когда мать пыталась его удержать, завизжалъ и чуть ли не укусилъ ее. Тутъ бы ей слѣдовало его ударить, а она этого не сдѣлала. И лишь издавъ неодобрительное рычанье,

Медвѣжонокъ Джонни.

пошла за нимъ изъ боязни, какъ бы онъ не попалъ въ бѣду.

Держа свою черную мордочку по вѣтру, Джонни прямо направился къ кухнѣ. По временамъ онъ предусмотрительно взлѣзалъ на макушку сосны, чтобъ осмотрѣться, а Грѣмпи ждала внизу.

Когда они приблизились къ кухнѣ, то на послѣднемъ деревѣ мужество вожака покинуло Джонни, и онъ, оставаясь наверху, жалобными взвизгиваніями сталъ выражать свое страстное желаніе насладиться тортами изъ сливъ. Невфроятно, чтобы Грѣмпи опредѣленно знала, о чемъ такъ визжитъ Джонни. Но какъ только она выказывала намѣреніе уйти назадъ, въ сосны, Джонни принимался вопить такимъ неистовымъ и раздирающимъ душу голосомъ, что она не могла рѣшиться оставить его; а между тѣмъ онъ не выражалъ ни малѣйшей охоты слѣзть и уйти.

Грѣмпи сама очень любила желе изъ сливъ. Теперь же, разумѣется, запахъ былъ

Въ дверяхъ стояла кошка.

Медвѣжонокъ Джонни.

очень силенъ и заманчивъ, такъ что Грѣмпи, привлекаемая имъ, осторожно подошла къ кухонной двери.

Въ этомъ не было ничего удивительнаго.

Правило «жить и давать жить другимъ» такъ строго соблюдалось въ паркѣ, что медвѣди часто подходили къ кухонной двери за подачками и, получивъ желаемое, спокойно возвращались въ лѣсъ.

Безъ сомнѣнія, Джонни и Грѣмпи добились бы тортовъ, если бы на сцену внезапно не появилось новое дѣйствующее лицо.

На этой недѣлѣ люди, служащіе въ отелѣ, привезли съ востока новую кошку.

Она была величиной немного больше котенка, но уже имѣла собственное потомство, и въ ту минуту, какъ Грѣмпи очутилась у двери, кошка съ семействомъ грѣлась на солнцѣ у порога. Киска открыла глаза во всю ширину зрачковъ, увидавъ надъ собой огромное косматое чудовище.

Медвѣжонокъ Джонни.

Кошка никогда раньше не видала медвѣдя — она была здѣсь еще недавней гостью — и даже не знала, что такое медвѣдь. Она знала, что такое собака, но передъ ней стояла черная короткохвостая собака такой величины, какой ей и во снѣ не грезилось. Первая мысль ея была — спастись бѣгствомъ; вторая — о котятахъ. Надо о нихъ позаботиться. По крайней мѣрѣ, она должна прикрыть ихъ отступление. Какъ доблестная мать, она бросилась на порогъ, взъерошивъ шерсть на спинѣ, выпустивъ когти, распушивъ хвостъ, выставивъ все, что только могла противъ врага, и крикнула дерзкому медвѣдю недопускающее возраженіе:

— Стой!

Произнесено оно, вѣроятно, было на кошачьемъ языкѣ, но смыслъ его не могъ ускользнуть отъ медвѣдя; видѣвшіе эту сцену утверждаютъ, что Грэмпи не только остановилась, но, согласно мѣстному обычаю, подняла переднія лапы въ знакъ повиновенія.

Медвѣжонокъ Джонни.

Но поза, которую Грѣмпи при этомъ приняла, сдѣлала ее такой громадной и высокой, что кошка казалась совсѣмъ крошечной и копошилась гдѣ-то далеко, внизу. Неужели же старая Грѣмпи, однажды сражавшаяся даже съ сѣрымъ медвѣдемъ, теперь спасуетъ передъ несчастнымъ маленькимъ хорькомъ съ остроконечнымъ хвостикомъ, котораго бы ей хватило на одинъ глотокъ? Она почувствовала стыдъ, въ особенности когда жалобный визгъ Джонни рѣзнулъ ее по уху и, напомнивъ ей ея обязанности, ободряюще на нее по-дѣйствовалъ.

И она опять опустилась на переднія лапы, чтобы продолжать путь.

Но кошка снова выкрикнула:

— Стой!

Грѣмпи не обратила вниманія на приказъ. Испуганное мяуканіе одного изъ котятъ придадо кошке бодрости, и она поставила ультиматумъ, при чемъ ультиматумомъ была она сама. Имѣя въ своемъ распоряже-

Медвѣжонокъ Джонни.

ни восемнадцать острыхъ когтей, полный ротъ такихъ же зубовъ, кошка съ силой отчаянія вцѣпилась и впила въ голый носъ Грѣмпи—самое чувствительное мѣсто медвѣдицы, которое не могло выдержать натиска, затѣмъ отпрянула въ безопасное мѣсто, гдѣ ее не могли достать когти Грѣмпи.

Послѣ тщетной попытки страхнуть съ себя пеструю фурию Грѣмпи поступила, какъ поступило бы въ такихъ обстоятельствахъ большинство животныхъ: она круто повернула, рѣшивъ покинуть вражескую территорію и спастись бѣгствомъ въ родные лѣса.

Но въ кошкѣ разгорѣлся боевой пылъ. Она не удовольствовалась тѣмъ, что прогнала врага; ей нужно было его посрамить для полного и окончательнаго пораженія. И несмотря на то, что старая Грѣмпи скакала во весь опоръ, кошка продолжала на ней сидѣть, работая зубами и когтями, какъ маленькій демонъ. Грѣмпи, не отли-

Медвѣжонокъ Джонни.

чавшуюся большой сообразительностью, обуялъ панической ужасъ. Слѣдъ несущейся пары былъ отмѣченъ ключьями длинной черной шерсти, была даже пролита кровь (въ умѣренной дозѣ). Честь была спасена, кошка хотѣла бѣльшаго. Онѣ кружились въ бѣшеной скачкѣ. Грѣмпи была разбита, совершенно унижена и готова на всякія уступки, но киска оставалась глуха къ ея кашляющимъ, умоляющимъ звукамъ; и кто знаетъ, куда увлекла бы ее въ этотъ день кошка, если бы Джонни, заоравъ съ дерева во всю мочь, неожиданно для себя не подалъ матери новой мысли. Она тотчасъ же привела ее въ исполненіе, взобравшись на дерево. Теперь это уже была явно вражеская территория, и, въ виду подкрѣпленія, которое могъ получить врагъ, кошка благо-разумно рѣшила не слѣдовать далѣе.

Она спрыгнула съ карабкавшейся медвѣдицы на землю и стала на часахъ внизу, прогуливаясь кругомъ съ поднятымъ хво-

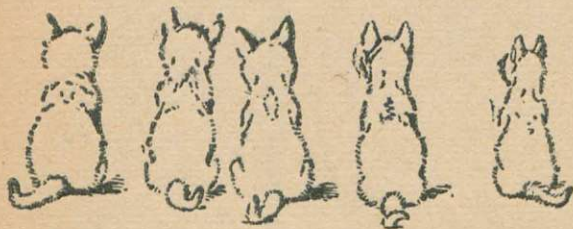
Медвѣжонокъ Джонни.

стомъ и приглашая медвѣдей сойти, если они посмѣютъ. Потомъ пришли котята и окружили мать, наслаждаясь зрѣлищемъ. А горцы увѣряли, что осада медвѣдей продолжалась бы до тѣхъ поръ, пока они не умерли бы съ голоду, не приди поварь отеля и не отзови онъ свою кошку. Но это послѣднее показаніе не было подтверждено администраціей парка.

VII.

Въ послѣдній разъ я видѣлъ Джонни на верхушкѣ дерева; онъ по привычкѣ визгливо жаловался на свою судьбу, въ то время какъ его мать рыскала между сосенъ, ища, на комъ бы сорвать злобу, исключая, конечно, сѣраго медвѣдя или кошки съ котятами.

Было начало августа, и въ характерѣ старой Грѣмпи появились явные признаки перемѣны. Ее всегда считали «ненадежной», что объяснялось ея пристрастіемъ къ Джон-

Медвѣжонокъ Джонни.

ни. Теперь же, къ концу мѣсяца, Джонни иногда проводилъ полдня на макушкѣ дерева въ полномъ одиночествѣ, безо всякаго призора, имѣя жалкій видъ.

Послѣдняя глава его исторіи закончилась послѣ того, какъ я покинулъ тѣ края. Однажды на разсвѣтѣ онъ по пятамъ плелся за своей матерью, направлявшейся въ сторону отеля. Вцовъ нанятая прислуга-ирландка уже была на ногахъ въ кухнѣ. Выглянувъ въ окно, она, какъ ей показалось, увидала теленка въ необычномъ мѣстѣ и побѣжала, чтобы прогнать его. Эта открытая кухонная дверь до сихъ поръ была для Грёмпи символомъ такихъ ужасовъ, что она бросилась бѣжать безъ оглядки въ сильномъ страхѣ, сообщившемся и Джонни, который, не будучи въ состояніи поспѣть за ней, бросился къ ближайшему дереву, къ несчастію оказавшемуся столбомъ. Скоро, слишкомъ скоро, онъ очутился на самомъ верху, на семь футовъ отъ земли и оттуда огласилъ свѣжімъ утреннімъ воздухомъ

Медвѣжонокъ Джонни.

своими дикими воплями, въ то время какъ Грѣмпи видимо считала себя въ правѣ продолжать бѣгство одна. Когда дѣвушка подошла ближе и увидала, что она загнала на дерево какое-то дикое животное, то испугалась не меньше своей жертвы. Но явились остальные служащіе при кухнѣ люди и, узнавъ вопящаго Джонни, рѣшили его поймать.

Принесли ошейникъ и цѣпь, и послѣ борьбы, въ продолженіе которой нѣкоторые изъ людей получили значительныя царапины, ошейникъ былъ застегнутъ на шеѣ Джонни, а цѣпь прикрѣплена къ столбу.

Когда Джонни убѣдился, что онъ пойманъ, онъ былъ слишкомъ взбѣшенъ, чтобы визжать. Онъ кусался, царапался и рвался, пока не выбился изъ силъ. Тогда онъ возвысилъ голосъ и сталъ звать мать. Разъ или два она показывалась въ отдаленіи, но не могла рѣшиться еще разъ встрѣтиться съ кошкой и скрылась, предоставивъ Джонни его судьбѣ.

Медвѣдица съ ревомъ понеслась прочь.

Медвѣжонокъ Джонни.

Большую часть дня онъ то метался, то плакалъ. Къ вечеру онъ окончательно выбился изъ силъ и былъ радъ ѣдѣ, которую принесла ему Нора; она считала своимъ долгомъ матерински заботиться о немъ, такъ какъ прогнала его настоящую мать.

Ночью было холодно, и Джонни чуть не замерзъ на верху столба, пока рѣшился сойти внизъ и воспользоваться теплой постелью, приготовленной ему.

Въ слѣдующіе дни Грѣппи часто приходила на свалку отбросовъ, но, повидимому, скоро совсѣмъ забыла о своемъ сынѣ. За нимъ ходила Нора и ежедневно его кормила. Получилъ онъ и еще кое-что другое; однажды, когда она принесла ему кормъ, онъ ее оцарапалъ, за что она тутъ же основательно его высѣкла, такъ что онъ взвылъ. Онъ дулся нѣсколько часовъ, не привыкши къ такому обращенію. Но голодъ заставилъ его подчиниться, и съ тѣхъ поръ онъ почувствовалъ къ своей новой

Медвѣжонокъ Джонни.

опекуншѣ боязливое уваженіе. Она въ свою очередь приняла участіе въ несчастномъ медвѣжонкѣ, оставшемся безъ матери, и черезъ двѣ недѣли характеръ Джонни сталъ показывать признаки улучшенія. Онъ сталъ менѣе крикливъ. Голодъ онъ попрежнему выражалъ жалобными «эр-р-р! эр-р-р! эр-р-р!», но рѣдко пищалъ, а неистовыя вспышки совсѣмъ прекратились.

Къ концу сентября перемѣна стала еще разительнѣе. Окончательно покинутый матерью, онъ все свое вниманіе сосредоточилъ на Норѣ. Хорошимъ кормомъ и розгой она сдѣлала изъ него очень благовоспитаннаго медвѣжонка. Иногда она давала ему свободу, и онъ тогда устремлялся не въ лѣсъ, а въ кухню, гдѣ она находилась, и ходилъ за ней по пятамъ на заднихъ лапахъ. Тутъ онъ познакомился со страшной кошкой; но Джонни имѣлъ теперь могущественнаго друга, и киска должна была примириться съ чернымъ косматымъ непрошеннымъ гостемъ.

Медвѣжонокъ Джонни.

По случаю закрытія отеля, предстояшаго въ октябрѣ, начались толки о томъ, чтобы выпустить Джонни на свободу или отправить его въ вашингтонскій зоологическій садъ; но Нора имѣла на него права, которыми не хотѣла поступиться.

Когда въ послѣднихъ числахъ сентября наступили морозныя ночи, характеръ Джонни сильно измѣнился къ лучшему, но вмѣстѣ съ тѣмъ у него появился зловѣщій кашель. Исслѣдованіе показало, что причина недомоганія заключалась не въ хромой ногѣ, а лежала гораздо глубже, въ роятно, въ сѣдалищной кости, что указывало на слабый и мало выносливый организмъ. Онъ не жирѣлъ, какъ большинство медвѣдей, попадающихъ въ неволю, а все слабѣлъ. Его брюшко совсѣмъ ввалилось, кашель усилился, и однажды утромъ его нашли на ложѣ у столба дрожащимъ и больнымъ. Нора принесла его домой, гдѣ тепло такъ благотворно на него подействовало, что его оставили при кухнѣ.

Медвѣжонокъ Джонни.

Нѣсколько дней онъ чувствовалъ себя лучше.

Воскресло даже прежнее любопытство: онъ сталъ живо интересоваться всѣмъ, что происходило кругомъ. Особенно привлекалъ его большой, пылающій огонь кухоннаго очага, и, когда открытая дверь позволяла ему созерцать это чудо, онъ по-прежнему принималъ свою любимую позу.

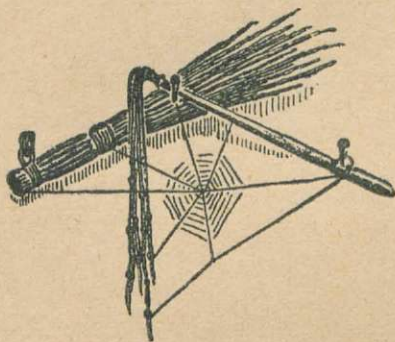
Черезъ недѣлю онъ сталъ равнодушенъ и къ этому зрѣлищу и угасалъ съ каждымъ днемъ. Наконецъ, самый громкій шумъ и живыя сцены не могли уже возбудить въ немъ былого интереса къ окружающему. Онъ сильно кашлялъ и имѣлъ несчастный видъ, если Нора не брала его на колѣни. Тутъ онъ съ видимымъ удовольствіемъ сворачивался клубочкомъ и жалобно визжалъ, когда она клала его обратно въ корзину.

За нѣсколько дней до закрытія отеля онъ отказался отъ обычной утренней пищи и жалобно стоналъ, пока Нора не взя-

Медвѣжонокъ Джонни.

ла его на колѣни; тогда онъ слабо къ ней прижался, и его тихое «эр-р... эр-р...» стало еще тише, потомъ совсѣмъ прекратилось. Черезъ полчаса, когда Нора, чтобы итти работать, положила его въ корзинку, маленькій Джонни совсѣмъ потерялъ возможность интересоваться чѣмъ бы то ни было.

ПУТЕШЕСТВИЕ
ДИКОЙ УТКИ.

Путешествіе дикой утки.

I.

Дикая утка съ зелеными крыльями свила гнѣздо въ осокѣ одного изъ прудковъ, окаймленныхъ травой, которыми пестритъ солнечный склонъ Верховой горы.

Проѣзжавшій на скрипучей телегѣ, запряженной волами, метись видѣлъ только прудъ съ его обычной бахромой низко растущей травы, надъ которой росъ ивнякъ и возвышался старый тополь.

Но маленькой дикой уткѣ въ камышахъ и ея сосѣдямъ, дикимъ уткамъ другой породы на ближайшемъ прудкѣ, пріютившій ихъ прудъ представлялся цѣлымъ царствомъ, настоящимъ раемъ, ибо

Путешествіе дикой утки.

туть былъ ихъ домъ. Теперь созрѣвали плоды медоваго мѣсяца, а луна была подъ рукой во всей своей многообъщающей полнотѣ. Дѣйствительно, маленькія утята приготавливались пробить свою прозрачную скорлупу, и яйца, эти десять сокровищъ дикой утки, утратили уже значеніе интересныхъ неодушевленныхъ предметовъ. Каждое изъ нихъ уже въ зачаточномъ, сонномъ состояніи проявляло черты живой будущей личности.

Маленькая дикая утка лишилась своего друга ранней весной. По крайней мѣрѣ, онъ исчезъ, а такъ какъ мѣстность изобиловала смертельными врагами, то предположеніе о его смерти было болѣе чѣмъ правдоподобно. Все ея вниманіе теперь поглощалось гнѣздомъ и будущимъ потомствомъ, заключеннымъ въ яйцахъ. Всю вторую половину іюня она ихъ особенно берегла, оставляя ежедневно только на самое короткое время, чтобы слетать за кормомъ, предварительно прикрывъ ихъ чучелкой,

Путешествіе дикой утки.

сдѣланной изъ пуха, выщипаннаго изъ собственной груди.

Однажды утромъ, когда утка улетала, предоставивъ чучелкѣ охрану гнѣзда, она услышала сильный трескъ въ густомъ ближайшемъ ивнякѣ, но стойко продолжала путь. Когда она вернулась, въ голосѣ ея сосѣдки дикой утки еще звучала испуганная нотка, а внизу, около ея собственного гнѣзда оказались слѣды человѣческихъ ногъ.

Чучелку потревожили, но, странное дѣло, яйца были налицо и нетронуты.

Врагъ былъ такъ близко и, въ концѣ концовъ, потерпѣлъ неудачу. Дни шли, и по мѣрѣ того, какъ великое дѣло, которому она себя посвятила, приходило къ концу, маленькая Зеленое Крылышко ощущала въ своемъ сердцѣ растущую материнскую любовь къ десяти крошечнымъ птѣнникамъ, которые, благодаря ея заботамъ, должны были получить свободу. Она чувствовала, что они перестали быть просто

Путешествіе дикой утки.

яйцами, и иногда заговаривала съ ними тихимъ, сиплымъ голосомъ; тогда ей казалось, что они изнутри отвѣчали ей шепчущими «пи-и» или звуками, не передаваемыми на человѣческомъ языкѣ,—такъ они неуловимы для человѣческаго уха. И нѣтъ ничего удивительнаго, если, вылупившись, они уже знаютъ тѣ немногія несложныя слова, которыя составляютъ разговорный языкъ дикихъ утокъ.

Всѣ случайности ранняго времени года, угрожавшія гнѣзду, были за плечами; но родилась новая бѣда. Весна ознаменовала свое дальнѣйшее шествіе продолжительной засухой. Дождя не было въ продолженіе многихъ, многихъ дней, и, когда приблизился самый для нея важный день, она съ ужасомъ увидала, что прудъ быстро сокращается. Онъ уже былъ окаймленъ большимъ пространствомъ сплошной тины, и, если во-время не пойдутъ дожди, крошкамъ на первыхъ же шагахъ предстоитъ опасная переправа по сушѣ.

Путешествіе дикой утки.

Но было такъ же немислимо ускорить высиживаніе, какъ вызвать дождь; и въ послѣдніе дни своихъ материнскихъ попеченій она, какъ этого боялась, видѣла передъ собой обширную равнину грязи на томъ мѣстѣ, гдѣ раньше былъ прудъ.

Наконецъ, птенцы вылупились. Маленькія фарфоровыя гробницы разбились одна за другой, выпустивъ на свѣтъ Божій каждая по маленькому дикому утенку: десять крошечныхъ пятнистыхъ, пушистыхъ комочковъ, десять маленькихъ подушечекъ изъ желтаго плюша, десять крошечныхъ золотыхъ бомбоньерокъ съ глазками изъ драгоценныхъ камней, заключающихъ въ себѣ безцѣнную искру жизни.

Но судьба поступила такъ жестоко! Добраться до пруда было теперь для нихъ вопросомъ жизни и смерти. О! Отчего старое солнце не дозволило этимъ пушкамъ хотя бы три дня поплескаться въ водѣ, чтобы набраться силъ для такого страшнаго сухопутнаго путешествія? Мать

Путешествіе дикой утки.

обязана тотчасъ же разрѣшить эту задачу, или потерять ихъ всѣхъ.

Утята не нуждаются въ пищѣ въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ послѣ того, какъ вылупились. Ихъ тѣльца поддерживаются питательнымъ веществомъ яйца, изъ котораго они вышли. Но, разъ оно истощится, они непременно должны ѣсть. Ближайшій прудъ находился въ разстояніи полумили.

Главный вопросъ заключался въ слѣдующемъ: могутъ ли крошки-утята выдержать такой долгій путь? Какъ они избѣгутъ безчисленныхъ опасностей въ дорогѣ? Въдъ всякая борзая собака, соколъ, ястребъ, лисица, ласочка, койотъ, тарабаганъ, бѣлка и змѣя одинаково будутъ считать ихъ своей естественной добычей.

Все это мать инстинктивно чувствовала, хотя и не умѣла ясно выразить; какъ только десять птенцовъ согрѣлись и оживились, она повела ихъ въ траву. Тамъ они карабкались, пищали, падали, стараясь проникнуть сквозь стебли травы, которая, какъ

Путешествіе дикой утки.

Бамбуковый лѣсъ, преграждала имъ дорогу. Ихъ мать должна была однимъ глазомъ смотрѣть за десятью, а другимъ — за всѣмъ міромъ, такъ какъ ни у нея, ни у нихъ не было друзей. Безчисленные живыя существа, которыя ихъ окружали, были либо враждебны, либо равнодушны.

II.

Послѣ продолжительнаго ковылянья они взобрались на отмель, вошли въ тополевую поросль и тутъ присѣли отдохнуть.

Одинъ крошка, наравнѣ съ другими храбро прокладывавшій себѣ путь, такъ ослабѣлъ, что трудно было рассчитывать, чтобы онъ достигъ пруда, этой далекой обѣтованной земли.

Когда они достаточно отдохнули, мать издала тихое, нѣжное «квѣкъ», которое, несомнѣнно, означало «пойдемте, дѣточки»; и они опять пустились въ путь, карабкаясь черезъ вѣтки, тихо пища, если все шло

Путешествіе дикой утки.

благополучно, и издавая жалобный пискъ, когда они попадали въ чашу. Наконецъ они вышли на широкое открытое мѣсто. Итти было легко, но тутъ грозила большая опасность отъ ястребовъ. Мать долго сидѣла въ чашѣ, изслѣдуя небо со всѣхъ сторонъ, передъ тѣмъ какъ отважиться выступить въ открытое поле. Потомъ, когда убѣдилась, что враговъ нѣтъ, она приказала своей маленькой арміи направиться въ большую пустыню, имѣвшую около ста ярдовъ протяженія.

Крошки изо всѣхъ силъ старались поспѣть за ней, выпрямляя угломъ свои маленькія тѣльца и растопыря, точно руки, свои тоненькія крылышки.

Ей страшно хотѣлось сдѣлать за разъ весь переходъ, но она вскорѣ поняла, что это невозможно. Болѣе крѣпкіе изъ ея птенцовъ могли еще держаться, но другіе едва тащились, отставая каждый по степени своей слабости. Они теперь составляли цѣлую процессію, длиною болѣе двадцати

Путешествіе дикой утки.

футовъ, а самый слабый ковылялъ на десять футовъ позади.

Становился неизбежнымъ опасный привалъ на открытомъ мѣстѣ. Птенцы подбѣжали къ матери съ прерывающимся дыханіемъ, и она въ смертельной тревогѣ легла около нихъ, пока къ нимъ не вернулась способность идти дальше. Тогда она повела ихъ, попрежнему тихо шепча: «Не бойтесь, дорогіе!»

Они не прошли еще и половины пути къ пруду, а путешествіе уже сильно отозвалось на нихъ. Птенцы снова вытянулись въ линію, съ большимъ разстояніемъ между послѣдними, замыкавшими шествіе, какъ вдругъ, низко летя, почти касаясь земли, показался большой болотный ястребъ.

— «Сквѣтъ!»—прохрипѣла мать, Зеленое Крыло, и всѣ крошки растянулись на землѣ, за исключеніемъ отставшаго. Будучи слишкомъ далеко, чтобы услышать тихое предостереженіе, онъ продолжалъ ковылять. Огромный ястребъ спустился, схва-

Путешествіе дикой утки.

тиль когтями и понесъ пищавшаго утенка, поднявшись надъ кустами. Бѣдная мать могла только въ нѣмой печали наблюдать, какъ кровожадный пиратъ безнаказанно и безъ всякаго сопротивленія уносилъ вдаль ея желтый пушокъ. Но все-таки нѣтъ — не совсѣмъ; потому что въ то время, какъ онъ направлялся на отмель пруда, гдѣ жила его шайка молодыхъ разбойниковъ, онъ неосторожно пролетѣлъ надъ кустомъ, гдѣ гнѣздился королекъ. Этотъ безстрашный маленькій воинъ съ боевымъ кличемъ взвился въ воздухъ, подавая сигналъ къ началу охоты. Пиратъ уносился вдаль, за нимъ неся королекъ; одинъ изъ нихъ огромный, тяжело-вѣсный и трусливый, другой — маленькій, ловкій и безстрашный какъ герой. Они летѣли все дальше и дальше, а королекъ съ каждымъ взмахомъ крыла все ближе настигалъ врага. Они скрылись изъ виду, и голоса ихъ потонули въ пространствѣ.

Материнское горе Зеленаго Крыла, ко-

Путешествіе дикой утки.

нечно, менѣе глубокое, чѣмъ человѣческое, было тѣмъ не менѣе очень искренне. Но ей приходилось неусыпно заботиться о девятирехъ. Они поглотили всѣ ея помыслы. Она какъ только могла скорѣе укрыла ихъ въ кустахъ, и тамъ имъ нѣкоторое время дышалось свободнѣе.

Съ этой поры Дикая Утка рѣшила путешествовать подѣ прикрытіемъ листвы. Больше часа прошло въ мелкихъ тревогахъ и частыхъ остановкахъ. Теперь прудъ былъ недалеко, и слава Богу, потому что утята были совсѣмъ изнурены, ихъ крошечныя перепончатыя лапы были испарананы въ кровь, и послѣднія силы ихъ оставляли. Они передохнули подѣ тѣнью послѣдняго высокаго куста, прежде чѣмъ переправиться тѣсною кучкой черезъ открытое мѣсто, неровную прогалинку среди тополей.

Для нихъ всегда осталось тайной, что смерть все время слѣдовала за ними по пятамъ. Красная лисица напала на слѣдъ маленькаго утинаго выводка. Ея острое чутье

Путешествіе дикой утки.

подсказало ей, что стоило ей пойти по указанному направленію, чтобы немедленно полакомиться. И вотъ она ловко и беззвучно кралась по ясно намѣченному слѣду, — она ихъ даже видѣла. При обыкновенномъ ходѣ событій она очень скоро проглотила бы всѣхъ—и мать и птенцовъ; но иногда событія рѣзко отклоняются въ сторону отъ прямого пути. Она была такъ близко, что могла, если бы умѣла, пересчитать маленькихъ пѣшеходовъ, какъ вдругъ вѣтеръ донесъ до нея звукъ, заставившій ее остановиться, потомъ проползти нѣсколько шаговъ; при слѣдующемъ дуновеніи вѣтра она пустилась бѣжать безъ оглядки, стараясь скрыться не замѣченной. И неминуемая опасность, вѣрнѣйшая смерть, была отвращена невидимой силой, о которой даже чуткое материнское сердце дикой утки ничего не подозрѣвало.

III.

Крошки, переваливаясь, шли за матерью, которая вела ихъ скорыми шагомъ по открытому пространству. Къ счастью, длинный заливъ пруда былъ совсѣмъ подъ рукою, нужно было только перейти дорожку, лишенную деревьевъ. Она радостно туда направилась, крича:—Идите, мои дорогие!

Но—увы!—пространство безъ деревьевъ было дѣломъ рукъ человѣческихъ, называемымъ «проѣзжей дорогой». По обѣ ея стороны находились два глубокихъ безконечныхъ оврага, кторые люди называютъ «колесными колеями», и въ первый изъ нихъ попало четверо изъ ея птенцовъ. Пятеро ухитрились выкарабкаться, но другая колея оказалась еще глубже и шире, и они тамъ застряли.

Боже, вѣдь это было ужасно! Крошки были слишкомъ слабы, чтобы оттуда вы-

Путешествіе дикой утки.

лѣзть. Колеи казались безконечными, и мать не знала, какъ имъ помочь. Всѣ они были въ отчаяніи, и въ то время, какъ она растерянно металась взадъ и впередъ, подбодряя ихъ и умоляя напрямъ послѣднія силы, передъ ней внезапно предсталъ тотъ, кого она боялась всего больше на свѣтѣ,— смертный врагъ утокъ, большой, высокій человѣкъ.

Зеленое Крыло бросилась къ его ногамъ, затрепетала и захлопала передъ нимъ крыльями. Не для того, чтобы молить о пощадѣ! О, нѣтъ! Она только старалась, чтобы онъ повѣрилъ, что она ранена, и сталъ ее преслѣдовать, а она тѣмъ временемъ уведеть его отъ утятъ.

Но человѣкъ зналъ эту уловку и не пошелъ на нее. вмѣсто того онъ посмотрѣлъ кругомъ и нашель девять пушковъ съ блестящими глазами, сидѣвшихъ въ глубокихъ колеяхъ и тщетно пытавшихся спрятаться.

Онъ осторожно нагнулся и собралъ ихъ всѣхъ въ свою шляпу. Бѣдныя крошки!

Путешествіе дикой утки.

Какъ они испуганно пищали. Бѣдная маты! Какъ она горько плакала о своихъ дѣтяхъ! Она знала, что всѣ они будутъ истреблены у нея на глазахъ, и въ порывѣ отчаянія билась о землю грудью передъ этимъ ужаснымъ великаномъ.

Потомъ безсердечное чудовище пошло на берегъ пруда, безъ сомнѣнія для того, чтобы глоткомъ воды запить проглоченныхъ утятъ. Онъ наклонился, и черезъ минуту утята уже свободно плескались въ водѣ. Мать вылетѣла на прозрачную поверхность. По ея зову утята поспѣшили ее окружить. Она и не подозрѣвала, что этотъ чѣловѣкъ ея другъ; она не знала, что это то божество, одного присутствія котораго было достаточно, чтобы прогнать лисицу и избавить ихъ отъ страшной опасности, — его племя слишкомъ долго преслѣдовало ея племя, и она продолжала ненавидѣть его до конца дней своихъ.

Ея первыми побужденіями было увести утятъ отъ него подальше. Она поплыла

Путешествіе дикой утки.

съ ними прямо черезъ весь прудъ, что было большой ошибкой, потому что тутъ-то она могла подвергнуть дѣтей нападенію другихъ, дѣйствительно опасныхъ враговъ. Тотъ же громадный болотный ястребъ увидалъ ихъ и сталъ спускаться, рассчитывая захватить въ каждую лапу по утенку.

— Спасайтесь въ камыши! — вскрикнула Зеленое Крыло; и всѣ они туда устремились, быстро работая маленькими лапками, насколько позволяла имъ это сильная усталость. — Плывите скорѣй! Скорѣй! — кричала мать. Но ястребъ былъ уже совсѣмъ близко. Несмотря на ихъ быстрый ходъ, онъ черезъ минуту долженъ былъ ихъ настичь. Они были еще слишкомъ малы и не умѣли нырять. Казалось, спасенія не могло быть, какъ вдругъ, въ то самое мгновеніе, какъ ястребъ нацѣлился, сообразительная мать окунулась и, зачерпнувъ воды и пустивъ въ ходъ лапы и крылья, изо всей силы обдала ею ястреба. Тотъ былъ пора-

Въ эту минуту она обдала его цѣлымъ потокомъ воды.

Путешествіе дикой утки.

женъ неожиданностью и поднялся на воздухъ, чтобы отряхнуться, а мать тѣмъ временемъ подбодряла дѣтенышей. Они, дѣйствительно, крѣпились. Но ястребъ опять нагрянулъ и опять былъ отраженъ потокомъ брызговъ. Три раза онъ налеталъ, и три раза она его окачивала, пока птенцы не укрылись въ гостепріимныхъ камышахъ. Свирѣпый ястребъ тогда набросился на мать; но она умѣла нырять и, въ послѣдній разъ разбросавъ брызги, легко скрылась подъ водой.

Она вынырнула въ глубинѣ камышей и тихо pozwala: «квээкъ, квээкъ!» Девять усталыхъ крошекъ собрались около нея, и тутъ только они могли, наконецъ, спокойно отдохнуть.

Но это еще не все. Не успѣли они начать лакомиться личинками насѣкомыхъ, какъ послышалось отдаленное «пи-и-пи-и». Зеленое Крыло снова издала материнское «кве-э-э-э-к-къ». И сквозь осоку, перебирая ножками, какъ взрослый, важно вы-

Путешествіе дикой утки.

плыль недостающій птенчикъ, котораго унесъ ястребъ.

Когти не причинили ему вреда. Доблестный королекъ перехватилъ ястреба надъ прудомъ. При первомъ ударѣ его клюва ястребъ закричалъ и выронилъ свою добычу; утенокъ невредимо упалъ въ воду и спасся въ камыши, гдѣ дождался матери и братьевъ. Тутъ они всѣ счастливо прожили на большомъ пруду, пока не выросли и не улетѣли на собственныхъ крыльяхъ.

ПРИКЛЮЧЕНІЯ
ЩЕНКА.

Приключенія щенка.

I.

Чинкъ достаточно подросъ, чтобы вообразить себя замѣчательной собакой; и онъ дѣйствительно былъ замѣчателенъ, но далеко не въ томъ смыслѣ, въ какомъ самъ себѣ это представлялъ. Онъ не былъ ни свирѣпъ, ни страшенъ, ни силенъ, ни быстроногъ, а представлялъ собою самую неугомонную, добродушную и глуповатую собачонку, которая когда-либо рвала въ клочья хозяйскіе сапоги. Его хозяинъ Билль Обрей, былъ старый горецъ, поселившійся подъ вершиной Гарнетъ, въ Иеллостоунскомъ паркѣ. Это былъ тихій уголокъ, въ сторонѣ отъ мѣстностей, посѣщаемыхъ туристами, и стоянка Билля до на-

Приключенія щенка.

шего появления была бы очень пустыннымъ мѣстомъ, если бы не присутствіе товарища—неугомонной косматой собачки.

Чинкъ не могъ оставаться спокойнымъ и пяти минутъ. Въ самомъ дѣлѣ, онъ готовъ былъ исполнить всякое приказаніе, исключая одного: посидѣть смирно. Онъ всегда старался выкинуть какую-нибудь нелѣпую и невозможную штуку; а если и пробовалъ исполнить возможное, то обыкновенно портилъ свои лучшія начинанія приемами, которыми брался за дѣло. Однажды онъ провелъ цѣлое утро, стараясь взобраться на высокую, прямую сосну, въ вѣтвяхъ которой притаилась дразнившая его бѣлка.

Завѣтной мечтой его жизни въ теченіе нѣсколькихъ недѣль было стремленіе поймать одного изъ тѣхъ тарабагановъ, похожихъ на вкопанные деревянные колышки, которыми кишѣла лужайка около стоянки. Эти маленькія животныя имѣютъ обыкновеніе сидѣть, выпрямившись на заднихъ

Приключенія щенка.

лапкахъ, съ прижатыми къ тѣлу передними, такъ что на извѣстномъ разстояніи они кажутся воткнутыми въ землю колышками. Часто по вечерамъ, когда мы выводили лошадей, чтобы привязать ихъ на ночь, мы направлялись къ тарабагану, принимая его за «приколь», и замѣчали свою ошибку только тогда, когда тарабаганъ съ вызывающимъ пискомъ исчезалъ подъ землей.

Съ перваго же дня своего появленія въ долину Чинкъ твердо рѣшилъ поймать одного изъ тарабагановъ. Конечно, онъ принялся за это по обыкновенію своеобразнымъ способомъ, т.-е., начавъ дѣло не съ того конца. Бя хозяинъ объяснялъ эту черту его характера тѣмъ, что она была въ крови у собаки. Итакъ, Чинкъ начиналъ свою стойку за четверть мили отъ тарабагана. Начиналъ онъ съ того, что ползъ на животѣ около ста ярдовъ отъ кочки до кочки; когда же нервное напряженіе становилось слишкомъ сильно и возбужденіе не позволяло ему дольше ползти, онъ вска-

Приключенія щенка.

кивалъ на ноги и напрямикъ устремлялся на тарабагана, который ожидалъ его у своей норы, вполне понимая происходящее. Минуту спустя послѣ этого открытаго наступленія волненіе Чинка брало верхъ надъ всякой осмотрительностью. Онъ бросался бѣжать, и какъ разъ въ ту минуту, когда ему надлежало сдѣлать самую искусную стойку, онъ съ лаемъ и прыжками направлялся къ неподвижно, какъ воткнутый въ землю деревянный колъ, сидящему тарабагану, который въ послѣднюю минуту съ насмѣшливымъ пискомъ уходилъ въ землю, бросая задними лапками въ жадную раскрытую пасть Чинка цѣлую кучу песка.

Это повторялось изо дня въ день съ поразительнымъ однообразіемъ, но Чинкъ не сдавался. Ему казалось, что настойчивость должна восторжествовать, и онъ не ошибся. Ибо однажды послѣ необыкновенно искусной стойки надъ особенно красивымъ тарабаганомъ, выполнивъ во всей

Приключенія щенка.

полногѣ свою нелѣпую тактику съ исключительнымъ бурнымъ натискомъ, онъ дѣйствительно схватилъ свою жертву; но на этотъ разъ она оказалась деревяннымъ коломъ. Всякому, кто любопытствуетъ узнать, что чувствуетъ собака, когда она свалила дурака, стоило бы въ тотъ день взглянуть на Чинка, въ то время какъ онъ съ глупымъ видомъ робко крался позади палатки, боясь быть замѣченнымъ.

Но неудача не долго угнетала Чинка. Онъ обладалъ извѣстной дозой ирландскаго упорства, которое помогало ему переносить превратности судьбы, и ничто не могло поколебать его жизнерадостности. Во все, за что онъ ни принимался, онъ вносилъ избытокъ энергіи и минимальную дозу благоразумія, счастливый уже тѣмъ, что онъ на ногахъ и чѣмъ-нибудь занять. Онъ не пропускалъ ни телѣги, ни человѣка, ни лошади, ни пасущагося теленка, чтобы не погнаться за ними; и если изъ караульни случайно забредала кошка, онъ считалъ

Приключенія щенка.

своей священной обязанностью по отношенію къ солдатамъ, кошкѣ и себѣ самому гнать ее домой во всю мочь. Онъ по двадцати разъ въ день кидался за старой шляпой, которую Билль держалъ спеціально для того, чтобы бросать ее въ осиное гнѣздо съ приказаніемъ: «подай сюда!» На горькіе опыты потребовалось много времени. Чинкъ постепенно узнавалъ, что на свѣтѣ существуютъ длинныя кнуты, что телѣги сопровождаютъ большія, свирѣпыя собаки; что у лошадей на ногахъ имѣются зубы; что у телятъ есть родственники съ дубинами на головѣ; что тяжелая на подъемъ кошка можетъ превратиться въ хорька, и что осы — не бабочки. Да, времени потребовалось много, но результаты сказались. Чинкъ началъ проявлять крупницу — едва замѣтную, но все же несомнѣнную крупницу — собачьяго здраваго смысла.

Приключенія шенка.

II.

Говоря иносказательно, всѣ промахи Чинка какъ бы составляли неотесанные и безо всякой симметрии расположенные камни арки, у которой не хватало своднаго камня. Этимъ-то камнемъ, увѣнчавшимъ зданіе, т.-е. закалившимъ его характеръ и выработавшимъ въ немъ стойкость и выдержку, было его состязаніе съ крупнымъ койотомъ (луговой волкъ). Этотъ койотъ жилъ поблизости нашего лагеря и несомѣнно, какъ и всѣ прочія животныя, сознавалъ, что возбраняется стрѣлять, ставить западни, охотиться или какимъ бы то ни было другимъ способомъ тревожить дикихъ звѣрей въ паркѣ, а въ особенности въ этой мѣстности, примыкающей къ караульнѣ, гдѣ солдаты всегда стояли на часахъ. Увѣренный въ безопасности, койотъ каждую ночь бродилъ вокругъ лагеря въ поискахъ объѣдковъ. Сперва я въ

Приключенія щенка.

пескъ находилъ только его слѣды, какъ будто онъ кружился возлѣ лагеря, не рѣшаясь къ нему подойти. Затѣмъ намъ удалось нѣсколько разъ подслушать его вечернюю чарующую пѣснь послѣ заката солнца или незадолго до его восхода; и, наконецъ, я началъ ежедневно находить его слѣды въ пыли около ведра съ отбросами, когда выходилъ утромъ, чтобы угадать по слѣдамъ, какіе звѣри гостили у насъ ночью. Набравшись смѣлости, онъ сталъ иногда бродить около лагеря и днемъ. Сначала робко, затѣмъ съ постепенно возрастающей увѣренностью, довольный предоставленными ему льготами, онъ сталъ появляться не только каждую ночь, но вертѣлся тутъ почти цѣлый день, подкрадываясь, чтобы стащить что-нибудь съѣдобное; или усаживался на виду на какомъ-нибудь пригоркѣ на приличномъ разстояніи.

Однажды утромъ, когда онъ усѣлся на валу, въ какихъ-нибудь пятидесяти яр-

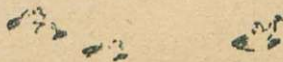
Приключенія щенка.

дахъ, кто-то изъ насъ, будучи въ шутовскомъ настроеніи, воскликнулъ: — Чинкъ, видишь ты этого койота, который издали скалитъ на тебя зубы? Пойди-ка, прогони его.

Чинкъ всегда слушался приказаній, и вотъ, сгорая желаніемъ отличиться, онъ помчался за койотомъ, который легко отъ него ускакалъ, и тутъ началась гонка на четверть мили; но она показалась пустякомъ, когда койотъ обратился противъ своего преслѣдователя.

Чинкъ сразу сообразилъ, что попалъ въ плохую передѣлку и напрягъ всѣ мускулы, чтобы добѣжать до лагеря. Но койотъ оказался быстрѣе и скоро догналъ врага, кусая его то въ одинъ, то въ другой бокъ съ видимымъ наслажденіемъ и какъ бы желая излить на него весь имѣвшійся въ его распоряженіи запасъ издѣвательствъ.

Чинкъ таякалъ, вылъ и мчался изо всей мочи, но его мучитель не далъ ему пере-

Приключенія щенка.

дохнуть, пока не пригналъ въ лагерь; долженъ сознаться, что мы, пожалуй, присоединились къ веселію койота, и щенокъ не нашелъ въ насъ должнаго сочувствія за исполненіе, съ ущербомъ для себя, даннаго приказа.

Такого опыта, даже и въ меньшемъ размѣрѣ, было достаточно, чтобы охладить пылъ Чинка. Съ тѣхъ поръ онъ рѣшилъ оставить койота въ покоѣ.

Но не такъ думалъ койотъ. Онъ избрѣлъ новую и крайне веселую забаву. Онъ ежедневно появлялся вблизи лагерь, прекрасно зная, что никто не осмѣлится его подстрѣлить. Дѣйствительно, всѣ ружейные замки были запечатаны мѣстной администраціей, и солдаты бдительно охраняли законъ. Съ этихъ поръ койотъ выжидалъ удобнаго случая, чтобы подразнить Чинка. Собачонка убѣдилась, что стоило ей отойти одной на сто ярдовъ отъ лагерь, какъ койотъ не преминетъ послѣдовать за ней, будетъ кусать и гнать ее, по-

Приключенія щенка.

ка не водворить обратно въ палатку хозяина.

Такъ продолжалось изо дня въ день, пока жизнь Чинка не превратилась въ пытку. Онъ не дерзалъ отходить одинъ на пятьдесятъ ярдовъ отъ палатки; даже когда онъ сопровождалъ насъ въ поѣздкахъ верхомъ, этотъ злой и безстыдный койотъ не выпускалъ его изъ виду, слѣдуя за нами сбоку или сзади, ища случая насолить бѣдному Чинку и отравить ему прогулку, самъ все время держась отъ насъ на почти-тельномъ разстояннн и отступая еще дальше, если мы останавливались, чтобы набрать камней.

Въ одинъ прекрасный день Обрей перенесъ свою палатку на цѣлую милю вверхъ по рѣкѣ, и мы съ тѣхъ поръ рѣже стали видѣть койота по той простой причинѣ, что онъ, какъ и всѣ не встрѣчающія сопротивленія забіяки, съ каждымъ днемъ становился все свирѣпѣе и наглѣе, такъ что жизнь бѣднаго Чинка стала сплош-

Приключенія щенка.

нымъ терзаніемъ, надъ которымъ его хозяинъ только посмѣивался.

Перенося свою палатку, Обрей сослался на то, что ему нуженъ лучшій кормъ для лошади. Но вскорѣ выяснилось, что онъ искалъ одиночества, чтобы насладиться бутылкой виски, которую ему удалось откуда-то добыть. Но одна бутылка служила только началомъ дальнѣйшаго искушенія. На слѣдующій день онъ сѣлъ на лошадь, сказавъ Чинку: «сторожи палатку», и ускакалъ въ горы, направляясь въ ближайшій кабачокъ. А Чинкъ смиренно свернулся на мѣшкѣ.

III.

Несмотря на свою безтолковость невольнѣ взрослой собаки, Чинкъ былъ вѣрнымъ сторожевымъ псомъ, и хозяинъ зналъ, что вполнѣ могъ ему довѣрить охрану своей палатки.

Вечеромъ мимо проходилъ горецъ. Когда онъ былъ на такомъ разстояніи, что голосъ

Чинкъ, дрожа отъ страха, стоялъ у входа.

Приключенія щенка.

его могъ быть услышанъ, онъ по обычаю крикнулъ: — Эй, Билль, послушай! А, Билль?

Не получивъ отвѣта, онъ подошелъ къ двери, гдѣ былъ встрѣченъ «страннаго вида существомъ съ ошетинившеюся шерстью»; и Чинкъ, такъ какъ это былъ онъ, неоднократно злобѣщимъ рычаніемъ далъ ему понять, что дальше итти нельзя.

Горецъ сообразилъ, въ чемъ дѣло, и продолжалъ путь. Насталъ вечеръ, а хозяинъ не возвращался, чтобы облегчить участь Чинка, который начиналъ чувствовать сильный голодъ.

Въ палаткѣ было завернутое въ мѣшокъ свиное сало, но оно было неприкосновенно. Хозяинъ велѣлъ его «караулить», и Чинкъ предпочелъ бы умереть съ голоду, чѣмъ дотронуться до него.

Онъ отважился выйти на поляну въ надеждѣ отыскать мышъ или вообще что-нибудь съѣдобное, чтобы утолить муки голода, какъ вдругъ выскочилъ несносный

Приключенія щенка.

койотъ и пустился за нимъ въ обычную погоню, пока тотъ не спасся обратно въ палатку. Съ нимъ вдругъ произошла перемѣна. Внезапно пришедшее сознание долга преобразило его, приподняло его настроеніе, подобно тому какъ беспомощный пискъ котенка превращаетъ кошку въ тигрицу.

Онъ былъ только щенкомъ, во многихъ отношеніяхъ неразумнымъ, но природою въ него была заложена мощь, которая должна была развиться съ годами. Въ ту минуту, какъ койотъ собрался проникнуть въ палатку,—шутка сказать, въ хозяйскую палатку! — Чинкъ, забывъ свой личный страхъ, какъ демонъ ринулся на врага.

Животныя инстинктивно различаютъ добро и зло. Они понимаютъ разницу между нравственной отвагой и трусостью. Нравственное право было всецѣло на сторонѣ маленькой перепуганной собачки, и оба животныя, казалось, сознавали это. Койотъ отступилъ, дико рыча, и поклялся на своемъ койотскомъ нарѣчій въ самомъ

Приключенія щенка.

скоромъ времени разорвать собаку въ клочки. Но онъ все-таки не посмѣлъ переступить порога палатки, несмотря на то, что раньше твердо намѣревался это сдѣлать. Тутъ началась настоящая осада; ибо койотъ возвращался каждую минуту, ходилъ кругомъ палатки, презрительно взрывалъ землю задними ногами или шелъ прямо къ открытой двери, гдѣ его, лицомъ къ лицу, встрѣчалъ бѣдный маленькій Чинкъ, полуживой отъ страха, но полный отваги, какъ только замѣчалъ попытку нанести ущербъ хозяйскому добру, довѣренному его охранѣ.

Все это время Чинку было нечего ѣсть. Ему удавалось разъ или два въ день прокрасться наружу, глотнуть воды изъ находящагося поблизости ручья, но настоящей пищи онъ добыть не могъ. Онъ могъ бы прорвать дыру въ мѣшкѣ и поѣсть свиного сала, но не рѣшался, такъ какъ оно было ему довѣрено; или онъ могъ улучшить удобную минуту, чтобы бросить свой постъ

Приключенія щенка.

и пробраться въ нашъ лагерь, гдѣ его, конечно, сытно бы покормили. Но нѣтъ; несчастіе выработало въ немъ настоящую собачью преданность. Онъ ни за что не соглашался обмануть довѣріе хозяина. Онъ готовъ былъ, если нужно, околотъ на своемъ посту, въ то время какъ его хозяинъ предавался пьянству.

Четыре дня и столько же ночей провелъ Чинкъ на своемъ посту, геройски охраняя палатку и хозяйское добро отъ койота, передъ которымъ онъ питалъ смертельный страхъ. Только на пятое утро къ Обрею вернулась способность понимать тотъ фактъ, что онъ находится внѣ дома и что его стоянку въ горахъ сторожить всего только одна маленькая собака. Онъ усталъ отъ кутежа, влѣзъ на лошадь и поѣхалъ по горамъ. Онъ былъ трезвъ, но пошатывался. На полпути его отуманенные мозги начали понемногу проясняться, и онъ вдругъ вспомнилъ, что оставилъ Чинка безъ пищи. «Надо надѣяться, что онъ не испор-

Приключенія щенка.

тилъ свиного сала», подумалъ онъ и, прибавивъ ходу, доѣхалъ до выступа, откуда открывался видъ на палатку. Тамъ у самой двери, скаля другъ на друга зубы съ глухимъ рычаніемъ, стояли большой свирѣпый койотъ и бѣдный маленькій Чинкъ.

— Чортъ бы меня побралъ!—воскликнулъ Обрей.—Я совсѣмъ забылъ про этого проклятаго койота. Бѣдный Чинкъ! Какое ужасное время ему пришлось пережить. Удивительно, что онъ не изжевалъ всю палатку въ куски.

Да, онъ стоялъ, дѣлая послѣднюю стойку. Его ноги подкашивались отъ страха и голода, но онъ старался казаться храбрымъ и, повидимому, болѣе, чѣмъ когда-либо, готовъ былъ околѣть, защищая палатку.

Однимъ взглядомъ своихъ холодныхъ сѣрыхъ глазъ горецъ сейчасъ же понялъ, въ чемъ дѣло. Въѣхавъ на гору и увидавъ нетронутое сало, онъ убѣдился, что Чинкъ ничего не ѣлъ съ минуты его отъѣзда. Когда же щенокъ, дрожа отъ страха и

Приключенія щенка.

слабости, подползъ къ нему и, смотря ему въ лицо, сталъ лизать его руку, какъ бы говоря: «вотъ, я исполнилъ, что мнѣ было приказано»—Обрей не выдержалъ. Слезы стояли у него въ глазахъ, пока онъ спѣшилъ накормить маленькаго героя. Затѣмъ онъ повернулся къ нему и сказалъ:—Чинкъ, вѣрный другъ, я поступилъ съ тобой плохо, а ты со мной—благородно. Никогда больше не буду кутить безъ тебя; я готовъ сдѣлать для тебя все, что пожелаешь, только не знаю,—что. Разъ ты не пьешь, я очень мало могу для тебя сдѣлать, но по крайней мѣрѣ постараюсь избавить тебя отъ самой большой муки твоей жизни—насчетъ этого будь покоенъ.

Затѣмъ съ верхняго шеста онъ снялъ гордость своего сердца, бережно хранимую магазинку, и, не взвѣсивъ послѣдствій, сломалъ правительственную печать, сургучные орлы на красной тесьмѣ, и направился къ двери.

Койотъ сидѣлъ на нѣкоторомъ разстоя-

Приключенія щенка.

ни съ обычной мефистофельской усмѣшкой; но курокъ былъ спущенъ, и царство страха для Чинка кончилось.

Что за бѣда, что появились солдаты и констатировали, что законъ парка нарушенъ, такъ какъ Обрей застрѣлилъ одного изъ животныхъ этого парка? Какое было дѣло Обрею до того, что у него отняли и уничтожили ружье, что его со всѣми его снаряженіями изгнали изъ парка съ угрозой подвергнуть тюремному заключенію, если онъ дерзнетъ вернуться? Какое ему было дѣло до всего этого?

— Такъ слѣдовало, — сказалъ старый Обрей. — Я учинилъ эту штуку, спасая вѣрнаго друга, который пристыдилъ меня своимъ благородствомъ.

Они спасались отъ врага.

КЕНГУРОВАЯ КРЫСА.

Кенгуровая крыса.

I.

Я жилъ на Куррумпо въ вырубленномъ въ скалахъ невзрачномъ, грязномъ рангѣ. Стѣнная штукатурка была глиняная, крыша и стѣны состояли изъ сухой глины, большая окрестная рѣчная долина представляла изъ себя сплошную песчаную глину, а холмы на разстояніи мили—груды глины, которымъ морозъ и дождь придали самыя причудливыя очертанія; кое-гдѣ виднѣлись пласты лавы, предохраняющей отъ разрушенія вышепоименованными неутомимыми скульпторами какой-нибудь нужный глиняный зубецъ.

Мѣстность казалась мало заманчивой для человѣка, прибывшаго изъ сочныхъ и пло-

243

16*

Кенгуровая крыса.

доносныхъ прерій Манитобы; но чѣмъ больше я ее узнавалъ, тѣмъ больше находилъ въ ней сходство съ земнымъ раемъ. Ибо въ каждомъ изъ растущихъ по извилинамъ рѣки, пробирающейся по долинамъ живописной лентой, виргинскихъ тополей, въ каждомъ колючемъ низкоросломъ кустѣ, въ самой незначительной поросли сорной травы клокотала жизнь.

Подразумѣвается, что человѣкъ и птицы пользуются землей при дневномъ освѣщеніи, оттого ночь отдана въ распоряженіе четвероногихъ. Для того, чтобы постоянно имѣть неусыпный надзоръ за всѣми ихъ дѣйствіями, я каждую ночь, передъ тѣмъ какъ лечь въ постель, тщательно метлой уравнивалъ пыль кругомъ хижины и на двухъ дорожкахъ, ведущихъ одна къ роднику, а другая къ загону черезъ старое жнивье, до сихъ поръ сохранившее за собой названіе «сада».

Всякое утро я испытывалъ чувство ребенка, поджидающаго рождественскаго

Кенгуровая крыса.

почтальона, или рыбака, закинувшего свою большую сѣть, — такъ я сторалъ нетерпѣніемъ узнать, что было припасено для меня.

Не проходило утра безъ того, чтобы звѣри не дали о себѣ знать. Почти каждый день одинъ или два хорька приходили собирать со стола крошки, въ своихъ поискахъ заглядывая во всѣ запрещенныя мѣста. Разъ или два заходилъ дикій котъ. Въ одно прекрасное утро въ пыли нашлось подробное донесеніе о томъ, какъ поссорились котъ съ хорькомъ.

Было до очевидности ясно, что котъ долженъ былъ скороговоркой (конечно, на своемъ нарѣчїи) произнести: «Очень извиняюсь, я принялъ васъ за кролика; ручаюсь, что подобная ошибка впредь не повторится».

Нѣсколько разъ былъ замѣченъ злобщій слѣдъ бѣшенаго кота. Однажды, вверхъ по тропинкѣ, отпечатлѣлся даже огромный, широкій слѣдъ волка, царя

Кенгуровая крыса.

здѣшнихъ краевъ, доходившаго до самой двери. По мѣрѣ приближенія къ жилищу слѣды становились чаще. Повидимому, онъ тотчасъ тѣмъ же порядкомъ повернулъ обратно и отправился по дѣламъ въ другую сторону. Заходили кролики, койоты, и всѣ оставляли мнѣ на память о своемъ посѣщеніи нѣсколько своеобразныхъ строкъ,—которыя на слѣдующее утро доходили до адресата. Но вдоль и поперекъ всѣхъ прочихъ слѣдовъ всегда виднѣлся отпечатокъ какъ бы кружевной ткани самой тонкой и замысловатой выдѣлки съ какъ бы продѣтыми въ нее волнообразными нитями. Часто недоставало другихъ слѣдовъ, но этотъ послѣдній неизмѣнно былъ налицо каждое утро, и не было сомнѣнія, что онъ отпечатался въ предыдущую ночь. Но рисунокъ такъ многократно повторялся и переплетался, что невозможно было прослѣдить одну какую-нибудь линію. Сначала мнѣ казалось, что эта ткань была отпечаткомъ слѣдовъ

Кенгуровая крыса.

какихъ-нибудь двуногихъ, за каждымъ изъ которыхъ по пятамъ слѣдовалъ его дѣтенышъ.

Двѣ ноги имѣютъ только люди и птицы, но было несомнѣнно, что это не были слѣды птицъ. Стараясь доискаться правды, я сопоставилъ факты, о которыхъ свидѣтельствовала пыль. Во-первыхъ, я нашелъ доказательство, что изрядное количество тоненькихъ двуногихъ существъ, обутихъ въ мѣховыя туфельки, приходятъ танцовать при лунномъ сіяніи. Каждого изъ нихъ при выкидываніи пируэтовъ по пятамъ сопровождаетъ еще болѣе крошечное существо той же породы, какъ бы исполняющее должность пажа. Они неизвѣстно откуда появляются и такимъ же путемъ исчезаютъ. По желанію они надѣваютъ шапку-невидимку, ибо иначе какъ бы имъ ускользнуть отъ вѣчно бдительнаго ока койотовъ?

Будь это въ Англіи или Ирландіи, любой крестьянинъ не задумался бы объ-

Кенгуровая крыса.

яснить это явленіе невидимыхъ паръ крошечныхъ мѣховыхъ сапожковъ, танцующихъ при лунномъ свѣтѣ. Господи, да всякій дуракъ знаетъ, что это продѣлки «фей»!

Но въ Новой Мексикѣ я никогда не слыхивалъ о феяхъ. Ни въ одной изъ здѣшнихъ книгъ не упоминалось объ ихъ существованіи.

Если бы это было возможно! Какъ бы это было чудесно! Я съ радостью повѣрилъ бы. Христіанъ Андерсенъ непременно повѣрилъ бы и заставилъ бы повѣрить другихъ. Но для меня, къ сожалѣнію, это было невозможно, потому что очень, очень давно, когда душа моя стояла на распутьи двухъ дорогъ, гдѣ слѣва было написано «Аркадія», а направо «Наука», я выбралъ правый гористый и кремнистый путь. Я отказался отъ волшебныхъ видѣній для... я самъ не знаю для чего. Итакъ, я былъ въ недоумѣніи и въ высшей степени заинтригованъ; помня, изъ прежняго опыта, что

Кенгуровая крыса.

въ такихъ случаяхъ особенно важно предоста-
вить достаточное пространство въ рас-
поряженіе ночныхъ посѣтителей, которые
удостоивали меня своими автографами, я
съ особымъ тщаніемъ вымелъ большую
площадь, такъ что получилась гладкая
пыльная пелена, которую вѣтеръ, принес-
шій аромат шалфея, еще чище вымелъ;
и я такимъ образомъ получилъ возмож-
ность прослѣдить одну опредѣленную ли-
нію кружевного узора.

Она углублялась внизъ по дорожкѣ и
вела къ шести старымъ пнямъ, называе-
мымъ «садомъ», потомъ, оставляя ясный
слѣдъ въ пыли, сворачивала въ сторону и,
казалось, оканчивалась у травянистаго хол-
мика, въ которомъ было сдѣлано нѣсколь-
ко маленькихъ отверстій, каковыя шли не
вглубь, а по тому же уровню.

Я поставилъ силокъ у этихъ дыръ и
на слѣдующее утро поймалъ свою «фею».
Это было прелестнѣйшее, изящнѣйшее
крошечное существо, которое когда-либо

Кенгуровая крыса.

одѣвалось въ мѣхъ цвѣта лани. Большіе чудные глаза, какъ у лани,—нѣтъ, не какъ у лани, потому что ни у какой лани никогда не было такихъ прекрасныхъ, невинныхъ свѣтло-коричневыхъ глазъ; уши, какъ прозрачныя морскія раковины съ розовыми жилками, заключавшими въ себѣ жизненную влагу. Его заднія ноги были большія и сильныя; но переднія,—т.-е., я хочу сказать, руки—были совсѣмъ крохотныя, розовато-бѣлыя, кругленькія, съ ямочками какъ у ребенка, только бѣлѣе и меньше, чѣмъ кончикъ дѣтскаго пальчика. Шея и грудь отличались снѣжной бѣлизной. И какъ оно ухитряется соблюдать подобную чистоту въ этомъ царствѣ грязи! Сзади, на нижней части его бархатныхъ коричневыхъ гамашъ, виднѣлась тончайшая серебристо-бѣлая полоска, какъ на кавалерійскихъ рейтузахъ. Хвостъ, т.-е. шлейфъ, который во время танцевъ, по моему предположенію, долженъ былъ поддерживать нажъ, былъ необыкновенно длиненъ и

Кенгуровая крыса.

украшенъ, подъ стать рейтузамъ, двумя длинными бѣлыми полосами, оканчиваясь перистой метелкой, которая была очень красива, но которую я считалъ совершенно излишней, пока не убѣдился, что она исполняла очень полезныя функціи.

Его движенія какъ разъ соотвѣтствовали тому представленію, которое можно было себѣ составить о столь изящномъ созданіи. Оно плѣнило меня, когда я могъ судить о немъ только по слѣдамъ, а при первой встрѣчѣ оно окончательно покорило мое сердце.

Этакая рѣдкая красота! Ты была такой загадочной невидимкой, что я уже начиналъ думать, что ты фея; но теперь я знаю, что слышалъ о тебѣ раньше. Ты *Perodipus ordi*, иногда называемая кенгуровой крысой.

Я очень тебѣ признателенъ за кружевные узоры, которые ты для меня вывела, и за красивые стихи, которые ты мнѣ написала, хотя я и не могъ прочесть ихъ

Кенгуровая крыса.

цѣликомъ; и я терпѣливо жду, чтобы ты ихъ перевела на удобопонятный мнѣ языкъ, иначе говоря, я готовъ присѣсть у твоихъ прелестныхъ ножекъ и учиться.

II.

Такъ какъ всѣмъ давно извѣстно, что изящнѣйшіе цвѣты вырастаютъ изъ грязи, я совсѣмъ не былъ удивленъ, что жилище *Perodipus*'а находится въ подземельѣ. Безъ сомнѣнія, эти чудные глаза и длинные щупальцы должны были помогать ему ориентироваться въ темныхъ коридорахъ его подземнаго обиталища.

Поступокъ мой можетъ показаться безжалостнымъ, но я сторалъ такимъ нетерпѣніемъ поближе съ нимъ познакомиться, что вознамѣрился освѣтить его гнѣздо дневнымъ свѣтомъ и нѣкоторое время продержать его самого въ плѣну, слѣдуя примѣру моего учителя естественной исторіи.

Я переселилъ этого одѣтаго въ плюшъ

Кенгуровая крыса.

малютку въ большую коробку, выложенную жестью и наполовину наполненную разрыхленной землей. Затѣмъ я взялъ съ собой лопату, чтобы при ея посредствѣ осторожно прослѣдить и проникнуть тайны міра, въ которомъ жили коричневыя существа, къ которымъ принадлежала моя плѣнница.

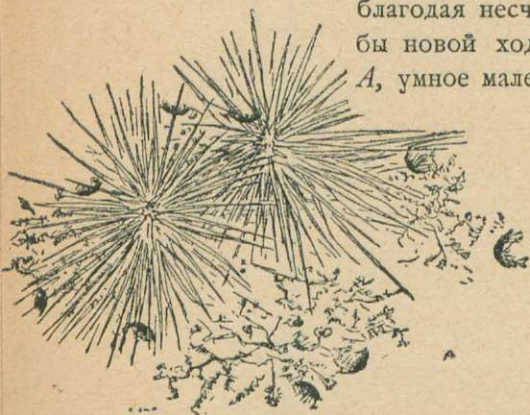
Я началъ съ того, что составилъ диаграмму опредѣленнаго масштаба данной мѣстности, такъ какъ наука требуетъ измѣренія, и съ тѣхъ поръ, какъ я избралъ этотъ путь, я всегда искалъ точныхъ данныхъ. Затѣмъ я нарисовалъ растенія, покрывающія низкій холмикъ. Тамъ росли три большихъ колючихъ репейника и два крѣпкихъ «испанскихъ штыка», небезопасныхъ для неосторожнаго посѣтителя. Потомъ я открылъ девять воротъ. Но отчего же именно девять? Символь девяти музъ? Девяти жизней? Ничего подобнаго. *Perodipus* не витаетъ въ облакахъ. Ихъ было девять просто потому, что слу-

Кенгуровая крыса.

чайно образовалось девять прямых ходовъ въ крѣпость *Perodipus'a*. Другой холмикъ могъ имѣть три или двадцать три входа, въ зависимости отъ мѣстоположенія или отъ нуждъ обитателей.

Надъ каждымъ изъ этихъ девяти отверстій неусыпно бодрствовалъ вооруженный колючкой неподкупный часовой, такъ что въ какое бы время койотъ — этотъ сатана маленькаго мірка здѣшнихъ прерій — ни появился среди танцующихъ при лунномъ свѣтѣ крошечныхъ созданий, каждое изъ нихъ всегда успѣвало спастись въ домъ черезъ одну изъ дверей, въ полной увѣренности, что его защититъ безстрашный хорошо вооруженный стражъ, который скажетъ койоту на всѣмъ понятномъ языкѣ: «Стой! Уходи, или я проколю тебя!»

И я совершенно увѣренъ, что, если бы, благодаря несчастной случайности, открылся бы новой ходъ, скажемъ, по направленію *A*, умное маленькое животное не замедлило

Кенгуровая крыса.

бы продѣлать тутъ же новую дверь для собственнаго пользованія. Благодаря «испанскому штыку», скоть и другія тяжело ступающія животныя не топтали холмикъ, и, когда ночью *Perodipus*'у приходилось спастись домой отъ какого-нибудь быстрого врага, высокое темное очертаніе дружественнаго «штыка» служило ему путеводителемъ въ неясномъ лунномъ свѣтѣ. Я вспомнилъ, что лѣтомъ, когда всѣ растенія зелены, штыкъ со своей темной неувядающей окраской не можетъ въ ночное время вполне отвѣчать своему назначенію; но онъ блестяще выходитъ изъ затрудненія, идя навстрѣчу новой потребности. Въ дивную ночь изъ самой середины жесткаго пучка сплошныхъ колючекъ поднимается какъ бы со сторожевой башни великолѣпный кенделябрь съ ярко-бѣлыми цвѣтами, которые сверху свѣтятъ далеко вокругъ, подобно новому небесному созвѣздію. Такимъ образомъ спасительная гавань *Perodipus*'а освѣщена днемъ и ночью.

Кенгуровая крыса.

Я бережно принялся откапывать главную галлерею подземного обиталища моих плясуновъ при лунномъ сяннн и зашелъ не особенно далеко, какъ вдругъ попалъ на что-то такое, что заставило меня отскочить; это оказалось не что иное, какъ ужасное пресмыкающееся свирѣпаго вида, къ которому мексиканцы питають суевѣрный и смертельный страхъ и которое ученые именуютъ *Amblystoma*. Это былъ экземпляръ незначительной величины, но у меня морозъ прошелъ по кожѣ, когда я увидалъ, какъ онъ ударялъ хвостомъ и выдѣлялъ ядовитую слизь. Если онъ могъ до такой степени смутить меня, то что должно было произойти съ маленькимъ кроткимъ *Regodirus* омъ, въ чей домъ онъ собирался вторгнуться? Но по причинѣ, которой я тогда еще не понималъ, пресмыкающееся сверлило своей пастью твердую массу песку, которая составляла конецъ галлерей, куда оно проникло.

Разъ мы разыгрывали «волшебную сказ-

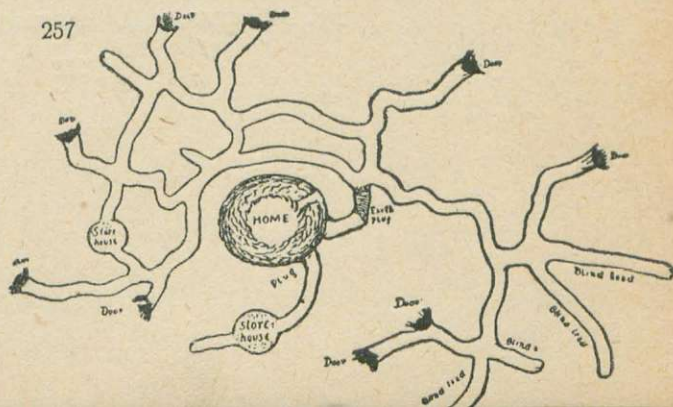
Кенгуровая крыса.

ку», я, исполняющій роль Великана, не преминулъ отправить Дракона въ такое мѣсто, откуда онъ не могъ больше вредить «феямъ».

Послѣ многихъ часовъ терпѣливаго компанія и измѣренія у меня получилась карта подземнаго міра, гдѣ *Perodipus* проводитъ весь день.

Въ центральную комнату можно было почти проникнуть черезъ одинъ изъ входовъ, но человѣкъ, не знающій секрета, могъ легко пройти мимо и выйти наружу въ другую дверь. Все равно, сколько бы разъ онъ ни входилъ, онъ бы никогда не нашелъ самага гнѣзда или самага цѣннаго, что хранилось въ домѣ, такъ какъ доступъ къ нему заграждался землей, каждый разъ какъ его обитатель покидалъ его.

Это-то и случилось съ *Amblistom'o*й; повидимому, она догадывалась о существованіи тайнаго прохода. Вся хитрость заключалась въ томъ, чтобы найти его, и она, безъ сомнѣнія, думала, что онъ долженъ

Кенгуровая крыса.

находиться за той плотной глыбой земли, которую она сверлила. На самомъ же дѣлѣ, она и близко-то не подходила къ тому мѣсту.

Я думаю, что центральная комната не была совсѣмъ лишена воздуха, такъ какъ по - моему, маленькая круглая дырка (см. стр. 257) служила трубой для притока воздуха, но я въ этомъ не увѣренъ, потому что крыша свалилась раньше, чѣмъ я могъ подробно ее разсмотрѣть.

Сама комната была очень большая, двѣнадцати дюймовъ въ длину, восьми въ ширину, съ высокой сводчатой крышей, больше пяти дюймовъ отъ пола, скрѣпленной живыми корнями стараго штыкового дерева, растущаго у двери. Открывъ лазейку въ нее, я думалъ, что нахожусь въ гнѣздѣ; но однако нѣтъ еще. Я наткнулся на плотную массу колючихъ переплетающихся между собою травъ, которыя, вѣроятно, заставили бы *Amblistom'u* повернуть обратно, зайдя она такъ далеко. Съ тру-

Кенгуровая крыса.

домъ проникнувъ сѣвозъ этотъ комъ, я обнаружилъ настоящій входъ, который былъ искусно скрытъ около угла. Потомъ шелъ войлокъ изъ тонкой травы и шелковистыхъ порослей, а внутри подстилка изъ самыхъ мелкихъ перьевъ. Я увѣренъ, что каждая веселая маленькая птичка, живущая въ равнинахъ, непременно пожертвовала свое самое великое перо для украшенія этого гнѣздышка, такъ оно было мягко, красиво и тепло и какъ бы предназначено служить колыбелью розовато-бѣлыхъ мелкихъ жемчужинъ, на которыя похожи дѣтеныши *Perodipus'a*, когда они только что спустились въ подземелье изъ страны Звѣздъ и Аистовъ.

Въ глубинѣ одного изъ уголковъ этой большой залы я нашелъ признаки существованія другого скрытаго прохода. Это было положительно похоже на изслѣдованіе средневѣковаго замка. Когда мнѣ удалось въ него проникнуть, я увидалъ, что

Кенгуровая крыса.

онъ спускается въ большую кладовую, наполненную подсолнухами, собранными въ преріяхъ; количество ихъ должно было превышать пинту. Эта комната была расположена глубже всѣхъ другихъ и въ самой защищенной отъ солнца, тѣнистой части бугорка, чтобы сѣмена не могли ни сопрѣть, ни дать ростковъ. На одномъ концѣ этой комнаты былъ другой тупикъ, который, вѣроятно, временно понадобился для наполненія кладовой, а потомъ былъ наглухо задѣланъ. Этихъ аллей безъ выходовъ было много. Онѣ должны были быть или задѣланными входами или свидѣтельствовали о заранѣе обдуманномъ планѣ сбить съ толку непрошеннаго гостя, не имѣющаго ключа отъ потайной двери.

Затѣмъ была найдена еще комната, другая кладовая, дополнительный запасъ тщательно отобранныхъ сѣмянъ подсолнуха; несмотря на то, что ихъ было около восьмушки пинты, между ними не попадалось ни одного испорченнаго или сморщеннаго.

Кенгуровая крыса.

Но я не засталъ ни одного члена семьи *Perodipus*'а и считаю вѣроятнымъ, что они, услыша мое безцеремонное хозяйничанье, успѣшили спастись черезъ потайной выходъ, который я просмотрѣлъ.

Вотъ каково было жилище моего ночного посѣтителя, умно задуманное и выполненное въ расчетѣ оградить себя отъ всѣхъ случайностей ежедневной жизни.

III.

За моимъ плѣнникомъ я теперь слѣдилъ съ двойнымъ интересомъ. Онъ былъ олицетвореніемъ неутомимой энергіи, и жизнь трепетала во всемъ его существѣ, начиная съ прозрачнаго носа и ушей и до кончика его подвижнаго хвоста. Онъ однимъ прыжкомъ перелеталъ черезъ весь ящикъ, и я теперь понялъ назначеніе его огромнаго хвоста. При необыкновенной длинѣ прыжкахъ, которые дѣлаетъ *Perodipus*, пучокъ шерсти на кончикѣ хвоста помогаетъ

Кенгуровая крыса.

ему въ той же степени, какъ перья—
стрѣлы. Онъ поддерживаетъ его на воз-
духѣ. Онъ даже дѣлаетъ больше, такъ
какъ позволяетъ ему мѣнять направленіе,
когда прыжокъ уже сдѣланъ. А самый
хвостъ служить и для другихъ надобно-
стей. У *Perodipus*'а нѣтъ кармановъ въ
полосатыхъ рейтузахъ, чтобы таскать до-
мой зимніе запасы, но зато въ каждой
щекѣ у него имѣются объемистые карма-
ны, которые онъ можетъ наполнять до
тѣхъ поръ, пока они не раздуются до то-
го, что станутъ шире его самого, и даже
могутъ дойти до того, что ему придется
стигать голову на бокъ, чтобы быть въ со-
стояніи пройти въ главную входную дверь
своего жилища. Такой прибавленный къ
головѣ лишній грузъ конечно перемѣщаетъ
центръ тяжести, рассчитанный на пры-
жокъ съ пустыми карманами. Тутъ-то на
выручку является хвостъ. Его необыкно-
венная длина и величина дѣлаютъ изъ не-
го могучій рычагъ, при помощи котораго

Кенгуровая крыса.

Perodipus, можетъ приспособляться къ грузу и прыгать, соблюдая полное равновѣсіе, несмотря на то, что за щеками несетъ запасъ на цѣлую недѣлю.

Онъ былъ самымъ неутомимымъ землекопомъ, котораго мнѣ когда-либо приходилось встрѣчать. Эти розовато-бѣлыя лапки, величиной не больше карандашнаго штифтика, безъ устали копали и выбрасывали землю между задними ногами тонкой струйкой, подобно паровому плугу. Казалося, въ этой работѣ онъ былъ неутомимъ. Онъ началъ съ того, что вдоль и поперекъ выкопалъ въ землѣ туннели и, безъ сомнѣнія, созидалъ и разрушалъ подземелья самой совершенной конструкціи и разрѣшалъ самыя трудныя задачи быстраго подземнаго сообщенія. Затѣмъ ему вдругъ приходила охота заняться садоводствомъ и, чтобы привести свой планъ въ исполненіе, онъ ночью принимался за географическое измѣненіе мѣстности, усердно образовывая холмы и копая

Кенгуровая крыса.

овраги тамъ, гдѣ это казалось ему нужнымъ.

Въ отведенномъ ему помѣщеніи его особенно привлекалъ одинъ нарисованный пейзажъ. Это было что-то въ родѣ ущелья Колорадо съ горой Санъ-Франциско на краю. Долгое время онъ трудился надъ большимъ камнемъ, стараясь приспособить его на вершину своей горы, но задача оказалась ему не по силамъ, а моею помощью онъ не только не пользовался, но даже злобно къ ней относился. Этотъ камень причинилъ ему много хлопотъ. Онъ не могъ ни употребить его въ дѣло, ни избавиться отъ него, пока не сообразилъ, что онъ, по крайней мѣрѣ, можетъ вытащить изъ-подъ него землю и такимъ способомъ постепенно его спихивать, пока онъ окончательно не очутился на днѣ ящика и больше его не беспокоилъ.

Ему доставляло огромное удовольствіе однимъ прыжкомъ перелетать съ верха Фриско-Пика черезъ большое ущелье на

Кенгуровая крыса.

Юта (двѣсти миль) помѣщавшуюся на противоположной сторонѣ ящика и обратно домой на Пикъ (шесть тысячъ футовъ).

Я наблюдалъ, рисовалъ, изучалъ его, насколько это было возможно, принимая во вниманіе его робость и ночную дѣятельность. Съ каждымъ днемъ восхищеніе мое росло. Его постоянство въ ночныхъ геологическихъ работахъ, которыя онъ самъ себѣ задавалъ, было поразительно. Его способность возводить цѣлыя цѣпи новыхъ горъ казалась чисто вулканической и возбуждала удивленіе. Когда я началъ подозрѣвать о его существованіи, я готовъ былъ дать ему названіе «фей». Когда я увидалъ его, то сказалъ: «Ба, да это всего только кенгуровая крыса». Но послѣ того, какъ я наблюдалъ за нимъ двѣ недѣли въ клеткѣ, я пришелъ къ тому заключенію, что миллионы маленькихъ существъ, обладающихъ такой энергіей, работая тысячи лѣтъ, несомнѣнно могли бы измѣнить всю поверхность земли въ цѣлой странѣ, взявъ въ по-

Кенгуровая крыса.

собники морозъ и дождь, но главнымъ образомъ благодаря неустанному собственному труду. Затѣмъ я долженъ былъ согласиться, что *Perodipus*—болѣе, чѣмъ крыса или духъ; онъ олицетворяетъ собой геологическую эпоху.

IV.

Мнѣ предстоялъ еще опытъ, оказавшійся для меня большимъ сюрпризомъ. Ученые знаютъ, что обыкновенная домовая мышь иногда поетъ пѣсню, напоминающую пѣніе птицъ. Особенно даровитые экземпляры иногда наполняютъ наши чуланы и погреба такой полуночной музыкой, которой могла бы гордиться канарейка. Дальнѣйшія изслѣдованія показали, что дикая мышь, водящаяся въ восточныхъ лѣсахъ Сѣверной Америки, тоже очень талантливая пѣвица.

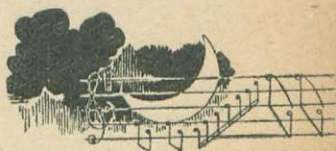
Всякій скотникъ въ равнинахъ плоскогорья скажетъ вамъ, что ночью, когда

Кенгуровая крыса.

спишь подъ открытымъ небомъ, въ дремотѣ часто приходится слышать какіе-то странные звуки птичьяго пѣнія,—нѣжное, сладостное щебетанье съ трелями и болѣе глубокими нотами, и когда потомъ вспоминаешь о нихъ, то приписываешь это какой-нибудь маленькой птичкѣ, поющей во снѣ, или удовлетворяешься маловразумительнымъ объясненіемъ товарища, что это поетъ въ преріяхъ «соловей». Но въ сущь дѣла мало кто вникалъ.

Я часто самъ слышалъ эту ночную пѣсню, но, не будучи въ состояніи добраться до источника ея, приписывалъ ее какой-нибудь маленькой птичкѣ, которой слишкомъ хорошо жилось, чтобы выражать свои чувства при дневномъ свѣтѣ. Нѣсколько разъ я ночью отъ своей плѣнницы слышалъ протяжную ноту, пока не догадался, что это былъ тотъ самый звукъ голоса, который привѣтствовалъ восходящую луну. Къ сожалѣнію, долженъ признаться, что настоящаго пѣнія я отъ него

Кенгуровая крыса.

не слыхалъ, такъ что непреложнаго доказательства не имѣю. Моя плѣнница вовсе не старалась занимать меня. Ея отношеніе ко мнѣ, съ начала до конца, было проникнуто непреклоннымъ презрѣніемъ. Я могу только сказать, что думаю (и надѣюсь), что это былъ тотъ же голосъ. Но мое утвержденіе покоится на научномъ изслѣдованіи. О, зачѣмъ я не избралъ другой пути! Тогда я имѣлъ бы право провозгласить, чего теперъ не смѣю, что сладкозвучный ночной пѣвецъ долинъ и одѣтая въ плюшъ ночная «фея», плясавшая у моей двери — одно и то же.

Но однажды въ ящикѣ произошло новое вздыманіе почвы: моя „Неизмѣримая Сила“ изошрялась въ земныхъ судорогахъ. Она возвела гору не посреди своего царства, какъ прежде, а гораздо дальше, къ югу, въ углу ящика, и гора вышла высокая. Онъ просто уничтожилъ большое ушелье, чтобы пустить въ дѣло матерьялъ его стѣнъ.

Кенгуровая крыса.

Розовыя лапки громоздились все выше и выше, уступъ за уступъ, такъ что головокружительная скалистая вершина поднялась такъ высоко надъ ушедшей отъ нея долиной, какъ никогда раньше этого не было.

Работа подвигалась скоро и, такъ какъ производилась въ самомъ углу ящика, то быстро приближалась къ небу, которое представляла собой крышка, какъ вдругъ случай далъ другое направлѣніе стремленіямъ *Perodipus'a*.

Онъ теперь находился на такой высотѣ, которой еще ни разу не достигалъ со времени своего плѣненія, такъ высоко, что могъ ощупать тонкую тесинку деревянной стѣны, незащищенную жестью. Ему захотѣлось испробовать зубами новое вещество. О, вновь обрѣтенная радость! Его легко было грызть! Онъ принялся за работу со свойственной ему энергіей и черезъ весьма короткое время, пробивъ себѣ дорогу сквозь полудюймовую сосновую

Кенгуровая крыса.

доску, вырвался изъ выложеннаго жестью царства, въ которое его заперли, и тѣмъ положилъ конецъ геологической эпохѣ. Мой профессоръ покинулъ свою кафедру. Мнѣ хотѣлось въ этомъ видѣть непроницаемую тайну, а вмѣсто того природа рассказала мнѣ одну изъ своихъ прелестныхъ волшебныхъ сказокъ.

V.

А теперь моя бывшая плѣнница опять весело носится по глиня и пескамъ долинъ плоскогорья, пролетая открытыя пространства какъ живая перистая стрѣла, соблазняя быстроногого койота сунуть свой злополучный носъ въ кактусовый кустъ, или доказывая совамъ, живущимъ въ преріяхъ, что если онѣ не оставятъ ее въ покоѣ, имъ не будетъ пощады отъ испанскаго штыка; по ночамъ она на гладкомъ мѣстѣ опять рисуетъ свои кружевные узоры, пишетъ стихи съ размѣреннымъ ритмомъ или, присоединившись къ веселой толпѣ

Кенгуровая крыса.

своихъ товарокъ, поетъ и танцуетъ при лунномъ сіяніи.

Нѣжная какъ видѣніе, быстрая какъ сръбла, полная изящества и красоты, съ блестящими глазами, обладающая ключомъ для входа въ подземный міръ, гдѣ она находитъ спасеніе отъ враговъ, развѣ въ своемъ представленіи о ней я былъ такъ далекъ отъ истины? Я дѣйствительно нашелъ «маленькихъ людей», которые, конечно, были ближе, лучше и человѣчнѣе тѣхъ, о крторыхъ говорится въ дѣтскихъ сказкахъ. Избранный мной кремнистый путь привелъ меня все-таки въ высшую Аркадію. А въ настоящее время, когда нѣкоторые близорукіе люди считаютъ «фей» и «добрыхъ духовъ» племенемъ, исключительно присущимъ романтическимъ мѣстностямъ Англии, Ирландіи или Индіи, я думаю:

«Вы теряли время на чтеніе книгъ. Вы никогда не были на измѣнчивомъ Куррумпо, когда луна, Мезасъ, бросаетъ свое сіяніе

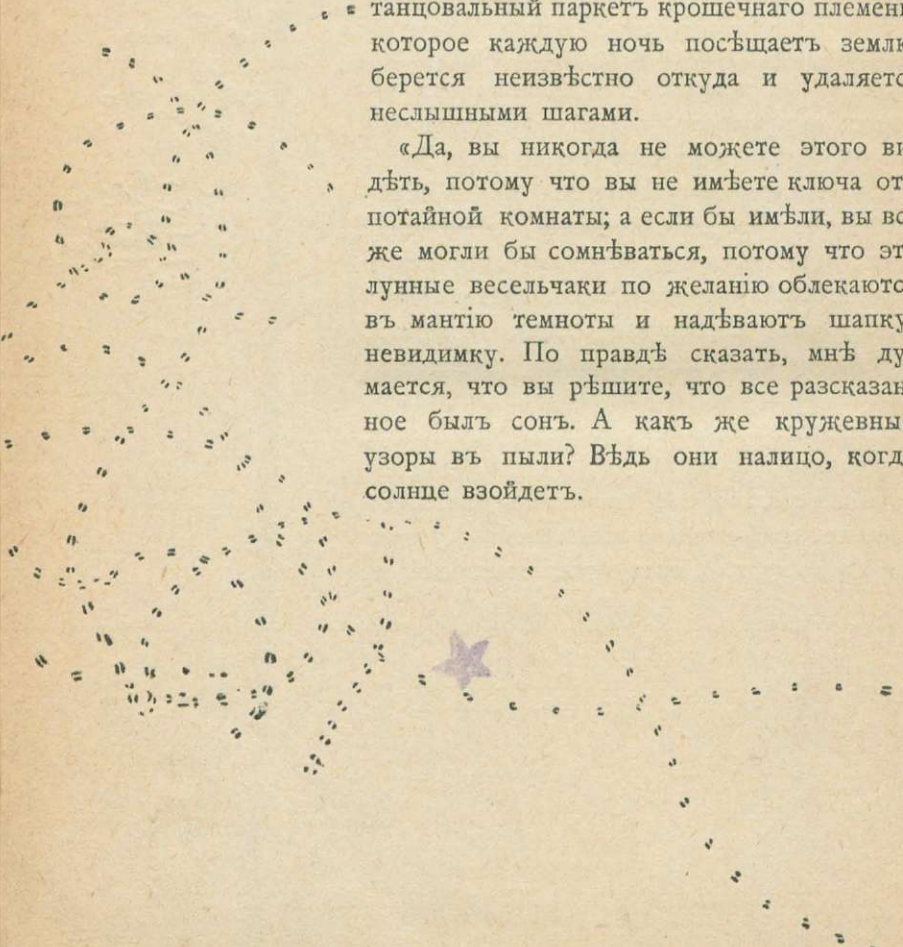

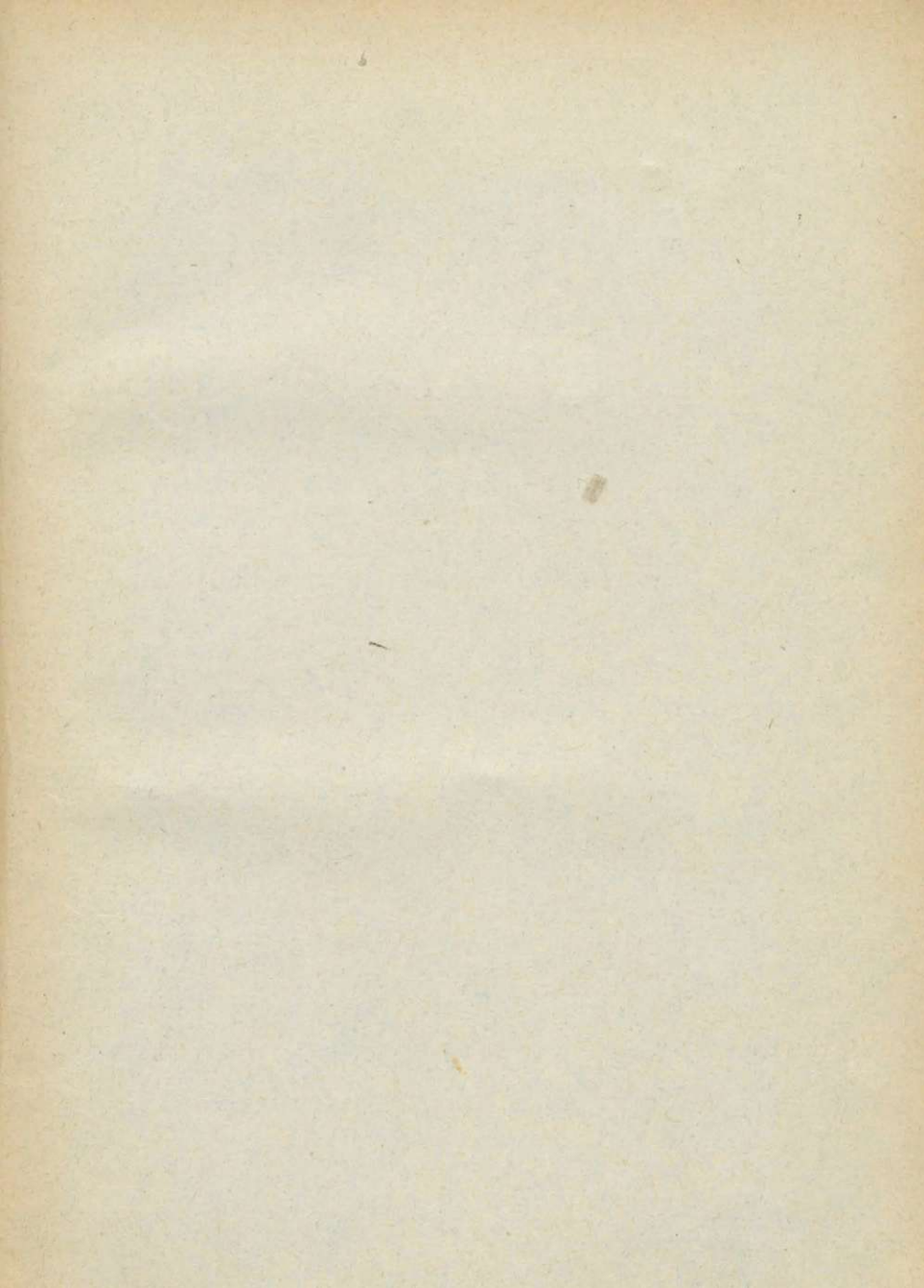
IX 259 24

Кенгуровая крыса.

на каждой изгибъ рѣки, купая холмы въ зеленомъ свѣтѣ и наводя синія тѣни. Вы никогда не слышали лунной мелодіи, вы никогда не видали, какъ лунные лучи, скользя по верушкамъ репейника и испанскаго штыка, спокойно, какъ бы по уговору, ложатся на гладко выметенный танцевальный паркетъ крошечнаго племени, которое каждую ночь посѣщаетъ землю, берется неизвѣстно откуда и удаляется неслышными шагами.

«Да, вы никогда не можете этого видѣть, потому что вы не имѣете ключа отъ потайной комнаты; а если бы имѣли, вы все же могли бы сомнѣваться, потому что эти лунные весельчаки по желанію облачаются въ мантию темноты и надѣваютъ шапку-невидимку. По правдѣ сказать, мнѣ думается, что вы рѣшите, что все рассказанное былъ сонъ. А какъ же кружевные узоры въ пыли? Вѣдь они налицо, когда солнце взойдетъ.

2007097477

Издание В. М. Саблина.